

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ЗАПИСКИ
ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК

4

Л. Н. ТОЛСТОЙ

19 39
СОЦЭКГИЗ

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

ЗАПИСКИ
ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ

ВЫПУСК IV

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Редакция
Н. А. МЕЩЕРЯКОВА

Л. Н. Толстой
Фотография 1870-х гг.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1939

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
А. Н. ТОЛСТОЙ	
«Вечерние повести. Метель». Неопубликованный отрывок. Подготовил к печати Г. А. Волков	5
«Война и мир» (Бородинское сражение). Варианты. Подготовил к печати Г. А. Волков	8
«Воскресение». Варианты к III ч. романа. Подготовил к печати Ф. В. Буслаев	18
ПИСЬМА А. Н. ТОЛСТОГО	
Письма к М. Н. Толстой. Подготовила к печати В. С. Любимова-Дороватовская	23
Письмо к П. Д. Голохвастову. Подготовил к печати Н. Н. Гусев	28
Письмо к С. М. Соловьеву. Подготовила к печати В. С. Нечасова	30
Письма к П. И. Бирюкову. Подготовил к печати Ф. В. Буслаев	31
Письма к С. А. Толстой. Подготовил к печати Н. Н. Гусев	36
ГРАМОТЫ и ДОКУМЕНТЫ А. Н. ТОЛСТОГО	
Подготовил к печати И. В. Федоров	47
ОБЗОРЫ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ	
Новые приобретения рукописей А. Н. Толстого, сост. Н. Н. Гусев	53
Корреспонденты А. Н. Толстого, сост. Ф. В. Буслаев и Е. Н. Руняч	57
Вокруг Толстого. Материалы С. А., Т. А. и А. Л. Толстых, М. П. Бере, В. Г. Чертова, К. С. Шохор-Троцкого и Т. Е. Ергольской, сост. И. В. Федоров и Е. Н. Руняч	59
НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ	
(январь — июнь 1938 г.)	64
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	69
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	72

ОТ РЕДАКЦИИ

Собрание рукописей А. Н. Толстого, хранящихся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина, составляет одно из ценнейших сокровищ Отдела, его гордость, автографы величайших художественных произведений, имеющих мировое значение, «Войны и мира» и «Анны Карениной», тысячи писем Толстого и десятки тысяч писем его корреспондентов, среди которых находятся представители чуть ли не всех стран света, — таковы качественные и количественные масштабы этого изумительного собрания.

Над рукописями Толстого не прерывается работа исследователей. В помощь им Отдел издал два выпуска краткого описания рукописей Толстого, его творческих автографов и его писем. Этот каталог охватил лишь основную часть собрания. Между тем собрание автографов Толстого, а также иных материалов, к нему относящихся, продолжает ежегодно расти. В частности 1938 год принес Отделу новые ценнейшие поступления. Чтобы познакомить с ними исследователей, а также всех, кому дорога каждая строка великого русского писателя, мы отдаем этот выпуск «Записок Отдела» публикациям текстов Толстого и обзорам различных архивных документов, представляющих интерес для изучения его жизни и творчества.

На первом месте мы публикуем вновь приобретенный автограф «Вечерних повестей», художественного произведения Толстого, до сих пор бывшего неизвестным. Непревзойденное мастерство Толстого в лепке характернейших человеческих образов, в анализе тончайших душевных движений нашло свое блестящее отражение и на пяти страницах этого, к сожалению, незаконченного произведения.

Далее мы публикуем один из ранних вариантов тех глав «Войны и мира», где показано Бородинское сражение. Чувство глубокого патриотизма и ненависти к интервентам, спаявшее в единое целое всю русскую армию — от ее вождя Кутузова до последнего ополченца, весь русский народ, противопоставлено здесь цинично равнодушному отношению насмных немецких генералов, которых так много было в царской армии во все времена Романовской династии.

Из неизвестных вариантов романа «Воскресение» мы публикуем главы, в которых Толстой, изображая «политических преступников», принужден был впоследствии, из-за цензурных условий, сделать купюры и замены.

Далее мы помещаем избранные письма из большого, еще не опубликованного эпистолярного наследия Толстого. Пять писем молодого Толстого к сестре были написаны им в то знаменательное для его творческого роста время, когда он, вернувшись из Севастополя, завязывал первые литературные знакомства с Некрасовым, Тургеневым и другими писателями — сотрудниками журнала «Современник».

Письмо к П. Д. Голохвастову интересно выраженным в нем восторженным отзывом о «Повестях Белкина» Пушкина и замечанием о поэтическом оскудении Европы особенно Германии. Письмо к историку С. М. Соловьеву показывает глубокий интерес и любовь Толстого к прошлому своего народа. Избранные письма к П. И. Бирю-

Академия наук СССР
Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина
ЗАПИСКИ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ. Вып. IV. А. Н. ТОЛСТОЙ. СОЦЭГВИЗ 1939 г. ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ.
 Редактор **И. А. МЕЩЕРЯКОВ**. Уполном. Газета № А-5578. Техредактор **О. ГУРОВА**.
 Корректор **Э. ИМШЕНЕЦКАЯ**.

Сдано в набор 15/II 1939 г. Подписано к печати 23/IX 1939 г. Тираж 2800 экз. Огыз № 2156. Учетно-вхл. л. 8,857. Объем 4½ п. л. + 1¼ л. иллюстр. Формат бумаги 72×110/16. Цена книги 4 р. 60 к.
 Набрано в 1-й Образцовой тип. Огиз РСФСР греста «Полиграфинга», Москва, Вдовая, 28.
 Отпечатано с матриц в 18-й тип. греста «Полиграфинга» Москва, Шубинский пер., 10. Зак. 1187.

кову содержат автобиографические сведения, а письма к жене рисуют Толстого последних лет, «ленополянского мудреца».

Последняя часть «Записок» отдана обзору новых поступлений по Толстому, обзору писем его многотысячных корреспондентов, а также обзору различных архивных материалов, которые так или иначе могут заинтересовать исследователей его жизни и творчества.

В этом обзоре «Вокруг Толстого» мы даем сведения об официальных документах Толстого, сохранившихся в архиве, о переписке близких ему лиц, о различных материалах частного и общественно-политического характера, нашедших себе место по той или иной причине в недрах его архива.

ВЕЧЕРНИЕ ПОВЕСТИ¹

М. Главитина

Метель² 12 февраля 1800³ года

Все помнят страшную метель⁴ 12, 13, 14 февраля. Сотни людей замерзли. Железные дороги заплатили тысячи, чтобы расчищать и откапывать засыпанные станции, поезда.

Эта метель сделала Петра Мякшина не только счастливым человеком, но человеком, чем он прежде не был.

Все, кто знал П. Мякшина, знали, что он был здоровый, не безобразный, скорее красивый мальчик, хорошо воспитанный, т. е. (не в том смысле, что он знал много наук, а в том смысле, что не обтирал рот рукой, не ел с ножа, не входил в комнату с засунутыми в карманы панталон руками — что гораздо⁵ важнее в жизни) знали, что он кончил курс в каком-то факультете, как и все забыв все, что там читалось, но усвоив некоторую университетскую самоуверенность, которая была не неприятна, вследствие того, что он был хорошо воспитан, знали, что у него было где-то в хорошей губернии ровно столько земли, что ему⁶, расплатившись с работниками, старостой, поденными⁷ и построив один год су-

шилку, другой год флигель, остаться¹, надеяться на будущий год непременно расплатиться с долгами, и знали главное, что он добрый мальчик, но бог его знает — чужак, а не человек.

Жил он то в деревне, то в городе, и ни в городе, ни в деревне ему не было ни весело, ни скучно. Были у него родные и приятели, но он годами не писал и не видался с ними, но когда случилось ему заехать к ним, то он поселялся у них, и хотя он был скорее приятный, чем неприятный домочадец и он застревал на такое долгое время, что почти всегда надоедал под конец своим хозяевам.

Ему-то случилось ехать из Москвы с почтовым поездом 12-го февраля 18... г.

Мякшин любил езду по железным дорогам. Хотя он и не бывал общителем и никогда не заговаривал первым сам, всегда кончалось тем, что, благодаря его приятной наружности, с ним заговаривали и он как в маскараде интриговал и был интригован и выходил из вагона на своей станции с приятным сознанием того, что есть все-таки славные люди. И это он любил. И даже бывал смелее и развязнее в вагонах с чужими, чем бывал с теми, которые его знали.

Все с начала было как² обыкновенно при выезде из Москвы. Наряженные в³ русские костюмы кондуктора⁴ под озабоченностью⁵ [и] старательностью скрывали от непосвященных тайну⁶ причин размещения всех пас-

¹ Зачеркнуто: Виталина Толинина. Слова от заглавия в кружках заметки: «Свиданье не стал. Бурамбай переряжен в мужика». Справа другие — зачеркнуто: «Байрам Гуд». Затем: «Апраксины — цыганка. Игрок-счастливцев. Саярик вернулся домой».

² В рукописи Толстого в заглавии и тексте всюду «метель».

³ Зач.: 69, затем 79. Вместо цифр «79» Толстой ошибочно написал сверху «00», т. е. «1800» года. Вероятно он хотел написать «18... г.»

⁴ Зач.: 18... года. Одна из этих метелей. Эта метель.

⁵ Зач.: для меня.

⁶ Зач.: не совсем доставало платить

⁷ Зач.: и вместе портному, сапожнику, на железных дорогах и в магазинах.

¹ Зач.: должным. Слово «остаться» не зачеркнуто по рассеянности.

² Зач.: сле[дует]

³ Зач.: свои

⁴ Зач.: с некоторой европейской и вместе

⁵ Зач.: и достойной

⁶ Зач.: раз[мещении], повод

сажиров всё в один и тот же вагон. Были те веселые дамы, которые прощались на крылечке, был военный с саблей и картонкой шляпы, занявший место в углу, очевидно не желающий шутить, а едущий в дальний путь, был там господин в расцтегнутом пальто с бобровым воротником, который всё входит и выходит, была тихая, шепчущая чета мужа с женой. Был одинокий¹ скромный, очевидно из ученого мира. Были и те вещи, которым до самого конца не видно хозяев.

Были и те случайные пассажиры, не входящие в эти определенные разряды. В этом числе был и Мякшин.

Он вошел², когда уже всё было занято. И выбрав против двери двойное место, спросил военного³, занято ли? Военный (оказавшийся потом приятнейшим и учтивейшим человеком) по тому непреодолимому закону, по которому в первую минуту усадки все бывают грубы, строго, презрительно и даже зверски взглянул и ничего не ответил. Мякшин попробовал сдвинуть пледы, но тотчас же еще более строгий голос из-за ручки кресла закричал: занято.

«Вечерние повести» Толстого до настоящего времени были известны только по публикации П. А. Сергеевко и А. Е. Грузинского. В сборнике писем А. Н. Толстого ими было помещено факсимиле первой страницы рукописи⁴. Однако имея в руках автограф, публикаторы не вскрыли смысла этого чрезвычайно интересного замысла Толстого, и полностью начало «Метели», первой из «Вечерних повестей», до настоящего времени было неизвестно.

В архиве Толстого сохранился только один, последний лист автографа, который вместе с другими рукописями Толстого с давнего времени находился в Рукописном отделе Ленинской библиотеки. Два первых листа рукописи попали в чужие руки еще при жизни Толстого и приобретены библиотекой только теперь, в конце 1938 г.

Автограф «Вечерних повестей» представляет собою четыре листа гладкой писчей бумаги, размером в четвертую долю

¹ Знач.: у ок[на]

² Знач.: после

³ Знач.: разлом[ившего]

⁴ См. «Новый сборник писем А. Н. Толстого». Собрал П. А. Сергеевко, под ред. А. Е. Грузинского. Изд. «Окто», М. 1912. Вклейка между стр. 48—49.

В непродолжительном времени кондуктор ввел последних двух, упорствуя, что места есть. Все как следует, зная вперед, что места есть на всех, притворялись уверенными, что мест нет. Как следует один, готовый быть оратором от общества, уже начал обычную речь о том, как у нас и как за границей. Ученый скромный человек, как следует тонким, но достойным голосом, стоя посередине вагона и слабо улыбаясь [говорил], что он готов везде сесть, только бы ему показали, и, как следует, ему показали, и наряженный в русского кондуктор, рассовав мешки и показав всем места, удалился молодецким шагом, и вслед за тем, как следует, барыня уронила другой на голову свой плаед, и вслед за тем зазвонили последний раз, засвистел свисток и поезд тронулся мимо фонарей.

Мякшин очутился рядом с молодым ученым. Оба были тихи и дружелюбны¹. Против них, на искоски находился военный. Он зверски оглядывал даму и купца в норковой шубе, которые были посажены на то место, где должны были быть его ноги.

Листа, с фабричным клеймом: «Новгород Соловьевой фабрики». Первые два листа исписаны кругом. На третьем листе исписана только первая страница. Оборот третьего и четвертый лист чистые, почему можно заключить, что рукопись продолжения не имела.

Рукопись повести Толстым не датирована. Дату ее можно определить лишь приблизительно. Заглавие первой повести: «Метель 12 февраля 1800 года». Вместо «1800» первоначально стояло «1869», затем цифра «6» была переправлена на 7—«1879», и уже после этого цифры 79 были зачеркнуты и заменены двумя нулями. Следовательно, рукопись была написана не раньше 1879 г. Судя по почерку Толстого и по содержанию повести, рукопись относится к 1880 или к самому началу 1880-х годов.

Заглавие «Вечерние повести» по замыслу Толстого должно было объединять ряд произведений, цикл повестей. Автором этих повестей должно было быть вымышленное лицо, некто «М. Главитина». Фамилия эта установилась у Толстого не сразу. Перво-

¹ На полях: Она расшевел[а]ла. Матан [одно слово не разобр.]. Мякшин проголодав делает чудеса.

начально в подзаголовке, после заглавия «Вечерние повести», было написано: «Толлив». Затем поперх слова «Толлив» написано: «Виталина». Зачеркнув эту фамилию, Толстой ниже вновь написал первую: «Толливина». Зачеркнув и ее, он сверху надписывает «М. Главитина». На этой фамилии Толстой остановился.

«Не беремся определять странных слов — как будто имен — в заглавии», — пишут П. А. Сергеевко и А. Е. Грузинский в объяснительных строках при публикации первой странички рукописи.

Нам эти фамилии не кажутся странными и загадочными. Мы предполагаем, что в подзаголовке Толстой, по всей вероятности, хотел назвать себя, но не прямо своим, а вымышленным именем. Известно, что у Толстого был излюбленный творческий прием. При выборе имен и фамилий своих героев он брал действительные имена и фамилии и переставлял в них буквы таким образом, чтобы их созвучие напоминало подлинные имена и знакомые для слуха фамилии: Иртеньев — от Исленьев, Корняковы — Горчаковы, дядя Ерощка — дядя Епшшка, Болконский — Волконский, Безухов — Безбородко, Ростов — Толстой (в черновиках Простой), Друбецкой — Трубецкой, Левин от имени Лев и многие другие.

Не применил ли и здесь Толстой свой прием? Не есть ли «Толливин» псевдоним Толстого, означающий: Толстой Лев Николаевич, а «Главитин» — граф Лев Николаевич Толстой?

Если наша догадка верна, то заглавие расшифровывается следующим образом: «Вечерние повести М. Главитина», т. е. «Вечерние повести графа Льва Николаевича Толстого».

Невольно напрашивается сопоставление этого заглавия с заглавием Пушкина: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, издание А. П.».

Толстой с юности любил Пушкина. Он очень высоко ставил его как писателя и много раз перечитывал его стихи и прозу. Особенно любил Толстой «Повести Белкина».

В посланном письме к Голохвастову от 30 марта 1873 г. Толстой писал: «Вы не поверите, что я с восторгом, давно уже мною не испытываемым, читал это последнее время, после вас, «Повести Белкина», седьмой раз в моей жизни. Писателю надо, не переставая, изучать это сокровище. На меня это изучение произвело сильное действие»¹.

¹ См. это письмо в настоящем сборнике, стр. 28.

В письме к тому же Голохвастову от 10 апреля 1873 г. он писал: «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу, прочтите с начала все «Повести Белкина». Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое произвело на меня это чтение...»

Так как перед нами только начало одной из повестей Толстого, трудно говорить о влиянии на него Пушкина в общепринятом значении этого слова. Несомненно, что в отношении стиля, языка и т. д. Пушкин вряд ли мог влиять на Толстого. Толстой давно уже был большим, сложившимся писателем. У него был свой стиль, язык и свои приемы художественного мастерства. Поэтому говорить о влиянии в эту пору на Толстого Пушкина, или какого-либо другого писателя, следует с особой осторожностью. Вообще же Пушкин, конечно, влиял на Толстого. Влиял он на него преимущественно своим методом художественного реализма. И «Повести Белкина» оказывали на Толстого действие главным образом этой своей стороной.

Но, наряду с таким глубоким внутренним влиянием, Толстой нередко испытывал на себе влияние чисто внешнего порядка. Известны случаи, когда Толстой брал тему, уже использованную в литературе, и на ее основе создавал свое произведение («Кавказский пленник», ряд народных рассказов). Сопоставление начала «Аним Карениной» в ее первых набросках с отрывком Пушкина «Гости съезжались на дачу...» показывает, что Толстой в одной из самых ранних редакций, озаглавленной «Молодец-баба», начал свой роман в прямой зависимости от Пушкина¹.

Намек на некоторую внешнюю связь Толстого с Пушкиным, по нашему мнению, можно усмотреть и в плане начатой Толстым повести. В «Повестях Белкина» — «Метель» и у Толстого первая повесть — «Метель». У Пушкина метель повлияла на судьбу героини и героя повести, и у Толстого метель влияет на дальнейшую жизнь его героя. У Пушкина дело кончается свадьбой, у Толстого тоже.

Сохранилась ли бы эта внешняя связь, если бы Толстой продолжал свою повесть, неизвестно. К сожалению, Толстой оставил свой замысел в самом начале работы.

¹ См. об этом статью Н. Гудзия «Как начал Толстой «Анну Каренину» (Литературная встреча Толстого с Пушкиным)» «Красная новь», 1935 г., кн. II, стр. 150—153.

Несомненно одно. Содержание «Метели» должно было быть совершенно другое, чем у Пушкина и чем оно было у самого Толстого в одноименном рассказе, написанном им за двадцать пять лет до этого.

Толчком к написанию «Метели», как почти всегда у Толстого, повидимому, послужила какой-то жизненный факт.

Чтобы не связывать свою повесть с определенным, современным ему, действительным случаем, Толстой неудачно отодвинул дату своей повести с 1879 г. к 1800 году, упустив из виду, что в 1800 г. в России не было железных дорог и поэтому описываемого Толстым эпизода не могло быть.

По содержанию эта повесть не имеет ничего общего с автобиографическим рассказом Толстого «Метель» 1855 г., в котором Толстой описал, как он 24 января 1854 г., во время пути с Кавказа в Ясную Поляну, в метель «паутал целую ночь». Теперь метель нужна Толстому не как тема и сюжет, а как повод для изображения внутреннего и нравственного поворота в жизни его героя.

Герой повести, как почти все герои Толстого первой половины его творчества, дворянин. Он окончил курс в университете, хорошо воспитан, добрый малый, но чудак. У него где-то в хорошей губернии имение, он помещик, живущий то в деревне, то в городе.

Петр Мякиши 12 февраля 18... г. с почтовым поездом выезжает из Москвы, по всей вероятности, к себе в деревню. В дороге, из-за метели, с ним совершается переворот. До этого Мякиши не был человеком. Метель сделала его счастливым и человеком.

Остановившись в работе над «Метелью», Толстой в самом конце, на полях рукописи, сделал помету, вскрывающую дальнейшее содержание повести: «Она расшевелила... Мякиши, проголодав, делает чудеса».

Судя по началу повести, поезд, отошедший из Москвы, в вагоне которого ехали с Мякишиным описанные в начале лица, занесло снегом. Пассажиры, ожидая, пока их откопают, замерзали и голодали. При виде этого с Мякишиным совершается пере-

ворот, и он в порыве самопожертвования «делает чудеса», по всей вероятности, спасая людей. Метель делает Петра Мякишина счастливым. Это нельзя иначе объяснить, как тем, что Мякиши женится на одной из пассажирок, бывшей его попутчицей.

Содержание отрывка «Метели» говорит о том, что, по всей вероятности, задуманная Толстым повесть должна была иметь в основе нравственную идею. В этом отношении замысел Толстого невольно хочется сблизить с романом «Воскресение», с рассказом «Хозяин и работник», с рассказом «После бала» и другими произведениями. Поскольку можно уловить в отрывке характер героя «Метели», он по замыслу должен был принадлежать к числу излюбленных героев Толстого первой половины его творчества. Петр Мякиши — повторение типа Иртеньева, Оленина, Безухова, Левина. Во вторую половину своего творчества, позднее 1880-х гг., Толстой в своих произведениях с нравственной идеей гораздо реже брал героев из дворянской среды. Это последний раз говорит о том, что замысел «Вечерних повестей» следует отнести к самому началу 1880-х гг.

Сюжетная линия повести Толстого настолько ясна и проста, что две другие пометки, сделанные им в начале рукописи, слева от заглавия: «Свиданье, не встал», «Бурамбай переряжен в мужика», справа: зачеркнутое «Байрам Гул», затем «Апраксин — цыганка», «Игрок-счастливец», «Старик вернулся домой» — вряд ли можно отнести к «Метели». По всей вероятности, это сюжеты и детали сцен других вечерних повестей.

С публикацией начала «Метели» к огромному числу несуществующих замыслов Толстого¹ прибавляется еще один, значительный замысел «Вечерних повестей».

Отрывок печатается по новой орфографии.

Текст рукописи подготовлен к печати при участии В. В. Шершенева.

Г. Волков

¹ См. ст. Н. Н. Гусев. «Незавершенные художественные замыслы Толстого» — «Сборник Госуд. Толстовского музея», М. 1937, стр. 89—142.

«ВОЙНА и МИР»

два отрывка из черновых рукописей

[НАКАНУНЕ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ]

Утром 25, никому не сказавшись, Риегге выехал и приехал к вечеру к войскам в дрожках на подставных.

Лошади его ждали в Князькове. Князьково было полно войсками и до половины разрушено. По дороге у

офицеров Риегге узнал, что он выехал в самое время и что нынче или завтра должно было быть генеральное сражение. «Ну что ж делать. Ведь я этого хотел, — сказал сам себе Риегге, — теперь кончено».

У разломанных ворот стояла его подвода с кучером, берейтором и верховыми лошадьми. Риегге было проехал своих, но берейтор, узнав, окликнул его, и Риегге обрадовался, увидав свои знакомые лица после бесчисленного количества чужих солдатских лиц, которые он видел дорогой. Берейтор с лошадьми и повозкой стоял в середине пехотного полка.

Для того, чтобы иметь менее обращающий на себя общее внимание вид, Риегге намерен был в Князькове переодеться в ополченский мундир своего полка; но когда он подъехал к своим (переодеваться надо было тут, на воздухе, на глазах солдат и офицеров, удивленно смотревших на его пуховую белую шляпу и толстое тело, во фраке), он раздумал. Он отказался также от чая, который приготовил ему берейтор и на который завистливо смотрели офицеры. Риегге торопился скорее ехать. Чем дальше он отъезжал от Москвы и чем глубже погружался в это море войск, тем больше им овладевало беспокойство. Он боялся и сражения, которое должно было быть, и еще более боялся того, что опоздает к этому сражению. Берейтор привел двух лошадей. Одну рыжую, англоизированную, другого вороного жеребца. Риегге давно не ездил верхом, и ему жутко было влезать на лошадь. Он спросил, какая помирнее. Берейтор задумался.

— Эта мягче, ваше сиятельство. Риегге выбрал ту, которая была помягче, и когда ему ее подвели, он робко оглядываясь — не смеется ли кто над ним, схватился за гриву с такой энергией и усилием, как будто он [ни] за что в мире не выпустит эту гриву. И влез, желая поправить очки и не в силах отнять руки от седла и поводьев. Берейтор неодобрительно посмотрел на согнутые ноги и перегнутое к луке огромное тело своего графа и, сев на свою лошадь, приготовился сопутствовать. — Нет, не надо, оставайся, я один, — прощамкал Риегге. Во-первых, ему не хотелось иметь сзади себя этот укоризненный взгляд на свою посадку,

а во-вторых, не подвергать берейтора тем опасностям, которым он был намерен сам подвергать себя.

Закусив губу и пригнувшись наперед, Риегге ударил обоими каблучками по пахам лошади, этими же каблучками уцепился за лошадь, натянул и дернул неровно на сторону взятыми поводьями и, не отпуская гриву, пустился по дороге неровным галопом, предавая свою душу богу. Проскакав версты две и едва держась от напряжения на седле, Риегге остановил свою лошадь и поехал шагом, стараясь обдумать свое положение. Риегге с вечными попытками методичности, которые были в нем вероятно потому, что в характере его все было враждебно всякой методичности, сделал себе план и маршрут: куда и куда он должен ехать: 1) в Главный Штаб, 2) по войскам и позиции, 3) ночевать в Перновский полк к князю Андрею.

Риегге много было интересно в этом предстоящем сражении, как всегда и вечно бывает одним из самых интересных явлений жизни для мыслящего человека явление войны, люди чужие убивают друг друга. Во-первых, как управляются все эти массы и подчиняются одной воле? (Риегге был когда-то охотник до стратегических соображений и тактическая сторона дела интересовала его.) 2) Каким духом руководятся все эти массы? 3) и самый главный вопрос для невоенного. Что был бы я трус или нет?

Прежде всего Риегге направился в деревню Татарнинову, где стоял Кутузов с главной квартирой. Как только Риегге поехал один верхом между войск, с мыслью о том, что теперь ему уже нельзя отказаться от опасности, и о том, что каждую минуту может ожидать его, ему стало страшно за свое толстое белое, нежное тело, и чтобы поддержать в себе мужество, он живо вспомнил то чувство патриотического воодушевления, в котором он находился в дворянском собрании, и под влиянием этого чувства почувствовал удовольствие в мысли показать, что всё, не только богатство, но и самая жизнь — вздор, в сравнении с чем-то, — с чем он не знал. Ни в войсках, которые проезжал Риегге, ни еще менее в Татарниновой, где сосредоточивалось всё

высшее и блестящее сословие армии, он не нашел этого настроения.

По дороге он был, не доезжая Татариновой, в Бородине, которое было всё загромождено вонявшими и работавшими ополченцами. — Он был остановлен толпою народа, впереди которой шли с пением попы: «о—ду—ша—ах—наших» пели священники, и сзади солдаты несли икону. Pierre, сняв шляпу, остановился. Бывшие подле него рабочие весело бросили лопаты и побежали, крестясь, к шествию. Им, видно, весело было прервать тяжелую работу. Солдаты также подходили навстречу толпам и, сняв кивера, набожно крестились. Но Pierr'у очевидно было, что набожность солдат, с которой они встречали икону Смоленской божией матери, которую носили перед сражением по полкам, не имела ничего общего с предстоящим сражением и патриотическим духом. Солдаты отходили, и ополченцы бросались опять за лопаты в совершенно том же расположении духа, в котором они оставляли их.

В шестом часу Pierre за Бенигсеном приехал в Татаринову, где стоял Кутузов. Одна большая изба в три окна была занята Кутузовым. Рядом на плетне была прибита доска: «Канцелярия главного штаба». Напротив с фургонами у подъезда была изба, в которой жил Бенигсен. У Pierr'a было много знакомых, но он не подумал о том, к кому обратиться с тем, чтобы ему позволено было волонтером принять участие в предстоящем сражении (Pierre думал, что это необходимо). Перед самой деревней Pierr'a обогнал знакомый ему Кутайсов. Он верхом возвращался откуда-то с двумя офицерами. Кутайсов дружески обратился к Pierr'у, не в силах удержать насмешливые взгляды, которые сбегали всю фигуру Pierr'a, и улыбнулся на вопрос Pierr'a о том, как ему просить главнокомандующего о разрешении участвовать в сражении.

— Поедемте со мной, граф. Князь (Кутузов), верно, в саду под яблочей. Я вас проведу к нему. Ну, что Москва, волнуется? — И, не дожидаясь ответа, Кутайсов подвез к навстречу ехавшим генералам на дрожках и по-французски что-то горячо поговорил с ними.

— La position est intenable... Il faut être fou¹, — слышал Pierre.

— Кто это? — спросил Pierre.

— Это принц Евгений едет на левый фланг осматривать позицию — которая невозможна, — хотят артиллерия чтоб действовала из-под горы... Ну, да вам не интересно.

— Ах, напротив... мне² очень интересно, я видел вс³.

— А, — сказал Кутайсов и подвез к плетню, на котором была вывеска. Кутайсов слез и приказал казаку взять лошадь Pierr'a и Pierr'у сказал, куда идти и где найти свою лошадь.

В сарае на соломе спал один офицер, накрывшись рубашкой от мух, другой за дверью обедал подовыми пирогами и арбузом.

— Светлейший в саду? — спросил Кутайсов.

— В саду, ваше сиятельство, — и Кутайсов через сарай прошел в яблочный мужицкий сад, с теми переливами теней и света, которые бывают только в густых яблочных садах. В саду было прохладно и вдалеке виднелись раскинутый полотняный ковер и воротники мундиров и эполеты. Яблоки еще оставались на деревьях, и у плетня мальчишка босиком влез на дерево и грёс. Девчонки подбирали внизу. Они испуганно замерли, увидав Pierr'a; им казалось, что цель всех людей, а потому и этих, состояла в том, чтобы помешать им рвать яблоки.

Кутайсов прошел вперед, мелькая между деревьями, к блестящему коврику и эполетам. Pierre, не желая отвлекать главнокомандующего, остался сзади, но он слышал то, что говорилось. Вероятно, Кутузов говорил с главным заведывателем по докторской части, потому что Pierre слышал слова, ужасом поразившие его, о количестве нужных перевязок и фур для перевозки будущих раненых и убитых, теперь здоровых и живых, но число которых уже приблизительно верно определялось главным док-

¹ [Позиция не может устоять... Надо быть сумасшедшим]

² Зачеркнуто: хотелось видеть позицию и расположение войска. — Ну, так пойдемте, я вас сейчас проведу к светлейшему, и поедемте опять на левый фланг к Тучкову. Только я пообедаю. Меня звал Бенигсен.

тором и Кутузовым. Pierre слышал слова Кутузова: — Чем больше, тем лучше, — сказал Кутузов, — считай на 20 тысяч и не ошибешься.

Потом заговорил Кутайсов, и Pierre слышал слова Кутузова:

— Ну хорошо, поезжай сам, да пошли его ко мне. — Кутузов, засмеявшись чему-то, встал и пошел к избе переваливающейся, ныряющей походкой, руки назад. Pierre подошел к нему. Но еще прежде главнокомандующий остановился перед ополченским офицером, знакомым Pierr'у. Это был Долохов. Долохов говорил что-то горячо Кутузову, который через голову его кивнул Pierr'у. Pierre подошел. Долохов говорил:

— Все сражения наши были проиграны от слабости левых флангов. Я осмотрел нашу позицию и наш левый фланг — слаб. Я решил, что ежели я доложу все, ваша светлость может прогнать меня или сказать, что все известно то, что я докладываю, и тогда меня не убудет.

— Так, так...

[БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ]

Князь Андрей был в резервах, которые были без движения у Псарева до 3-го часа, и которые тронулись к батарее Раевского в 3-м часу. Князь Андрей устал от волнения опасности в бездействии, и теперь он задыхался от волнения и радости, подвигаясь вперед. Сколь ни глупое дело было война, он почувствовал себя ожившим, счастливым, гордым и довольным теперь, когда чаще и чаще слышались свисты пуль и ядер, когда он, оглядывая своих солдат, видел их веселые глаза, устремленные на него, слышал удары снарядов, вырывавших его людей, и чувствовал, что эти звуки, эти крики только больше выпрямляют его спину и выше поднимают голову и придают непонятную радость его движениям.

— Ребята! — крикнул князь Андрей и в ту же минуту почувствовал удар в грудь, выше соска. «Это ничего, ну еще», — сказал он сам себе в первую секунду удара. Еще быстрее он стал духом, но вдруг силы его ослабели. «Нет, это настоящая. Это конец», в ту же минуту сказал он себе и упал. «А жалко, что теперь. Еще что-то, еще что-то было хорошо.

— А ежели я прав, то я принесу пользу отечеству, для которого я готов умереть.

— Так, так...

— И ежели вашей светлости нужно человека, который бы пошел в неприятельскую армию убить Бонапарта, то я готов быть таким.

— Так, так... — сказал Кутузов, смеющимся, сузившимся глазом глядя на Pierr'a. И тут же обратился к Толю, шедшему за ним: — Сейчас иду — не разорваться мне.

— Хорошо, голубчик, благодарю тебя, — обратился он к Долохову, отпуская его. И к Pierr'у:

— Хотите порошу понюхать. Да, приятный запах. Имею честь быть обожателем вашей супруги. Здорова она? Мой привет, к вашим услугам, — и Кутузов прошел в избу.

Пообедав у Кутайсова, взяв у него лошадь и казака («и узнав где стоит Перновский полк»), Pierre поехал к Андрею, у которого и намерен был отдохнуть и провести ночь до сражения.

Досадно!» подумал он. Солдаты подхватили его.

— Бросьте, ребята, не выходи из рядов, — сказал еще князь Андрей, сам не зная, зачем он говорит это.

Солдаты остановились, но в это время ополченный офицер с седеющими усами подбежал к князю Андрею.

— Ну, молодцы, подхватывай, чистое дело марш, — прокричал ополченец на своих ратников с носилками, замывших позади его. — Не робеть!

Он подошел к князю Андрею и взял его подмышку. — Сейчас снесем, бог даст ничего, чистое дело, — говорил ополченец, глядя добрыми глазами на князя Андрея.

— Ну что ж, чья взяла; говорят наша, чистое дело марш... — сказал ополченец.

— Наша, разумеется наша, — проговорил князь Андрей.

— Слава тебе господи, — проговорил ополченец. — Я и то говорю, что наши. А без этого нельзя, — сказал он, указывая на рану князя Андрея. — Чистое дело марш, нельзя. Бог даст, ничего, пройдет.

Ополченцы положили Болконского на носилки и понесли.

В ту же минуту, как князь Андрей упал и его поднимали, он не думал о том, выиграно или проиграно сражение; но он, ни минутой не задумавшись и не сомневаясь, ответил утвердительно на вопрос ополченца, и не потому, что он считал нужным отвечать так, но потому, что он всем существом своим был убежден, что победа одержана нашими. Он за секунду перед этим, в себе, в своем движении с полком чувствовал эту победу.

Ополченный офицер, «дядюшка», который под сильнейшим огнем исполнил с своими ратниками дело хищной птицы, ожидающей смерти добычи, чтобы унести ее, и дядюшка, измученный физически и нравственно своей работой, несмотря на все ужасы дня, которые он видел более всех других, в глубине своей души был убежден, что победа должна принадлежать русским, и ожидал утвердительного ответа на свой вопрос. Вопрос этот о том, выиграно или проиграно сражение? теперь, в 3-м часу после полудня, после того как с той и другой стороны было убито и ранено более 80-ти тысяч человек, после того как русские отступили на левом фланге только на несколько сот сажен, после того как в некоторых дивизиях русских оставалось по несколько сот человек и спутанные разных полков толпы солдат беспорядочно брели назад по дороге к Смоленску, и на перевязочных пунктах не успевали перевязывать и отгонять столпившихся носильщиков, после того как то же самое происходило на задах французской армии, и французские генералы с трудом собирали свои разбредавшиеся команды, ужасались мысли о новом наступлении русских и с трудом приводили в порядок свой левый фланг, бросившийся со всеми обозами бежать куда попало после атаки Уварова. После того как у русских оставалось только четыре егерских полка и казаки, не расстроенные и не бывшие в деле, а у французов одна гвардия, которую очевидно нельзя было, не погубив себя, пустить в огонь, была еще не расстроена, после того как с той и другой стороны вышло из строя по 30-ти генералов, все команды перепутались и капитаны часто сами¹ командовали полка-

¹ Слова «часто сами», не разобраны С. А. Толстой при пе-

ми, после того как измученным без пищи и без отдыха людям той и другой стороны, глядя на покрытое трупами и кровью поле, начинало одинаково приходить сомнение о том, следует ли еще им повиноваться той воле, которая заставляла их истреблять друг друга, и на всех лицах было заметно колебание, и в каждой душе одинаково поднимался вопрос: «Зачем и для кого мне убивать и быть убитому? Убивайте, кого хотите, делайте со мной, что хотите, а я не хочу больше».

После того как мысль эта одинаково созрела в душе каждого и не приводилась в исполнение ни с той, ни с другой стороны, только потому что все эти люди были в толпе и нужно было только одному выразить эту мысль, — после всего этого вопрос о том, кто выиграл сражение, не мог бы быть решен никем. Тот, который посмотрел бы на расстроенные зады русской армии, сказал бы, что французам стоит сделать еще одно маленькое усилие, и русская армия исчезнет; и тот, кто посмотрел бы на зады французов, сказал бы, что русским стоит сделать еще одно маленькое усилие, и французы погибли. Тот, кто одновременно мог бы видеть всех участников этого сражения, и тот не мог бы решить этот вопрос. Вопрос этот лежал не в фактах сражения, а в сознании сражающихся. Факт был в пользу французов. Тот пункт — левый фланг, на котором сосредоточено было все сражение — отступил. Но во всех сражениях Наполеона и французов, и в Аустерлицком, памятном для русских и французов сражении, русские потеряли позицию на Прагене, потеряли $\frac{1}{4}$ своего войска и, быв численно французов, побежали; здесь те же русские, против тех же французов, был малочисленные французов, потеряли свою позицию, несколько раз отбивали ее, потеряли ее опять, потеряли половину своего войска (явление, не имеющее примера в истории) и, отступив на несколько сот шагов, не отдавали лишнего шага неприятелю с очевидным намерением отступить только тогда, когда они потеряют еще половину половины. И для постороннего наблюдателя, разумом репике рукописи, взяты по черновой рукописи.

взвешивающего события, вопрос о том, кто выиграл сражение, оставался нерешенным. Решение его в 3-м часу совершилось не в событиях, но в сознаниях людей. Французам с помощью воспоминаний всех прежних 15-летних побед, с помощью уверенности в непобедимости Наполеона, с помощью сознания того, что, убив почти всех русских, находившихся на флешах Семеновской и курганной батареи, направив против этих пунктов превосходные силы, сознания того, что они завладели частью поля сражения, с сознанием того, что еще 20-тысячная гвардия нетронутая стоит за ними, и не будучи атакованы, так как неким было атаковать их, — им было легко удержаться с 3-го часа и до вечера на точке колебания вопроса о победе, который не переходит ни в бегство побежденного, ни в торжество победителя; но для русских, растаявших наполовину, сбитых с позиции, не имеющих ни одной неразбитой дивизии, удержаться от бегства на этой точке колебания — казалось невозможно. История войн вообще, и в особенности войн Наполеона, не представляет ни одного не только подобного, но сколько-нибудь похожего примера, — не говоря уже о немцах, так снисходительно обучавших нас искусству воевать, которые во всех войнах с Наполеоном за правило поставляли, потеряв позицию и $\frac{1}{4}$ войска, — бежать и сдавать корпус в плен, и половину или и всю артиллерию, не говоря о немцах, — во всей истории войн нет подобного примера¹.

Русское войско стояло в Бородине в положении, загораживающем дорогу к Москве. Произошло сражение. Русское войско потеряло половину своих людей убитыми и ранеными (пленных сдающихся не было, были

¹ После этих слов во второй редакции публикуемого текста следующая вставка: Французам, казалось, не только было легко сделать это усилие, но они должны были его сделать, но они не делали его; потому что они истощали все возможные усилия, и артиллерия, и пехота, и кавалерия, долженствовавшая покончить сражение, были введены в дело, половина вражеской армии была убита, но другая половина, сбита с той части позиции, на которой она была еще 24 часа, отступила с той линии, где она стояла вначале, точно так же стояла несколько сот сажень позади.

пленные равным числом с обеих сторон пленных единичных), пушек было потеряно столько же, сколько взято, и на другой день армия точно так же, как накануне, загораживала дорогу к Москве, с той только разницею, что прежде сто тысяч загораживали дорогу ста двадцати тысячам, т. е. как 5 к 6, а после сражения, разменявшись шашками, 50 тысяч к 100 тысячам, т. е. как 1 к 2-м. Но точно так же русская армия, вся оставшая половина загораживала дорогу.

Отчего произошло это необыкновенное, не повторявшееся и не имевшее примеров явление? Не распределение войск по буграм, лесам и полям, не окопанные канавами курганы, не мудрые предположения и распоряжения Беннигсена, Гартинга, Вольцогена, не мужество и распорядительность Барклая-де-Толли, обиженного и искавшего смерти, как нам рассказывают, — произвели это явление. Причины этого явления лежали в том сознании, которое вызвало ополченного офицера, не жалея раненого, спросить у него, хотя он знал, что князь Андрей не мог знать этого, правда ли что выиграно сражение, и которое заставило князя Андрея, не задумавшись и не спрашивая себя о том, будет ли его ответ сообразен с фактами, отвечать утвердительно.

Неразумное сознание того, что мы хотим и потому должны победить, лежало в душе князя Андрея, ополченца и во многих людях русского войска. Сознание это было преимущественно у людей, сражавшихся в рядах войска, не у штабных, лишенных прямого участия, и исключительно у русских людей, а не у людей других национальностей, в особенности немцев, бывших в русском войске.

Люди, имевшие это глупое, нера-

Не один Наполеон испытывал то похожее на сповидание чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, солдаты французской армии, после всех опытов прежних сражений, испытывали то же. Во всех прежних сражениях после всеягеро меньших усилий неприятель бежал, и стояло только преследовать его, теперь он стоял точно так же грозно, потеряв и убив 80 тысяч человек. И нравственная сила французской атакующей армии была истощена прежде, чем сила армии, защищавшей себя.

зумное сознание о том, что сражение выиграно, несмотря на то, что мы уступили, сообщили его друг другу. Другие люди — штабные и в особенности немцы, ясно обсудившие дело, осмотревшие разбитые части войск, и видя бегущих в задах армии солдат и видя то, что мы уступили часть позиции, разумно решили, что сражение проиграно, и сообщили о том друг другу. Но так как вся масса армии состояла из русских и рядовых воннов, испытывавших одно и то же неразумное чувство ненависти к врагу и оскорбления, то голоса людей неразумных нашли больше веса и большинство разделяло глупое и неосновательное сознание того, что, несмотря на нашу разбитую армию, мы победили.

Дряхлый, слепой, развратный, неспособный Кутузов, как нам любят изображать его, в этот день 26 августа был в высшей степени одержим этим неразумным сознанием того, что мы победили, несмотря на все, что бы ни говорили ему.

В то время, как его начальник штаба граф Беннигсен, стоя на кургане Горок, с досадой объяснял, что сражение будет проиграно и уже проиграно, именно потому, что не исполнено то, что предполагал он, в то время как принц Виртембергский рассказывал о том, в каком расстройстве он видел бегущее русское войско, фон-Толь доносил, что все войска уничтожены и Барклай де-Толли присылал Вольцогена сказать, что сражение проиграно и всё бежит, — Кутузов сидел, понурился седую голову и опустившись тяжелым телом на лавку, покрытой ковром, у кургана Горок и не делал никаких распоряжений, а только соглашался или не соглашался на то, что предлагали ему.

— Да, да, сделайте это, — отвечал он на различные предложения. — Да, да, съезди, голубчик, посмотри, — говорил он.

Он оживлялся только в том, что касалось того странного умопомешательства, овладевшего умом русских, вследствие которого все русские полагали, что сражение выиграно, и которое он, видимо, разделял.

Когда ему привезли оказавшееся ложным известие о том, что Мюрат взят в плен, он перекрестился, по-

здравил окружающих с этим успехом, послал объявить это войскам и велел везти к себе Мюрата.

Когда ему доносили об отбитии флеш и кургана, он опять крестился, громко выражал свою радость и убеждение, что мы победили. Когда к нему подъезжали с донесениями русские адъютанты и начальники частей большей частью с оживленными и радостными лицами, он при всей толпе своей свиты заставлял их рассказывать; но когда к нему подъезжали с донесениями немцы, даже когда любимый им Толь подъехал к нему с известием с левого фланга, он встал и подошел к нему, один выслушивая то, что он имел сказать ему. Один только раз, в конце сражения, глаз его засверкал, он нахмурился и закричал почти. Причиной этого необыкновенного оживления было опять то же неразумное и непростительное, как показывает здравый рассудок, в главнокомандующем заблуждение о том, что мы должны победить, что бы там ни было. Причиной этого оживления был флигель-адъютант Вольцоген (тот самый, который, проезжая мимо князя Андрея, говорил, что войну надо *im Raum versetzen*¹ и которого ненавидел Багратион). Вольцоген приехал от Барклая, которого еще более ненавидел теперь смертельно раненый Багратион, с донесением о ходе дела на левом фланге.

Кутузов сидел, понурился седую голову, и не успел остановить Вольцогена вдали от свиты. Вольцоген слез с лошади и небрежно разминая ноги, с полупрезрительной улыбкой на губах, подошел к Кутузову, слегка дотронувшись до козырька рукою.

Господин Вольцоген обращался с светлейшим с некоторой аффектированной небрежностью, имеющей целью показать, что он, как флигель-адъютант во-первых, а во-вторых как высокообразованный военный, предоставляет русским делать кумира из этого старого, бесполезного человека.

«Der alte Herr, — как называли Кутузова в своем кругу немцы, — weiss wohl nicht wo ihm jetzt der Kopf steht»², — подумал он и начал с разумной определенностью докла-

¹ [Перенести в другое место]

² [Старый господин теперь не знает где у него голова находится]

дывать старому господину положение дел на левом фланге, так, как приказал ему Барклай и как он сам видел.

— Все пункты нашей позиции в руках неприятеля и отбиты нечем, потому что войск нет, они бегут и нет возможности остановить их, — докладывал он.

Никто из окружающих старого господина не видел его в таком оживлении гнева, в которое он пришел при этих словах господина флигель-адъютанта фон-Вольцогена. Тяжелое тело его вдруг поднялось, он надвинулся на Вольцогена и, нахмурившись, закричал на него.

— Ход сражения известен мне как нельзя лучше! — закричал он. — Неприятель отбит на всех пунктах¹.

¹ После этих слов во второй редакции публикуемого текста вставка:

— И передайте от меня генералу Барклаю поздравление с победой.

Кутузов ни как главнокомандующий, ни как русский человек не мог согласиться с определенительным мнением Барклая де-Толли о том, что сражение проиграно. Как русский человек Кутузов чувствовал, что потеря этого сражения есть потеря России, что проиграть его нельзя и что говорить о проигрыше сражения теперь, после всех понесенных трудов и потерь, есть то же самое, что бегство после выигранного сражения. Как главнокомандующий он, напротив, видел ясно, что сражение выиграно, выиграно превыше его ожиданий. Кутузов знал, что Шевардинский редут не был передовой пункт, а левый фланг позиции, потерянный еще 24 числа, что (26) левый фланг нашей армии был без позиции и не мог удержаться; но он знал, что центр позиции, в полверсте от которого он находился, оставался в наших руках. Правый фланг не только не был сбит, но атаковал французов, и левый фланг, выдержав всю силу изпора французов, только загнулся. Не только Кутузов, но ни один военный человек того времени не мог ожидать такого блестящего результата. Русская армия загоразжила дорогу в Москву. Цель сражения со стороны Наполеона была снять, обойти, истребить эту армию, и он атаковал эту армию. Цель русских состояла в том, чтобы защитить дорогу в Москву, несмотря на несчастное вчерашнее дело при Шевардине, в котором русские потеряли позицию левого фланга и без позиции должны были отбивать всю французскую армию, направленную на левый фланг, после 26 русские стояли в том же месте, точно так же загоразжила дорогу в Москву. Так что же говорить Кутузову о потере сражения, против которого единственно возмущалось и чувствовало русского и знание дела главнокомандующего.

— Неприятель отбит, я лучше вас знаю, — повторил он.

Вольцоген хотел возразить что-то, но Кутузов перебил его.

— Отбит на левом и поражен на правом фланге, — и указывающая рука его дрожала.

— Ежели вы плохо видели, то не говорите то, чего вы не знаете, — сказал Кутузов, очевидно не из расчета говоря эти несправедливые слова, но всей душой веря им. И Кутузов, отвернувшись от Вольцогена, сел опять на лавку.

— Извольте ехать к генералу Барклаю и передать ему на завтра намерение атаковать неприятеля.

Вольцоген отошел, презрительно пожав плечами и поджимая на сторону губы über diese Eingepommenheit des alten Herrn¹.

— Отбиты везде, — продолжал Кутузов, — и завтра погоним его из священной земли русской, — проговорил он и всхлинул от наступивших слез².

Вслед за Вольцогеном к Кутузову подошел приехавший Раевский и стал сообщать о ходе дел с тою же неразумностью, с которою думали все русские люди. Выслушав его, Кутузов по-французски сказал ему:

— Vous pensez donc que nous ne sommes pas obligés de nous retirer?

— Au contraire, votre altesse, dans les affaires indécisées c'est toujours le plus opiniâtre qui reste victorieux³.

— Кайсаров! — кликнул Кутузов своего адъютанта и, указывая на крестьянский стол, стоявший подле лавки. — Садись, пиши приказ на завтрашний день. Завтра мы атакуем.

Пока шел разговор с Раевским и диктовался приказ, Вольцоген вернулся от Барклая и, поджав губы, доложил, что генерал Барклай-де-Толли желал бы иметь письменный приказ.

Кутузов, не глядя на Вольцогена, приказал написать этот приказ, кото-

¹ [на это самодурство старого господина.]

² Дальше один лист рукописи отсутствует. Текст со слов «Вслед за Вольцогеном», кончая словами: «разошлись, когда узнали» восстанавливается по рукописи первой редакции.

³ [Вы, значит, думаете, что мы не должны отступить? — Нет, напротив, ваша светлость, в нерешительных случаях всегда самый упорный остается победителем.]

рый весьма основательно, руководимый здравым смыслом, для избежания личной ответственности, желал иметь главнокомандующий 1-ю армией.

И по неопределимой таинственной связи, поддерживающей во всей армии одно и то же настроение, называемое духом армии, слова Кутузова, его приказ к сражению на завтрашний день передались одновременно во все концы войска. Далеко не самые слова, не самый приказ передались в последней цепи этой связи. Даже ничего не было похожего в тех рассказах, которые передавали друг другу на разных концах армии о том, в каком положении наши дела, — ничего не было похожего с тем, что сказал

В статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир» Толстой писал, что на создание «Войны и мира» он положил «пять лет непрерывного и исключительного труда, при наилучших условиях жизни». Толстой писал это в 1868 г., когда роман еще не был закончен. После этого он работал над ним еще более года. В общей сложности на создание «Войны и мира» Толстой потратил шесть лет напряженнейшего труда. Роман писался с 1863 по 1869 год.

До нас дошло огромное количество рукописей «Войны и мира». В Отделе рукописей Ленинской библиотеки хранится около пяти тысяч листов подлинных рукописей романа. Но это далеко не все рукописи. Часть их во время переписки и печатания «Войны и мира» была утеряна.

Рукописи «Войны и мира» дают яркое представление о характере творческой работы писателя над великим романом.

Многочисленные планы, заметки и конспекты, груды черновиков, десятки начал и редакций, бесконечные исправления и переречкивания целых страниц и глав. Неустанная кристаллизация написанного, начиная с отдельного словесного образа — эпитета или сравнения, и кончая характеристикой не только главных, но даже самых второстепенных лиц и событий. Постоянная неудовлетворенность написанным, поиски все новых и новых изобразительных средств. Неизменная острота мыслей и идей, волновавших писателя. Неиссякаемая страсть отношения к изображаемому. Огромный не только умственный, но и физический, буквально подвижнический труд. Вот

Кутузов, но смысла его слов, дух их, сообщился повсюду. Разбежавшиеся солдаты — некоторые за десять верст от поля сражения, — стали возвращаться, узнав что мы победили; те, которые разошлись, когда узнали вернулись к командам, чтобы полюбоваться на победу; те, которые страдали, стоя в огне, утешились, узнав, что их страдания не пропали даром.

Неразумное сознание того, что мы победили, хотя разбиты, усвоилось всей армией, и Бородинское сражение осталось навеки беспримерным военным подвигом (не победой, потому что в понятие победы включается бегство неприятеля, а французы не бежали), а лучшим военным, беспримерным в истории подвигом.

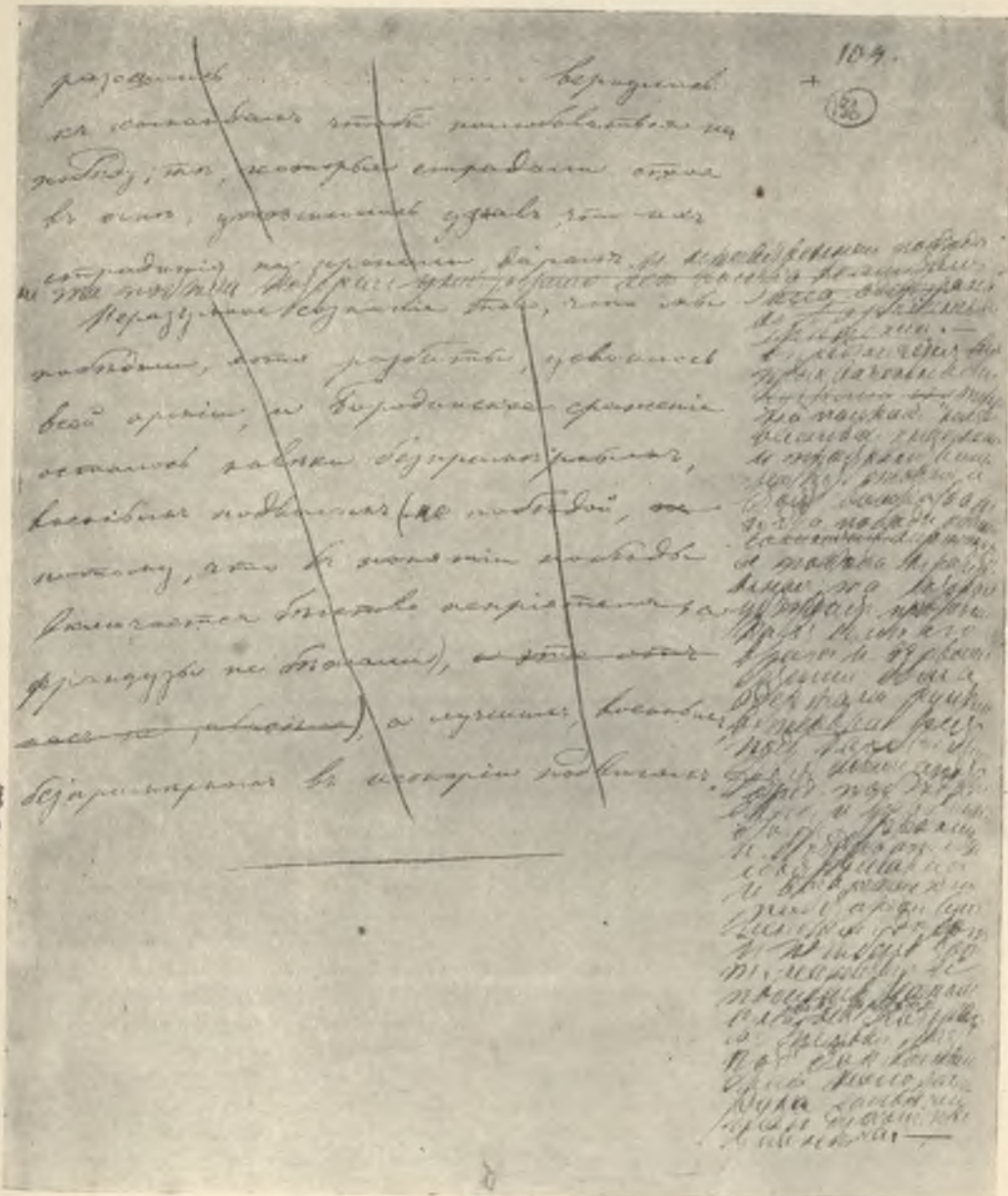
что при самом поверхностном взгляде на эти рукописи обращает на себя внимание.

Толстой писал «Войну и мир», в отличие от некоторых других своих произведений, почти не отрываясь. Во время работы над нею он лишь не надолго отвлекался для других работ. Нужна была огромная воля, чтобы выдержать такое длительное творческое напряжение. Нужно было чрезвычайно острое и глубокое сознание необходимости и полезности своей работы, чтобы так не жалеть своего труда, как не жалел его Толстой.

«Писать надо только тогда, когда чувствуешь в себе совершенно новое, важное содержание, ясное для себя, но непонятное людям, и когда потребность выразить это содержание не даст покоя», — писал Толстой в виде совета одному начинающему писателю. Этот тезис был правилом его собственного творческого труда на протяжении всей его литературной деятельности. С этим тезисом писал Толстой и «Войну и мир».

«Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную основную мысль... я... в «Войне и мире» любил мысль народную, вследствие войны 12-го года...», — говорил Толстой.

Героизм великого русского народа в эпоху отечественной войны, огромная патриотическая волна, охватившая в 1812 г. все слои русского населения, от забытых, неграмотных крепостных крестьян до барыни, не желавшей подчиниться французам и из патриотических чувств покидавшей Москву перед вступлением в нее неприятеля, народная война, разгром русскими вторгше-

Страница черновой рукописи «Война и мир»

гося в пределы отечества врага — вот та идея, то содержание, которое не дало Толстому покоя во время его работы над романом.

По собственному признанию Толстого, его творческая работа над «Войной и миром» усложнялась тем, что, помимо описания характеров, у него был исторический замысел.

Рукописи «Войны и мира» показывают, что Толстому стоила огромного труда именно историческая часть романа, то, что можно назвать публицистикой, — характеристика исторических лиц и событий, философские рассуждения, полемика с историками и т. п.

Публицистика «Войны и мира», против которой вскоре после появления в свет романа резко выступили как правые реакционные критики, так и некоторые критики левого направления (Шелгунов и др.), является чрезвычайно важной составной частью «Войны и мира». Она дополняет художественные образы и вместе с ними составляет идеологию «Войны и мира». Между тем до настоящего времени она не получила ни должного изучения, ни той оценки, которой она заслуживает.

В своем романе Толстой не только изображает величественные картины народной войны, но в публицистических отступлениях вскрывает причины, приведшие Россию к победе и торжеству над врагом. Толстой, подвергая анализу причины исторических событий начала XIX века, приходит к выводу, что основная причина победы русских над французами в 1812 г. заключалась в том, что этой победы захотел весь многомиллионный русский народ, не пожелавший лишиться своей национальной независимости. В борьбе с врагами русский народ, под предводительством народом же выдвинутого гениального полководца Кутузова, проявил единство, упорство, выдержку и замечательное мужество. В деле спасения родины русский народ пустил в ход все способности и средства борьбы с врагом, и в результате победил. Огромная европейская армия, возглавляемая лучшим полководцем, оказалась разгромленной.

Толстой говорит в «Войне и мире», что исход сражений решает не количество войск и пушек, их расположение и позиции, а внутренняя сила, называемая духом войска, сознание огромной массы людей, за что они сражаются.

Два публикуемых отрывка из черновых рукописей «Войны и мира» — яркий образец работы Толстого над основой своего романа.

Описание Бородинского сражения — узел «Войны и мира» как исторического романа. С него же начинается развязка «Мира» — ранение и смерть князя Андрея, завершение нравственного переворота Пьера Безухова. Поэтому Толстой с повышенной требовательностью относился к своей работе над описанием Бородинского сражения.

В рукописях «Войны и мира» сохранилось четыре редакции описания Бородинского сражения.

Первая, самая ранняя, черновая рукопись написана Толстым собственноручно. К сожалению, она сохранилась не полностью.

С этой рукописи рукою С. А. Толстой была снята копия, подвергшаяся затем большой правке Толстого. В результате большой работы Толстого первоначальный текст почти полностью переработан. Рукопись приняла настолько черновой вид, что понадобилось ее вторично переписать.

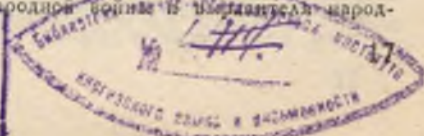
С этой рукописи рукою Софьи Андреевны сделана вторая копия, также подвергшаяся новой обработке Толстого. Эта третья редакция рукописи, хотя и близка к печатному тексту, не была окончательной, так как она имеет довольно много отличий от печатного текста. Вероятно, была еще одна промежуточная редакция, рукописи которой не сохранилось. Возможно, что этой рукописью были гранки набора, которые Толстой подвергал бесконечным исправлениям.

Нами публикуется самая ранняя, первая редакция описания Бородинского сражения, с приведением из второй редакции двух мест, не вошедших в печатный текст.

Что же нового дает эта редакция по сравнению с печатным текстом?

Первый отрывок — «Накануне Бородинского сражения» — в печатный текст не вошел совсем. Приезд Пьера Безухова в армию, поездка его по войскам, встреча с Кутайсовым, свидание с Кутузовым, разговор Кутузова с Долоховым — все это для окончательного текста в корне Толстым переработано.

Второй отрывок — «Бородинское сражение» — также весьма далек от печатного текста. В печатном тексте «Войны и мира» совершенно по-другому описано ранение князя Андрея. Там отсутствует фигура ополченского офицера. Этот ополченец, «дядюшка», конечно дядюшка Ростовых Михаила Никанорович, с его излюбленной поговоркой «чистое дело марш». Первоначально Толстой хотел вывести его не только в «Мире» но и в «Войне и мире» как представителя народной войны и «благородный народ».

ного духа в войне, но затем от этой мысли отказался. В окончательном тексте переработанного рассуждения о результатах Бородинского сражения. Следуя своему неизменному правилу, что от сокращения изложение выигрывает, Толстой значительно сократил эти рассуждения. Несколько по-другому изображен Кутузов, Исключена тема о немцах как разумных теоретиках войны. Переработана сцена Кутузова с Вольцогеном. Все описание в печатном тексте дано короче и ярче. Рассуждения о результатах Бородинского сражения выде-

лены в отдельную, последнюю главу второй части.

Отрывок «Накануне Бородинского сражения» относится к главам XX—XXII второй части III тома печатного текста «Войны и мира».

Отрывок «Бородинское сражение» относится к главам XXXV, XXXVI и XXXIX второй части III тома «Войны и мира».

Заглавия отрывков принадлежат нам.

Г. Волков

«ВОСКРЕСЕНИЕ»

Варианты к III части романа

Глава III

Другие три женщины, шедшие в этой же партии, были: Вера Ефремовна, старая знакомая Нехлюдова, по совету которой он и выхлопотал для Масловой перемещение к политическим; хорошенькая, молоденькая, кокетливая девушка, прозванная товарищами Птичкой, и очень уважаемая товарищами жена знаменитого революционера Ранцева, шедшая в каторгу вместе с М[аршей] П[авловной]. Ранцева была дочь профессора и еврейки, очень даровитая, здоровая, с приятной некрасивой наружностью и оборотливой улыбкой молодая женщина. Эмилия, так звали Ранцеву, 16-ти лет, кончая гимназию, влюбилась в Ранцева, студента Петербургского университета, и 19 лет вышла за него замуж. Пока он был студентом и любил науку, и она любила науку, и пошла на медицинские курсы. Но она еще не кончила курса, когда он бросил науку и весь отдался новому революционному течению под названием народовольства, цель которого состояла в свержении существующего правительства для того, чтобы воля народа могла свободно выразиться и найти соответствующие формы жизни. Эмилия усвоила тотчас же те же взгляды и вышла с курсов, и отдалась вся революции. Она была умна и потому не рабски подражала своему мужу, а прониклась его духом и жила, руководясь этим духом. <Так, любя его, она не только не мешала ему, желая всегда быть с ним, когда он отдался революции, но охотно удалилась от него, взяв место в земстве с тем, что-

бы там делать любимое им дело. > Она принадлежала к тому революционному кружку, который назывался черным переделом и имел целью подготавливать народ к свержению с себя ига деспотизма и самоуправлению. > Она принадлежала, несмотря на свою доброту, к самому жестокому революционному кружку, который назывался боевой дружиной; муж ее был главой этой дружины и был не взят, а бежал за границу. Боевая дружина должна была производить террор. У ней был один ребенок; больше они, как воинствующие люди, не хотели иметь. Этого ребенка она сильно любила, но все-таки всегда готова была пожертвовать своей близостью к нему, радостью, которую он доставлял ей, делу, как она говорила себе, в действительности же любви к мужу. > Она не на словах, не потому, что это, когда она венчалась, прокричал дьякон: «жена да повинуется мужу», но потому, что она любила душу мужа своею душою, она радостно, свободно и незаметно для себя повиновалась ему. Если бы он не был тем человеком, которого она считала добрым, умным, которому можно безошибочно повиноваться, она бы не полюбила и, не полюбив, не вышла замуж. А раз полюбив и выйдя замуж, она жила им, тем, чем он жил, и ей от этого было легко жить. Не было колебаний, сомнений, надо было только делать то, что он одобрял (а знать то, что он одобрял, легко было, потому что она его любила). Теперь она была разлучена с ним телесно, разлучена с ребенком, но и

это было не тяжело, потому что она знала, что она несет все это для дела, которому он, а следовательно и она отдала свою жизнь, знала, что он одобряет ее. И ей было легко даже в тех условиях, в которых она находилась. Одно, что было тяжело ей, это то, что она мало и редко имела известия о нем. А положение его было опасно. Одна только эта неизвестность мучила ее. Остальное же все она переносила не только спокойно, но радостно, служа поддержкой и нравственной и материальной своим товарищам. Она всегда была ровна, спокойна, добра, ласкова со всеми, не только с товарищами, но и с уголовными, с которыми ей случалось сталкиваться. Такова была другая женщина, имевшая влияние на Маслову. Она первая взяла Маслову под покровительство и защищала ее от неуважительного отношения к ней женщин и особенно мужчин. Маслова испытывала к ней восторженное обожание.

Остальные две женщины — Вера Ефремовна и Грабец, прозванная Птичкой, — не вызывали в Масловой никаких особенных чувств, скорее были неприятны, так как, несмотря на их ученость и революционерство, она узнавала в них себя. Обе они были представительницами того самого распространенного типа революционеров, которые незаметно для себя и бессознательно отдаются самым обыкновенным эгоистическим, преимущественно самолюбивым побуждениям, объясняя эти эгоистические поступки самыми возвышенными отвлеченными мотивами. <Обе они, вступив в ряды революционеров, поступили точно так же, как поступают многие и многие мужчины и женщины из бедного крестьянства или мещанства, идя в монастырь, меняя свое серое, трудовое, суровое положение на положение, обставленное меньшим трудом, большими удобствами и вместе с тем объясняемое возвышенными стремлениями. > Вере Ефремовне предстояло в лучшем случае выйти замуж за причетника или провести свою жизнь в захолустье. Грабец точно так же предстояло стоять за прилавком и продавать щеток в магазине. Главное желание и той и другой было желание избавиться от этого скучного, бесцветного положения. <Вместо это-

го они обе увидали Петербург, сблизившись с умными, учеными людьми, главное же сами себя уверили, что они оставили семью и пошли в Петербург ради любви к науке и к народу. > И обе они оставили семью и пошли в Петербург ради любви и к науке и к народу, и к справедливости, добродетели и всяким возвышенным предметам, о которых они узнали в Петербурге. И это увлечение к возвышенным предметам, хотя и неопределенное и смешанное с желанием улучшения своего положения, очень скоро в общении с молодыми мужчинами заменилось желанием половой любви, принимавшей большей частью форму товарищеской дружбы. Так что если прежде и была любовь к науке к народу, то, поживши в Петербурге, эта любовь заменилась прямо желанием нравиться. И теперь они занимались и наукой, и народом, и социализмом, и добродетелью только в той степени, в которой это нужно было, чтобы нравиться тем мужчинам, которых эти предметы точно интересовали. <И вот они свои девичьи порывы и мечты, в основе которых лежало желание любви, представляли и другим в виде желания служения человечеству и этим кокетничали, привлекая к себе мужчин. Вера Ефремовна получила первый толчок на этом пути от книг и журналов, которые привез сын священника, а Птичка прямо от студента, ходившего к ней в магазин. > Обе они отлично по-женски умели притворяться перед мужчинами и говорить с ними так, чтобы мужчинам верили им. И им верили не только мужчины, но они сами были вполне уверены, что они любят не мужчин, а то, что любят эти мужчины. Разница между этими двумя женщинами, Верой Ефремовной и Птичкой, была только в том, что мысли, слова и поступки молоденькой и хорошенькой Птички казались мужчинам очень трогательными и умилятельными, и ей поэтому было всегда весело, между тем как те же мысли, слова и поступки некрасивой, с желтым цветом лица и жилистой шеей, Веры Ефремовны казались не особенно важными и вызывали большей частью ласковую насмешку над преданностью и преувеличенной горячностью отчаянной Верочки, и она чувствовала это, и ей большей частью

было грустно, и она бывала мрачной. <В глубине же души обем этим женщинам нужно было только установить отношения к мужчинам: Птичке пленять мужчин, заставить их любить себя, Вере Ефремовне самой любить тех, кого избрало ее влюбчивое сердце. И мужчины верили им. И все влюблялись в Птичку и снисходительно позволяли себя любить Вере Ефремовне. Так ей позволил себя любить Новодворов, когда никого другого не было, и решил, что так как он больше

не любит ее и не честно обманывать, разорвал с ней сношения. Она же стала влюбляться в других. Птичка же с успехом продолжала влюблять в себя.>

Обе эти женщины относились в глубине недоброжелательно к Масловой, видя в ней соперницу и вместе с тем женщину необразованную, и были с ней хороши только потому, что этого требовал революционный катехизис.

Глава VI

Таковы были представители ученых революционеров, аристократов революции; но в той же партии были два человека, представители революционеров из народа. Это были Набатов, сын крестьянки-вдовы, и Маркел Кондратьев, фабричный, сын фабричного. Набатов, крестьянский мальчик, попал из сельской школы, где он обратил на себя внимание необыкновенными способностями, в гимназию, и там, давая с V класса уроки, блестяще кончил курс с золотой медалью. Еще в VII классе, после чтения статей Современника, он решил, что не пойдет в университет, а пойдет в народ, из которого он вышел, чтоб просвещать своих братьев, коснеющих в невежестве. И так и сделал, поступив писарем в село. В селе, кроме исполнения своей обязанности, читал крестьянам газеты. Идеалы социалистические представлялись ему в очень смутной форме — вроде того, как представляется царство небесное верующим. То же, что по его мнению нужно было делать для достижения этого идеала, было так же ясно, как и то, что по мнению верующего нужно делать для достижения царства божия. И точно так же, как неясно было, как наступит царство божье, было для него неясно, как наступит осуществление социалистического идеала, но он верил, что идеал этот наступит.

Он не замечал, как его прежние убеждения, принятые на веру, заменились новыми социалистическими-революционными убеждениями, точно так же как и те принятые им только на веру. Разница с прежними была та, что эти были разумнее прежних, и

еще та, что те не вызывали недобрых чувств, а эти вызывали их.

К религии он относился так же отрицательно, как и к существующему экономическому устройству. Поняв нелепость той веры, в которой он вырос, и с усилием, сначала со страхом, а потом с восторгом освободившись от нее, он удовлетворился радостью разрушения — не уставал, когда случалось, смеяться над попами их, но из-за этих развалин разрушения и не видел необходимости движения чего-нибудь нового на месте разрушения.

Как в социальном, так и в религиозном отношении им руководило теперь чувство только негодования и потребности возмездия за все вынесенное зло его предками, им самим и бесчисленными товарищами в России и за границей. <И он хотел прежде всего разрушения существующего.>

В жизни же он был строго справедлив и по привычкам аскет, довольствовался самым малым и совершенно равнодушен к женщинам. Когда он считал это справедливым, он работал физически, но больше всего дорожил досугом, чтобы и в тюрьмах и на этапах продолжать учиться. Ко всем товарищам он относился сдержанно равнодушно, исключая Новодворова, которому он был особенно предан и суждения которого о всех предметах принимал за неопровержимые истины. Революционеры особенно ценили его еще и потому, что он был необыкновенно смел: не боялся ни обстоятельств, ни людей. Ничто не могло ни удивить, ни испугать его. В самых опасных положениях он был совершенно спокоен.

Ко всем женщинам, на которых он смотрел как на помеху во всех нужных делах, он питал непреодолимое презрение. Маслову же он жалел и был с ней ласков, видя в ней образец эксплуатации их низшего класса

вышним. По этой же самой причине он не любил Нехлюдова, никогда не смотрел ему в глаза и не сжимал его руки, а подавал свою вытянутую руку, когда Нехлюдов здоровался с ним.

Толстовское собрание, находящееся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени Ленина в Москве, пополнилось в 1936 г. ценными рукописными материалами, относящимися к роману «Воскресение». В собрание поступило 475 листов, из которых около половины листов являются гранками первого издания романа в журнале «Нива» в 1899 г. с авторской правкой, другая половина — рукописные копии с авторскими исправлениями, писанные разными лицами на полулистах писчей бумаги обычного формата и заготовлявшиеся для того же издания, когда шла усиленная и срочная работа Толстого над романом, в силу договора, связывавшего автора с издателем. Эти рукописи и гранки охватывают в общей сложности более двух третей романа и содержат наиболее интересные его места: почти всю вторую и третью части романа, причем наиболее важные и интересные места романа имеются в двух и даже трех последовательных редакциях, в большей или меньшей степени отличающихся друг от друга и ясно свидетельствующих об усиленном внимании к ним автора и об их тщательной отделке. Таковы в особенности сцены, изображающие пребывание Нехлюдова в Петербурге и его хлопоты в различных правительственных учреждениях о пересмотре дела Масловой, о преследуемых властями сектантах и об освобождении политической заключенной Лидии Шустовой, — из второй части романа, а также характеристики ряда революционеров-народовольцев и описание эпизодов их революционной деятельности с попутной характеристикой политического строя России, — из третьей части романа.

Эти рукописи и гранки романа «Воскресение» остались неизвестны редакции Юбилейного издания сочинений Толстого при подготовке к печати этого романа. Теперь, после сличения новых рукописей Ленинской библиотеки с текстами, напечатанными в Юбилейном издании, есть возможность представить вниманию читателей некоторые новые варианты различных эпизодов и частей, относящихся к этому роману великого писателя, — частей, дающих новые подробности для истории его создания.

Выше мы печатаем две главы из этих рукописей романа «Воскресение» Толстого. Эти главы представляют большой интерес, потому что некоторыми своими подробностями существенно отличаются от известного окончательного текста романа, дают иное расположение частей текста, иную компоновку его и, таким образом, наглядно показывают способы работы великого писателя над осуществлением своего художественного замысла.

Вторая часть романа «Воскресение», как и первая, имеется среди новых материалов почти исключительно в гранках, к которым добавлены иногда большие рукописные вставки, — наоборот, третья часть романа существует здесь только в рукописях, писанных разными лицами, которые, очевидно, переписывали по указанию автора текст черновых автографов. Текст этих переписанных рукописей опять подвергся новой большой правке и переделке автора. На многих листах этих рукописей, на оборотах или на лицевой стороне, поперек текста — надпись, рукою переписчика: «из черновиков». Известно, что как раз конец романа, т. е. третья часть его была менее двух первых обработана ко времени заключения автором условия с издателем журнала «Нива» в конце 1898 г. Таким образом, во время печатания романа в «Ниве» в 1899 г. Толстому пришлось особенно усиленно поработать над этой частью.

Необходимость усиленной работы над третьей частью романа диктовалась и самим содержанием ее: правильная характеристика общественно-политического строя России и типов революционеров, борющихся за искоренение этого строя, накладывала на автора особенно ответственную задачу при их художественном изображении. Сложность задачи сильно увеличивалась еще трудностью проведения всей этой части романа через цензуру. Издатель «Нивы» Маркс настойчиво указывал Толстому на эти трудности в конце концов получил от него разрешение вычеркивать все рискованные в политическом отношении места, чтобы таким образом спасти то, что можно было спасти.

Главы романа, относящиеся к этой третьей части романа, заключаются в рукописях.

находящихся в папке XII за №№ 16, 17, 18, 19. Во всех этих рукописях нумерация и порядок глав носят чрезвычайно сбивчивый, неустановившийся характер. Особенно усиленной обработке подверглись следующие места: повествование автора о развращающем влиянии тюрьмы и ссылки и характеристики некоторых революционеров-народовольцев, именно — Крыльцова, Симонсона, Набатова, Марьи Павловны.

Все эти места в указанных черновых рукописях Ленинской библиотеки значительно длиннее, чем в окончательном тексте романа. Очевидно, Толстой из цензурных соображений должен был смягчить места романа, изображающие политический строй России. В своем более раннем черновом виде эти места более резко и сильно обнаруживали чувства и отношение автора к изображаемым людям, фактам и всему политическому строю России.

В этом смысле особенный интерес представляет печатаемая выше характеристика

Эмилии Ранцевой и ее мужа; их характеристика значительно полнее и насыщена более резким революционным содержанием, чем в окончательном тексте романа.

Из третьей части романа мы печатаем следующие главы с неустановившейся, сбивчивой нумерацией автора в указанных рукописях: главу III из рукописи № 17 (папка XII) — о Ранцевой, Богодуховской и Грабец, — содержание этой главы более кратко и в иной стилистической редакции нашло место в главе XIII окончательного текста романа, — и главу VI той же рукописи — о Набатове, — ср. главу XII окончательной редакции текста. Титу Набатова, революционера из крестьянской среды, приданы здесь некоторые из тех черт, которые в окончательном тексте романа перенесены на Маркела Кондратьева, революционера из рабочих.

Ф. Булаев

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО к М. Н. ТОЛСТОЙ

1

20 Ноября [1855 г.]¹

Милый друг Маша!

Письмо это, боюсь, будет безалаберно, потому что писано второпях, но зато так, как ты хотела, сейчас же после моего приезда и свидания с И[ваном] С[ергеевичем]². — Приехав вчера в Петерб[ург] в 9 часов³, я тотчас же поехал в баню, убедившись, однако, наперед, что Тургенев будет дома до 12 часов. Из бани, налившись чаю, я побежал к нему и встретил его в то время, как он выходил, чтоб ехать ко мне, потому что человек его говорил ему, что какой-то приехавший граф Толстой присылал спрашивать, будет ли он дома. — Мы с ним сейчас же изо всех сил расцеловались. Он очень хороший. С ним вместе поехали к Некрасову⁴, у которого обедали и до 8 часов сидели и играли в шахматы. Он выиграл 2, я одну, но я был не в духе, а он со мной не сладит. Нынче я перееду к нему. Он очень просит, и мне хочется, но боюсь, что мы будем мешать друг другу, однако попробуем⁵. — Больше всего я его полюбил за то, что он вас — тебя и Ник[оленку]⁶ и Валерьяна⁷ так любит и ценит. — Некрасов интересен, и в нем много доброго, но в нем нет прелести, привлекающей с первого раза. — Он очень плох. Портрет же его я тебе непременно достану⁸. Нынче готова моя форма, и я делаю визиты официальные. Прощай, душа моя, пиши мне, целуй Валерьяна и детей⁹. — Тургенев все спрашивал, как далеко проскочила от меня пуля, и говорит, что со вчерашнего же вечера поведет батареи, чтоб меня не впускали назад в армию, а я ему говорю, что и сам

этого не хочу, но ни за что не сделаю ни одного шага для этого, и ежели он хочет делать, то делал бы так, чтоб я не знал, а то я ему помешаю. — Еще раз прощай, милый друг, кажется, что я здесь приятно и с пользой проведу несколько времени, ежели сам себе не испорчу, а там Тургенев обещает ехать со мной вместе в Тулу на выборы.

20 Ноября.

2

30 Ноября. Петербург [1855 г.]

Получив ваши письма, милые друзья¹, я тотчас же было собрался, с тем, чтобы, увидав Николинку², потолковав с ним до полусыта, съездив с ним к Мите в Орел³ и проводив его на Кавказ, вернуться в Петербург; но первый день задержала меня одна приятная и нужная беседа с литераторами, которую я не хотел пропустить, а на 2-й день случилось такое обстоятельство, которое, хотя не слишком важное, сделало мой отъезд дней на 9 совершенно невозможным, и я решился подождать эти 9 дней и потом совершенно распрощаться с Петербургом. — Как вам не стыдно, милые друзья, так небрежно написать мне про Митю. Что и как, чем он болен? Ради бога с первой же почтой успокойте меня на его счет. И 2 к тебе, Николинка. Где ты был? Зачем ты приехал? Когда ты уже непременно должен уехать? Признаюсь Вам откровенно, что мне здесь очень хорошо. Я наслаждаюсь двумя вещами, которых я долго был лишен и которые здесь нашел — удобства жизни и умную беседу. — Но к несчастью, я чувствую, что я уж с л и ш к о м отстал от них — в гостинной мне хочется развалиться, снять ш... и

смотреться в руку, а в умной беседе хочется соврать глупость. — Лучшее средство узнавать себя и даже единственное — примерять к разным обществам, только по этому узнаешь собственный рост. — Прощайте, до свиданья, милые друзья. В карты я не играл! Кум твой, Маша, сам пишет⁴, потому про него ничего не пишу, а рассказывать буду много.

Не думайте ради бога, чтобы обстоятельство, задержавшее меня на 9 дней, было выдуманно, или было чтонибудь очень важное. Никол[енька], я знаю, усумнится и, может быть, догадается, что такое, Вал[ерьян], я боюсь, скажет, что я выдумываю. Пожалуйста не говори и не думай этого, милый друг. Денег по сию пору, заплатив все, исключая Капелю, долги и сделав покупок рублей на 200, я издержал 1 000 рублей.

3

14 Апреля [1856]

С праздником.

Милый друг Маша!

Не стану извиняться, что тебе давно не писал, уж это столько раз было и все-таки не мешало нам любить друг друга и быть уверенным в этом. Хотя оно очень скверно. — Я теперь живу здесь в ожидании отпуска¹, который, как говорят, выйдет не раньше, как через полторы недели. Уехать хочется ужасно с тех пор, как серьезно стало похоже на весну, хотя мне здесь не скучно. Но не думай, чтобы не скучно было от того, что много развлечений, напротив — здесь как-то хорошо работается, и я пописываю. Как ты нашла «Метель»². Боюсь, что она тебе не понравилась, и ждал и жду твоего суда. Хотел ее тебе посвятить, да не стоило. Теперь я на днях кончил довольно длинную повесть «Отец и сын»³, которую вчера прочел Ив[ану] Сер[геевичу]⁴. Он хлопал себя по ляжке и говорил, что прелестно, но, признаюсь, я ему не очень верю. Он слишком легко восторгается. Кстати, он был на днях серьезно болен, отчасти и мнительностью. Выдумал какую-то болезнь «бронхит»⁵, а я уверяю его, что бронхит не болезнь, а камень, и что даже такой у Валерьяна⁶ есть. С Григоровичем я познакомился здесь⁷, и он мне очень

понравился, тем более, что он тебя ужасно уважает и ценит. Ему очень хочется посвятить тебе первое, что он напишет. Как понравился тебе его «Пахарь»⁸. — Некрасов выезжает⁹, и я сказал сделать свой портрет. Кроме того, не раз он мне обещал приготовить для тебя все свои ненапечатанные стихи, но то не все, то дурно написаны, и все откладывал. — Кроме того, по моему предложению все литераторы сделали фотографическую группу¹⁰: Тург[енев], Григор[ович], Друж[инин]¹¹, Гончаров¹², Островский¹³ и я, и эту группу я тебе пришлю. Спроси у Нат[альи] Петр[овны]¹⁴, что значит три ужасно ясные памятные сна, которые я видел эти три дня: 1) я вертел стол¹⁵, и стол мне сказал: что меня женят в Москве, и даже назвал, на ком, и что я буду очень счастлив, 2) у меня зуб выдернули и 3) вчера, что будто ты сошла с ума, и я тоже. Прощай, милый друг, тысячу раз целую тебя, Валерьяна и детей. Пожалуйста отвечай немедленно.

На место Несельроде¹⁶ назначен Горчаков Александр¹⁷. Долгоруков, военный министр, сменил¹⁸.

4

21 Дек.¹ [1856]

Хотел написать тебе поподробнее*, но нынче некогда. Пожалуйста ответь мне словечко. Как твое здоровье, как поживаешь, кого видишь, как Валерьян и дети. К[нягиня] Шаховская тебе кланяется. Я на днях кончаю Юн[ость]² и к новому году думаю приехать к вам.

Твой Л. Толстой.

Переписка наша с В[алерией] прекратилась³, я тебе все расскажу. Я здоров и живу слава богу во всех отношениях. От И[вана] С[ергеевича]⁴ получил два письма, во всяком тебе кланяется и просит твой адрес.

На четвертой странице:
Ее Сиятельству
Графине Марье Николаевне
Толстой.

В Москву.

В Скатертном переулке в доме Озанчевского.

* В оригинале: поподробнее

Л. Н. Толстой у П. Ф. Самарина в Молоденках
фотография 1891 г.

Л. Н. Толстой и С. А. Толстая
Фотография 1907 г.

10/22 Февраля [1857]

Вчера приехал в Париж¹, любезный друг Машинька, и ужасно счастлив, что наконец на месте — 11 дней езды без остановок. Германия как будто промелькнула мимо меня, но то, что я успел заметить — общий характер, — очень понравилось мне, и я на возвратном пути непременно проеду по ней à petites journées². Путешествие по железным дорогам — наслаждение, и дешево чрезвычайно, и удобно, не чувствуешь никакой надобности в человеке, даже такой неряха, как я. Стоило же мне всего от Варшавы до Парижа рублей 50 сер. Это примите к сведению для вашего плана будущего путешествия. Трудно только решиться и подняться с места, — а я на аферу возьмусь провезти вас 2-х, с детьми и горничной, за 300 р. через всю Европу. Жить же на месте уже положительно дешевле везде, исключая Лондона, чем в Москве. Из Варшавы я по телеграфу спрашивал у Тург[енева]³, долго ли он пробудет еще в Париже, и через несколько часов получил ответ, что еще долго и что Некрасов с ним⁴; поэтому я ехал не останавливаясь и вчера видел их обоих. Но они оба плохи ужасно в моральном отноше-

нии. Тургенев с своей мнительностью, а Некр[асов] с мрачностью. Грустно и больно смотреть на них, как такие два человека как нарочно стараются портить себе жизнь⁵. Несмотря на усталость, был я вчера с ними au bal de l'opéra⁶, и это было samedi gras⁷. Забавны французики ужасно и чрезвычайно милы своей искренней веселостью, доходящей здесь до невероятных размеров. Какой нибудь француз нарядился в дикого, выкрасил морду, с голыми руками и ногами и посреди залы один из всех сил семенит ногами, махает руками и пищит во все горло. И не пьян, а трезвый отец семейства, но просто ему весело. — Я пробуду здесь месяц, думаю; адрес мой: Rue de Rivoli, Hôtel Meurice. Некрасов нынче едет назад в Рим. Тургенев кланяется. Обними Вал[ерьяна] и детей и пиши мне пожалуйста, голубчик, почаще и поподробнее про свое житье-бытье и планы.

Твой Гр. А. Толстой.

Ежели Сережа⁸ в Москве, пожалуйста не раздумывай схать с Оболенским⁹ — отличное дело, только я пробуду в Париже еще месяц, ежели приедешь сюда, мы славно проживем — а нет, то дождись меня в Риме.

Примечания

Мария Николаевна Толстая (1830—1912), сестра А. Н. Толстого. В 1847 г. вышла замуж за В. П. Толстого, своего троюродного брата, с которым разошлась в 1857 г. С А. Н. Толстым у нее сохранялась постоянная родственная и дружественная связь.

О М. Н. Толстой см.: «Толстовский ежегодник за 1912 г.» М. 1912; «И. С. Тургенев. Письма к М. Н. Толстой. Сообщил и комментировал В. И. Срезневский» — «Звенья» 1932, № 1; Е. В. Оболенская — «Моя мать и Лев Николаевич» — «Октябрь» 1928 г. кн. 9—10.

Публикуемые письма А. Н. Толстого и сестре относятся к тому времени, когда молодой Толстой, начинающий писатель, только что приехал из Севастополя в Петербург и впервые начал знакомиться с выдающимися писателями того времени — Тургеневым, Чернышевским, Островским, Гончаровым, Некрасовым, Дружининым, группировавшимися вокруг «Современника», где были напечатаны первые

его произведения. Письма №№ 1—4 написаны из Петербурга, письмо № 5 — из Парижа.

1

¹ Дата письма (20 ноября) дает возможность уточнить дату приезда Толстого из Севастополя в Петербург. На основании записи Дневника Толстого от 21 ноября 1855 г. («Я в Петербурге у Тургенева») биографы (см., например, Н. Н. Гусев, «Летопись жизни и творчества А. Н. Толстого», Academia, 1936, стр. 56) считали днем приезда Толстого в Петербург 21 ноября. Теперь же из письма к М. Н. Толстой, датированного самим Толстым, видно, что запись в Дневнике сделана им не в первый, а на третий день после приезда.

² Иван Сергеевич Тургенев (1818—1883). Личное знакомство А. Н. Толстого с Тургеневым, о котором говорится в публикуемом письме, начало подготовлено перепиской, которая началась между Толстым и Тургеневым в октябре 1855 г. Тургенев

первый написал Толстому, после того как Толстой посвятил ему свой рассказ «Рубка леса», («Современник», 1855 г., кн. 9). (См. «Толстой и Тургенев», Переписка, Под ред. Грузинского и Давидовского, 1928). В это время Тургенев был уже знаком с М. Н. Толстой. Знакомство с ней состоялось 24 октября 1854 г., в то время, когда Тургенев жил в своем имении Спасское, в 20 верстах от Покровского, имения В. П. и М. Н. Толстых (Чернского уезда, Тульской губ., в 80 верстах от Ясной Поляны). Основой этого знакомства была Л. Н. Толстой. Тургенев очень заинтересовался «Историей моего детства», напечатанной в «Современнике» в 1852 г. (кн. 9), и искал знакомства с сестрой молодого писателя, своей соседкой по имению. Это знакомство вылилось в длительные и дружественные отношения. Одно время Тургенев был даже увлечен М. Н. Ею на основании рассказа «Фауст» («Современник», 1856, кн. 10), причем многие черты М. Н. ваты Тургеневым для образа Веры Николаевны.

3 Л. Н. Толстой был командирован в Петербург в качестве военного курьера, с допущением о действиях артиллерии в день штурма Севастополя 27 августа 1855 г. (см. «Хронологическая канва жизни Л. Н. Толстого за 1854—1857 гг.», Полное собр. соч., т. 47).

4 Н. А. Некрасов (1821—1877), в период, к которому относится письмо, был руководителем журнала «Современник». Заочное знакомство Л. Н. Толстого с Некрасовым относится к 1852 г., когда между ними завязалась переписка в связи с печатанием в «Современнике» «Детства». Личное знакомство состоялось в первый же день приезда Толстого в Петербург, 19 ноября 1855 г., на квартире Тургенева. См. письмо Некрасова Боткину от 24 ноября 1855 г. о знакомстве с Толстым («Печать и революция», 1928, 1, стр. 49).

5 Приехав в Петербург, Толстой поселился в квартире у Тургенева, как видно, по желанию последнего. Тургенев жил на Фонтанке, у Аничкова моста, в доме Степанова. Толстой и Тургенев прожили вместе более месяца. Отношения между ними сложились неровные, недоразумения и размолвки начались после первого же личного знакомства, но моменты охлаждения всегда сменялись периодами близости. (См. письмо И. С. Тургенева к П. В. Анненкову от 9 декабря 1855 г.)

6 Николай Николаевич Толстой (1823—1860), старший любимый брат Л. Н. Толстого,

7 Валерьян Петрович Толстой (1813—1865), муж М. Н. Толстой. Служил в гусарском полку. В бытность Л. Н. Толстого на Кавказе и в Севастополе управляла Ясной Поляной. Впоследствии Л. Н. Толстой относился к нему очень отрицательно. Ср., напр., запись в Дневнике под 18 января 1857 г.: «Валерьян гадох решительно». (Полное собр. соч., т. 41, стр. 112).

8 О портрете Некрасова см. также письмо Тургенева к М. Н. и В. П. Толстым от 17 октября 1855 г.: «Некрасов поправляется (фотограф. его вышлетесь вам, графиня, с первой оказией)» («Звенья» 1932, № 1).

9 Дети М. Н. Толстой: Варвара (1850—1921), Николай (1851—1879), Елизавета (1852—1935).

2

¹ Письмо обращено к М. Н. Толстой, ее мужу и брату Николаю.

² Николай Николаевич Толстой.

³ Дмитрий Николаевич Толстой (1827—1856). Брат Л. Н. Толстого. Умер 22 января 1856 г. Незадолго до его смерти (9—10 января) Л. Н. Толстой призвал к нему в Орел. О последнем свидании с братом Толстой писал в своих Воспоминаниях (гл. 13): «Он заболел чахоткой, уехал в деревню, лечился в городах и слез в Орле, где я в последний раз видел его уже после севастопольской войны. Он был ужасен. Огромная кисть его руки была прикреплена к двум костям локтевой части, лицо было — один глаза и те же прекрасные, серьезные, а теперь выпуклые, в эту пору. Я приехал в Орел из Петербурга, где ездил в свет и был полон тщеславия. Мне жалко было Митеньку, но мало. Я повернулся в Орле и уехал, и он умер через несколько дней».

⁴ И. С. Тургенев. См. письмо Тургенева к Некрасову от 29 ноября 1854 г.: «Завтра я с графиней Толстой крещу у тургеневского попа, покудаюсь с ней». В некоторых письмах Тургенев называет М. Н. «кумой». (См. «Звенья» 1932, № 1). На четвертой странице данного письма приписка Тургенева, обращенная к М. Н. Толстой.

3

¹ Первый рапорт Л. Н. Толстого об отпуске на месяц в деревню и на 8 мес. за границу относится к первым числам марта 1856 г. Отпуск он получил «за границу к Мариенбадским водам и в Туль-

скую губ.» 11 мая 1856 г. Отставку от военной службы Толстой получил 26 ноября 1856 г.

² Рассказ «Метель» был впервые напечатан в «Современнике» 1856 г., т. LVI, март, стр. 85—113, с датой 11 февраля.

³ Так называлась первоначально повесть «Два гусара». См. Дневник 1856 г.: «15 апреля... Вчера кончил «Отца и сына», которых по совету Некрасова, назвал Два гусара — лучше...» «Два гусара» были напечатаны в майской книжке «Современника» 1856 г.

⁴ И. С. Тургенев.

⁵ Ср. Воспоминания Фета: «Вот что между прочим передавал мне Григорович о столкновении Толстого с Тургеневым на той же квартире Некрасова: «Голубчик, голубчик, — говорил, захлебываясь и со слезами смеха на глазах, Григорович, глядя меня по плечу. — Вы себе представить не можете, какие тут были сцены. Ах, боже мой! Тургенев пищит, пищит, зажимает рукою горло и с глазами умирающей газели прошепчет: «Не могу больше! у меня бронхит!» и громадными шагами начинает ходить вдоль трех комнат. — «Бронхит, бронхит, — ворчит Толстой вслед, — бронхит воображаемая болезнь. Бронхит это мстала!» (А. Фет, «Мои воспоминания», ч. I, 1890, стр. 107).

⁶ В. П. Толстого.

⁷ С. Д. В. Григоровичем (1822—1899) Толстой познакомился в январе 1856 г. См. «Воспоминания» Д. В. Григоровича, изд. Academia, стр. 249.

С Григоровичем Толстой сошелся довольно близко. Между ними была переписка, но от нее сохранились только два письма Толстого и одно письмо Григоровича.

⁸ Рассказ Григоровича «Пахарь» был напечатан в той же книжке «Современника», что и «Метель» Толстого (1856 г., т. VI, март).

⁹ Весной 1856 г. Некрасов впервые поехал за границу в Рим лечиться. Врачи предполагали у него горловую чахотку.

¹⁰ Известна фотографическая группа писателей из кружка «Современника» работы С. А. Левицкого, относится к 15 февраля 1856 г.

¹¹ А. В. Дружинин (1824—1864), руководитель критического отдела «Современника» после смерти Белинского. Толстой познакомился с ним 22 ноября 1855 г. на обеде у Некрасова. В 1856 г. Толстой часто встречался с Дружининым, о чем свидетельствуют его отметки в Дневнике за 1856 г. Отношение его к Дружинину в

это время было противоречиво. Ср. запись в Дневнике 1856 г.: «13 ноября, в четвертом часу к Дружинину, там Гончаров, Анненков, все мне противны, особенно Дружинин, и противны за то, что мне хочется любить, дружить, а они не в состоянии...» С другой стороны, Тургенев писал Толстому из Парижа 8/20 декабря 1856 г.: «Вы, я вижу, теперь очень сошлись с Дружининым — и находитесь под его влиянием» («Тургенев и Толстой», Переписка, 1928 г., стр. 23).

¹² И. А. Гончаров (1812—1891). Толстой познакомился с Гончаровым у Тургенева 23 ноября 1855 г. В этом же году он читал повесть Гончарова «Обыкновенная история». См. запись в Дневнике 4 декабря 1856 г. «...дома читаю прелестную Обыкновенную историю» (Л. Н. Толстой, Полное собр. соч., т. 47, стр. 103).

¹³ А. Н. Островский (1823—1886). Толстой познакомился с Островским в конце января 1856 г. (см. «Хронологическая канва к жизни Л. Н. Толстого за 1854—1857 гг.», Полное собр. соч., т. 47, стр. 229).

¹⁴ Наталья Петровна Охотницкая, вдова, бедная дворянка, жившая в доме Толстых.

¹⁵ В 50-х гг. Толстой увлекался спиритическими сеансами (Бирюков, «Биография Л. Н. Толстого», т. I, стр. 209).

¹⁶ К. В. Нессельроде (1780—1862), государственный канцлер. В апреле 1856 г. был отставлен от управления министерством иностранных дел.

¹⁷ А. М. Горчаков (1798—1883), дипломат. Товарищ Пушкина по лицу. В апреле 1856 г. назначен министром иностранных дел.

¹⁸ В. А. Долгоруков (1804—1868), военный министр, был уволен в апреле 1856 г. от занимаемой должности и назначен членом Государственного Совета.

4

¹ Об этом письме имеется отметка Толстого в Дневнике: «21 декабря... Написал письма Тургеневу и по два слова Николаичке, тетиньке и Маше», Полное собр. соч., том. 47, стр. 106.

² «Юность» Л. Н. Толстой окончила 24 сентября 1856 г. (запись в Дневнике). Эта же дата стоит в конце текста «Юности» в «Современнике» (№ 1, 1857 г.). В данном случае речь идет, повидному, о правке корректур «Юности», которая начата была 16 декабря 1856 г. (см. Дневник Л. Н. Толстого, Полное собр. соч., т. 47, стр. 105).

³ Валерия Владимировна Арсеньева (1836—1909), на которой Толстой думал одно время жениться. Имени ее родителей Судакново находилось по соседству с Ясной Полянкой. Начало сближения с ней относится к июню 1856 г., когда Толстой жил в Ясной Поляне. Одно время, в близком к Толстому кругу, она считалась его невестой. В течение 1856—1857 гг. между Толстым и Арсеньевой шла деятельная переписка (сохранилось 18 писем к ней Толстого). В Дневнике Толстого за эти годы имеется много записей об отношениях его к этой девушке. Последнее письмо Толстого к Арсеньевой из Парижа относится к 20 февраля 1857 г. В январе 1858 г. В. В. Арсеньева вышла замуж за А. А. Талызина. Роман А. Н. Толстого с Арсеньевой нашел отражение в повести «Семейное счастье» (см. Полное собр. соч., т. 5, стр. 304—307).

⁴ И. С. Тургенев. Письма его к Толстому от 16 ноября и 8 декабря 1856 г. напечатаны в книге: «Толстой и Тургенев. Переписка», стр. 19—25.

5

¹ Толстой приехал в Париж 21 февраля и ст. 1857 г. Это была его первая поездка за границу.

² à petites journées... — не торопясь, с остановками.

³ Тургенев выехал в Париж 21 июля с ст. 1856 г. и вернулся в Россию в июне 1858 г.

⁴ Зимой 1856—1857 г. Некрасов жил в Риме. В феврале 1857 г. он на несколько дней приезжал в Париж для совета с врачами и жил у Тургенева.

⁵ Мрачность Некрасова в это время вытекала, повидимому, из состояния его здоровья. Тургенев также переживал тяжелый момент личной жизни в связи с отношениями к Полине Виардо и с состоянием своего здоровья. Ср. записки Дневника Толстого: «21-е нового стиля... Ничего приехал в Париж. Я один без человека, сам все делаю, новый город, образ жизни, отсутствие связей и весеннее солнышко, которое я полюбил... Не мог сойтись с Тургеневым и Некрасовым... Тургенев мнителен и слаб до грустного. Некрасов мрачен». И дальше: «Тургенев гибнет...» «у Тургенева грустно...» «...лазжал к Тургеневу. Оба раза, прощаясь с ним, я, уйдя от него, плакал о чем-то. Я его очень люблю. Он сделал и делает из меня другого человека» и т. д. (Полное собр. соч., т. 47, стр. 114—118).

⁶ Традиционный карнавальная бал-маскарад, устраиваемый ежегодно в субботу на масленице в залах парижской Большой оперы

⁷ Samedi-gras — суббота на масленице.

⁸ Сергей Ник. Толстой (1826—1904) — брат А. Н. Толстого.

⁹ Вероятно с Дмитр. Александр. Оболенским (1822—1881), казанским знакомым Толстым. В 1853—1863 гг. был директором Комиссариатского департамента морского министерства. В марте 1857 г. вместе с С. Н. Толстым приехал в Париж, куда, повидимому, собиралась в это время и М. Н. Толстая. Ср. записки в Дневнике Толстого: «10/22 марта. Приехал и брат и Оболенский» (Полное собр. соч., т. 47, стр. 118).

В. Любимова-Дороватовская

ПИСЬМО А. Н. ТОЛСТОГО к П. Д. ГОЛОХВASTОВУ

[30 марта 1873 г.]

Очень вам благодарен, Павел Дмитриевич, за вашу память обо мне и за присылку книг¹. Я их еще не получал и ныне посылаю объявление². — Радуюсь вашей свободе и надеюсь, что вы ее употребите хорошо. Мои любимые для вас занятия это повесть в прозе и былина Ильи для Шатилова³. Драма — это ваше дело с самим собой, и я сужденья иметь себе не позволяю.

Вы не поверите, что я с восторгом, давно уже мною не испытываемым, читал это последнее время, после вас — повести Белкина в 7-й раз в

моей жизни. Писателю надо не переставать изучать это сокровище. На меня это новое изучение произвело сильное действие⁴. Я работаю, но совсем не то, что хотел⁵.

Прочел на днях *Le petit chose Daudet*⁶. Вероятно, Ольга Андреевна⁷ обмолвилась, назвав его рядом с Дрозом⁸. Поэзия и дрова⁹. Но очень хорошая вещь Prosper Randoce Cherbullier¹⁰ — советую прочесть. — Замечательная вещь, что у англичан и французов не переводится поэзия, а у всех остальных европейцев, особенно у немцев — ничего. Как вы это подведете под свою теорию искусства?

До свидания, желаю от всей души вам плодотворной и удовлетворяющей деятельности и прошу не забывать, что я горячо сочувствую вам и вашим замыслам и стремлениям.

Ваш А. Толстой

На конверте:

В Воскресенск,
Московской губернии
Его Высокоблагородию
Павлу Дмитриевичу
Голохвастову.

Примечания

Павел Дмитриевич Голохвастов (1838—1892), писатель, автор книг: «Алеша Попович», представление в пяти действиях, составленное по старинным русским былинам, М. 1869; «Законы стиха русского народного и нашего литературного», СПб. 1885, и пр. С Толстым познакомился, повидимому, в 1872 г. в связи с занятиями Толстого по составлению «Азбуки». Первое письмо к нему Толстого датировано 6 декабря 1872 г. Письма Толстого к Голохвастову опубликованы его дочерью В. П. Остроумовой в «Русском вестнике» 1904 г., № 11.

Публикуемое письмо, до сих пор не бывшее в печати, относится к 1873 г., так как в нем упоминается о посещении Голохвастовым Ясной Поляны; посещение это произошло в первой половине марта 1873 г. 20 марта этого года С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской: «Недавно гостил у нас Голохвастов, новый Левочкин знакомый из Московского света» (письмо не опубликовано, хранится в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея).

Письмо Голохвастова, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

¹ Голохвастов снабжал Толстого нужными ему для его работ книгами.

² «Объявлениями» Толстой называл почтовые повестки на посылаки или заказные отправления.

³ Иосиф Николаевич Шатилов (1824—1889), сельский хозяин и общественный деятель, был председателем Московского комитета грамотности, издававшего книги для народного чтения.

⁴ Чтение и перечитывание прозы Пушкина было начато Толстым 18 марта 1873 г. В этот день под влиянием чтения отрывка Пушкина «Гости съезжались на дачу...», была написана первая редакция романа «Анна Каренина», озаглавленная «Молодец-баба». Как видно из публикуемого письма, перечитывание прозы Пушкина не прекратилось и после начала романа. Толстой читал «Повести Белкина» в пятом томе «Сочинений» Пушкина в издании П. В. Анненкова, СПб. 1855. Высокое мнение о «Повестях Белкина» осталось у

Толстого до конца жизни. За месяц до смерти, 7 октября 1910 г., Толстой, как это записано в неопубликованных «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого, перечитывал «Метель» и «хвала за манеру писания — ни одного лишнего слова». (Высказывания Толстого о Пушкине собраны в статье Н. Н. Гусева «Толстой о Пушкине» — «Октябрь» 1937 г., № 1.)

⁵ Толстой имел в виду новый начатый им роман, подробностей о котором он, однако, по своему обыкновению, не сообщил, так как он вообще не любил рассказывать о своих новых работах в период их возникновения.

⁶ «Малыш» — роман Альфонса Додэ, вышедший в 1868 г.

⁷ Ольга Андреевна Голохвастова (ум. 1894 г.) — жена П. Д. Голохвастова, писательница, автор нескольких драм и повестей.

⁸ Густав Дроз (1832—1895) — французский писатель. 4 февраля 1873 г. С. А. Толстая в неопубликованном письме писала Т. А. Кузминской, что Толстой читал вслух роман Дроза «Babolain», который ему «очень нравился».

⁹ Судя по вышеприведенной выдержке из письма С. А. Толстой к Т. А. Кузминской, эпитет «поэзия» относится к роману Дроза, а эпитет «дрова» — к роману Додэ.

¹⁰ Роман французского романиста Виктора Шербюлье «Prosper Randoce» вышел в свет в 1867 г.

Публикуемое письмо не было отправлено по адресу и осталось в бумагах Толстого. Вскоре Толстой написал Голохвастову другое письмо которое и было отправлено. В этом письме Толстой писал, что он не отправил своего первого письма потому, что «написал в нем кое-что такое, что, обдумавши, решил лучше не писать». «То, что я написал и не послал, — писал далее Толстой, — относилось до меня, и я не послал потому, что было преждевременно».

Из этих слов можно заключить, что письмо не было отослано потому, что в нем содержалось упоминание о начале романа.

В посланном письме, написанном около

10 апреля 1873 г., Толстой в таких же восторженных выражениях отзывался о «Повестях Белкина». Он пишет: «Давно ли вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу, прочтите с начала все повести

Белкина. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделала и не могу вам передать того благодетельного влияния, которое произвело на меня это чтение».

Н. Гусев

ПИСЬМО А. Н. ТОЛСТОГО К С. М. СОЛОВЬЕВУ

[1879 г., конец марта]

Милостивый Государь
Сергей Михайлович.

Я на днях ездил в Москву с тем, чтобы быть у вас и воспользоваться вашими советами и содействием, в которых лет 6 тому назад вы мне не отказали, когда я занимался исторической работой, времен Петра I; но, к несчастью, не застал вас. Надеюсь в другой раз быть счастливей и на то, что вы будете и теперь так же добры и снисходительны ко мне, как и тот раз, и во многом мне поможет своими указаниями. Но в одном деле вы письменно можете помочь мне, и я позволяю себе обратиться к вам с

великою просьбою — указать мне, где находится дело обер-фискала Нестерова, казненного в 724 году.

Если вы мне напишете словечко с указанием, где находится это дело¹ и дело Попова, из которого у вас есть выписки², вы очень обяжете меня и настолько еще увеличите то чувство благодарности, которое не может не испытывать всякий русский, занимающийся историей, и которое я беспрестанно испытываю, занимаясь историческим трудом.

С истинным уважением
ваш покорный слуга
Граф Лев Толстой

Адрес: Тула,
Гр. Льву Николаев. Толстому.

Примечания

Письмо А. Н. Толстого к историку С. М. Соловьеву (1829—1879) сохранилось в копии, сделанной проф. Н. А. Поповым, родственником С. М. Соловьева. Собирая материалы для биографии Соловьева, Н. А. Попов получил в свое распоряжение часть архива Соловьева и сделал многочисленные копии с интересовавших его документов. Подлинник письма А. Н. Толстого нам неизвестен.

Копия имеет несколько явных опечаток (напр. обяжете вместо обяжете, покорный вместо покорный), которые мы исправляем в публикуемом тексте.

На копии стоит предположительная дата: (1877/8). Мы датируем письмо концом марта 1879 г. 19 марта 1879 г. А. Н. Толстой приехал в Москву с целью собрать материалы для исторического романа. 20 марта он написал жене о своем неудачном посещении С. М. Соловьева: «К Соловьеву — историку — его нет» («Письма к жене», стр. 126; Н. Н. Гусев, «Летопись», стр. 258). В Ясную Поляну Толстой вернулся 23—24 марта и, вероятно, тотчас же и написал С. М. Соловьеву.

Работая в 1870-х годах над историческими темами, Толстой внимательно изучал «Историю России» Соловьева. В его архиве

сохранились многочисленные выписки и вывлечения из «Истории» (см. Акад. изд., т. 17, «Материалы к роману времен Петра I»). До сих пор мы имели лишь косвенные свидетельства о личном знакомстве А. Н. Толстого и С. М. Соловьева. Публикуемое письмо дает сведения о том, что общение между ними имело место уже в начале 1870-х годов, когда С. М. Соловьев, очевидно, помог Толстому советами в его исторической работе. Публикуемое письмо противоречит утверждению комментаторов Акад. изд., что А. Н. Толстой «не выказывал особого расположения к историку» (т. 17, стр. 674). Заключительные строки письма говорят о глубоком уважении и благодарности, которую Толстой «беспрестанно» испытывал к С. М. Соловьеву и которую, по его мнению, испытывал «всякий русский, занимающийся историей».

¹ Дело обер-фискала Нестерова находилось в архиве Правительствующего Сената в Петербурге. Особый интерес А. Н. Толстого к этому делу в марте 1879 г. нашел отражение в его переписке с Н. Н. Стреховым (см. изд. 1913 г., стр. 215, 220). Подробные сведения о деле Нестерова и выписки из него сообщил А. Н. Толстому в это же время сотрудник архива И. Н. Ни-

колаев (Акад. изд., т. 17, стр. 635—636).

² Дело ярославского провинциал-фискала Саввы Попова (в копии написано Копцова) упоминается у С. М. Соловьева в

т. XVIII «Истории России», изд. 1868 г., стр. 153—155, вместе с делом обер-фискала Нестерова.

В. Нечасова

ПИСЬМА А. Н. ТОЛСТОГО К П. И. БИРЮКОВУ

1 [1903 г. * Июня 3.]

Таня прислала мне это письмо вам, милый Поша, а в это самое время я получил и ваше с вопросами, на которые рад ответить, как умею. Прежде же поговорю по душе с вами. Дочери мне обе пишут про вас¹, что вы имете вид измученный, потухший, и что ваша забота о детях и другие заботы как бы поглощают вас и убивают в вас жизнь. Ни та ни другая не пишут мне про ваше внутреннее, духовное состояние. Они, вероятно, не знают его. А я верю и по письму вашему вижу, что ваше духовное «я» не только живо, но растет, как это свойственно ему у всех людей, а особенно у тех, к которым вы принадлежите, которые знают, что только в этом росте сущность жизни человеческой. Вот это хотел вам сказать о вас, о себе же могу сказать, что внутренне живу тем же, что считаю единственным смыслом жизни, внешне же, физически, временно поправляюсь и пишу то мое определение жизни (это философская работа)², то Хаджи Мурата поправляю, и теперь бьюсь над главою о Николае Павловиче³, которая если и будет непропорциональна, но мне очень кажется важна, служа иллюстрацией моего понимания власти. Вообще мне хорошо.

Ну, теперь начинаю ответы на ваши вопросы:

На первый вопрос: прочел ли я и одобрил ли, Таня вам отвечает совершенно верно. При этом считаю нужным вам заметить, что общее мое впечатление то, что вы очень хорошо пользуетесь моими записками⁴, но что я избегаю вникать в подробности, так как такое вникание может завлечь меня в работу исправления, которой я не хочу, так что предоставляю все вам, присовокупляя только то, что в своей биографии, цитируя места из моих записок, прибавьте: из доставленных мне и отданных в мое распоряжение

черновых не исправленных записок⁵.

Теперь я занят другим и записок не продолжаю. Если буду жив, то когда возьмусь за них, что может быть очень скоро, очень много подвинусь.

1-й вопрос: пользоваться моими записками можете, сколько хотите.

2-й вопрос. Продолжать намереваюсь, но едва ли кончу не только в год, но в два или три, следовательно, едва ли окончу до смерти.

3-е. Издавать отдельно при жизни не буду. 4) Дождаться вам меня нельзя, если ваша работа приурочена к полному собранию. 5, 6, 7) Ваша работа мне не помешает, а скорее поможет.

Экзамен не на офицера, а на фейерверкера я держал в Тифлисе в 1852 году, «в январе, не помню в каком месяце». Нет, помню, в январе⁶. Прошение об отставке, о котором совсем не помню, вероятно, подавалось и не принято в 1853 году. В Ясной Поляне я был в 53 или 54-м⁷ году и оттуда поехал в Дунайскую армию, в этом же году я был произведен в офицеры⁸. Разбило пустой гранатой колесо пушки, которую я наводил, 18 февраля 1852 года в движении через Чечню, произведенном Барятинским.

Сейчас справлюсь, когда я произведен в офицеры, и припишу вам.

Прощайте милый друг, целую вас, Пашу и детей.

Лев Толстой.

3 Июня.

Сейчас справлялся по моим дневникам. Дело было вот как: В Тифлисе я был в 52-м году, держал экзамен на фейерверкера в январе. Там писал Детство. Ядром разбило лафет в феврале 1853. В Россию поехал в 1854. Подал в отставку, вероятно, в конце 1853-го.

* Год рукой П. И. Бирюкова.

1903 г. Сентября 2.

Милый друг Поша,

Как мне всегда жаль, когда вижу ваш почерк, что так мало общаюсь с вами.

Простите, что долго не отвечал вам: был слишком здоров, пользовался чудным летом и восстановленными отчасти силами и, работая по утрам, так уставал, что был неспособен вечером писать письмо. Насчет года смерти деда не буду утверждать 1811-й год. Он мог умереть в 1821-м¹, потому что в этом же году мать, как мне кажется, вышла замуж. А сколько я слышал, она недолго жила незамужней без него.

Произведен я был в офицеры, должно быть, почти наверно, в 54-м году и тотчас же уехал в Россию и тотчас же из России на Дунай.

Очень хочется помочь вам в вашем труде, но все руки не доходят.

Я покорился совершенно соблазнам судьбы и живу в роскоши, которой меня окружают, и в физической праздности, за которую не перестаю чувствовать укоры совести. Утешаюсь тем, что живу очень дружно со всеми семейными и несемейными, и кое-что пишу, что мне кажется важным. Очень много есть такого. Прощайте, милый друг, целую вас, вашу хорошую жену и капризных детей.

Л. Толстой.

2 Сент. 1903

1903 г. Ноября 27

Спасибо, милый друг Поша, за ваше подробное письмо о своей семейной жизни. Как я рад, что это так, и верю, что то, что действует на посторонних, как капризность ваших детей, есть только то, что должно быть при ненасильственном воспитании и при отсутствии нужды — самой искусной воспитательницы. М-ле Marie С[офья] А[ндреевна] помнит, но Саша не помнит, говорит, что была M-ле Marie, но не Drog¹, а Henry. Софья Андреевна очень хвалит. Тс, что вы пишете о том, что религиозно-нравственное мировоззрение должно вырасти само собой, совершенно верно, но это не исключает

того, что пример и разумные ответы на возникающие вопросы не могут не влиять на образование этого мировоззрения.

С статью вашей об анархизме² я не совсем согласен. Я бы ничего не сказал, если бы вы не спрашивали, потому что ужасно боюсь разногласия с друзьями. Несогласен я потому, что отказ Нана во имя анархизма, т. е. практической цели уничтожения существующего строя, не прочен. Анархист откажется в виду нескольких месяцев тюрьмы, но едва ли он может отказаться в виду казни или дисциплинарного батальона с розгами. Анархист не может не рассчитывать: что выгоднее — пострадать ему и содействовать внешней цели или не страдать при отказе, а достигать внешней цели другим путем: себя исключить из лагеря борющихся (при казни) или идти служить и так и после действовать? (вы знаете эти рассуждения). Только религиозный человек, понимающий свою жизнь не в одном этом существовании, не рассчитывает, а поступает так, потому что не может поступить иначе. Для анархиста отказ есть цель, для религиозного человека — неизбежное последствие. И потому все те сектанты, верования которых иногда самые дикие и которых я не разделяю, гораздо сильнее подрывают существующий строй, чем политические деятели анархисты, для которых отказ не может быть ничем иным, как делом расчета.

Я решительно не помню, когда я познакомился с Ге³ в Риме. Даже не помню, чтобы я видел его в Риме. У меня есть в моем прошедшем совершенно белые места, на которых ничего не отпечаталось — ничего не помню. В Риме же я был, должно быть, в 1860 г. после смерти брата. — Ваше желание написать мою биографию чрезвычайно трогает, умиляет меня, и я всей душой желал бы помочь вам.

О моих любвях:

Первая, самая сильная, была детская к Соничке Колошиной⁴. Потом, пожалуй, Зинаида Молоствовова⁵. Любвь эта была в моем воображении. Она едва ли знала что-нибудь про это. Потом казачка в станице — описано в Казаках. Потом светское увлечение Щербатовой-Уваровой⁶. Тоже едва ли она знала что-нибудь. Я был всегда очень робок. Потом главное,

Л. Н. Толстой
Рисунок М. В. Нестерова

наиболее серьезное — это была Арсеньева Валерия⁷. Она теперь жива, за Волковым была, живет в Париже. Я был почти женихом («Семейное счастье»), и есть целая пачка моих писем к ней. Я просил Таню переписать их и послать вам.

Дневники мои я не даю кому попало переписывать, потому что они слишком ужасны по своей мерзости. Но зато особенно интересны, и я сообщу их вам. Среди безднй грязи там есть признаки стремления на чистый воздух. Я непременно сообщу их вам. Самый светлый период моей жизни дала мне не женская любовь, а любовь к людям, к детям⁸. Это было чудное время, особенно среди мрака предшествующего.

Хочется взяться опять за воспоминания, да все отвлекает другое. Писал ненужную статью о шекспировском навождении⁹. Теперь, кажется, кончил и буду понемногу продолжать между делом воспоминания. Это такая приятная, легкая и увлекательная работа. Прощайте пока, братски целую вас с женой и детьми.

А. Толстой.

1903, 27 Ноября

4

1905 г. Декабря 24.

Отвечаю, милый Поша, на оба ваши письма: от 20 и 22. Судя по письму от 20, в котором вы говорите, что писали до этого о моей работе, заключаю, что предыдущего письма не получил. До освобождения года за 4 или за три я отпустил крестьян на оброк¹. При составлении уставной грамоты я оставил у крестьян, как следовало по положению, ту землю, которая была в их пользовании — это было несколько менее трех десятин, и к стыду своему, ничего не прибавил. Одно, что я сделал или, скорее, не сделал дурного, это то, что не переселял крестьян, как мне советовали, и оставил в их пользовании выгон; вообще не проявил тогда никаких бескорыстных, добрых чувств на деле.—

Удивляюсь, какое может быть сомнение о том, что Николай читал Севастопольские рассказы (первый, «Севастополь в Декабре»), когда Николай умер в Феврале, а сколько мне помнится, «Севастополь в Декабре» был напечатан не позже Января. В письме Панаева, вероятно, ошибка. Он пишет, вероятно, про «Севастополь в Мае»². Надо справиться в Современнике, когда напечатан «Севастополь в Декабре».

Теперь на 2-ое письмо. То, что я писал Т[атьяне] А[лександровне]³, справедливо. Это был первый случай, когда представили к крестам людей нашей батареи. Для этого нужно было какие-то бумаги, которых у милого Алексева, батарейного командира, не было⁴. Вторым случаем был, когда после движения 18 февраля в нашу батарею были присланы два креста, и я с удовольствием вспоминаю, что я — не сам, а по намеку милого Алексева — согласился уступить крест ящичному ездовому Андрееву — старому добродушному солдату. Третий случай был, когда Левин, наш бригадный командир, посадил меня под арест за то, что я не был в карауле⁵, и отказал Алексеву дать мне крест. Я был очень огорчен.

Первая наша квартира в Казани была в доме Горталова. Через год или два мы переехали в дом Киселевского. В доме же Петонди мы жили одни, три брата студенты. Старший уехал на Кавказ, а тетушка с сестрой уехала в деревню⁶. Жили мы там, как помнится, меньше года; кажется, только несколько весенних месяцев, чтобы окончить экзамены.

Спрашивайте, и я буду отвечать, но не забывайте, что кроме биографии есть наша дружба, и мне всегда хочется знать о вас. Я один раз только пописал в тетради воспоминаний, но так мало и плохо, что не стоит сообщать вам. Постараюсь написать побольше и получше. Целую вас.

А. Толстой.

24 дек. 1905.

Примечания

¹ Павел Иванович Бирюков (1860—1931) — биограф Толстого и один из самых близких его друзей и единомышленников. По рождению и состоянию он был дво-

рянин. Служил на военной службе, но скоро оставил ее, решив порвать связи с той средой, к которой принадлежал.

² Познакомился с Толстым через В. Г.

³ Зашеки Отд. рукописей, арх. IV.

Черткова в 1884 г. Первое письмо его к Толстому датировано 29 января 1884 г.; в нем он благодарит Толстого за согласие получать его рукописный журнал «Переписку» [с друзьями] и приглашает участвовать в ней. Характеризуя основные устремления «Переписки», он в том же письме пишет: «Читая эти, часто наивные рассуждения о существенных вопросах жизни, я сознаю их незрелость, но радуюсь, что хоть уж в то время, когда автор писал это письмо, он отвлекался от обыденной пошлости, что хоть на один час он возвышался над ней и думал: для чего он живет?».

В 1884 г. Бирюков помогал Черткову в устройстве издательства «Посредник» для распространения среди широких масс народа дешевых книг, которые должны были дать народу понятную и полезную уместную пищу.

В 1897 г. (февраль) был выслан из жительство под надзор полиции в город Бауск Курляндской губернии за распространение написанного им, вместе с Чертковым и Трегубовым, воззвания к русскому обществу в защиту преследуемых правительством кавказских духоборов под названием «Помогите!»

Через год получил разрешение переселиться за границу, где жил сначала в Англии у Черткова, помогая ему в издании сборников «Свободное слово».

В 1899 г. переселился в Швейцарию, купил небольшой участок земли близ Меневы, где жил, работая на земле по примеру Толстого. В 1899—1900 годах издавал в Швейцарии журнал «Свободная мысль».

В 1901 г. был приглашен редактировать первое «полное» собрание сочинений Толстого на французском языке в переводе Бинштока. Для этого издания должен был написать краткий очерк биографии Толстого.

Задуманная первоначально как краткий очерк, биография Толстого вскоре всецело захватила Бирюкова и начала разрастаться в огромный труд. В письме от 27 ноября 1901 г. он писал Толстому: «...редактирую полное собрание ваших сочинений на французском языке и пишу вашу биографию. Быть может, вам неприятно и думать об этом. Но я думаю, что вы в таком возрасте и уже в такой объективности ко всем вашим словам, что для вас это ничего. Ведь пишут же с вас портреты и лепят бюсты, и вы по доброте своей это терпите. Так потерпите и мой портрет. Мне, конечно, более всего дорог

ваш духовный образ; его-то я и хочу нарисовать. Вы уж потерпите и помогите, попозируйте, как позируете перед другими художниками. Мой недостаток в художественных способностях я надеюсь пополнить моей любовью к вам и к той истине, которой вы служите. Можно ли мне обращаться к вам с некоторыми вопросами, не затруднят ли вас ответы на них?»

Толстой искренно хотел помочь Бирюкову в составлении биографии, разрешил обращаться к нему с вопросами, касающимися фактов его жизни, и начал писать свои «Воспоминания», которые должны были дать материал Бирюкову. В письме Бирюкову от 11 ноября 1902 г. он писал: «Про свою биографию скажу, что очень хочется помочь вам и написать хоть самое главное».

Толстым было написано лишь начало «Воспоминаний», охватывающее преимущественно период раннего детства.

При жизни Толстого было написано Бирюковым два тома его биографии: первый том был издан первым изданием в изд. «Посредник» в 1906 г., второй — тем же издательством в 1908 г. Третий том вышел в 1921 г. и четвертый в 1923 г.

Начало биографии в рукописи было просмотрено Толстым, и им были сделаны некоторые вставки. Кроме того, «черновые неуправленные записки» воспоминаний были отданы Толстым в распоряжение Бирюкова, как материал для его работы (см. письмо Толстого от 3 июля 1903 г., курсив).

Рукописи-автографы печатаемого нами эпистолярного материала, т. е. писем Толстого к Бирюкову, а также писем Бирюкова и писем дочерей Толстого, Татьяны Львовны и Марии Львовны, к Толстому находятся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки имени Ленина.

Из 179 писем Толстого к Бирюкову, большая часть которых до настоящего времени не издана, мы печатаем лишь четыре письма, в которых Толстой сообщает некоторые факты из своей жизни. Ни полностью, ни в отрывках эти письма не помещены Бирюковым в составленной им биографии Толстого.

1 Дочери Толстого Татьяна Львовна и Мария Львовна виделись с Бирюковым в Веве (Швейцария): письмо Татьяны Львовны к Толстому от 30 марта/12 апреля 1903 г. и Марии Львовны от 10 апреля 1903 г.

2 В письме к дочери Татьяне Львовне Сухотиной от 28 февраля 1903 г. среди намеченных работ Толстой упоминает «Определение жизни». Статья была начата в Дрездене, но не была окончена. Черновые наброски ее см. «Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого», под редакцией П. И. Бирюкова, 1913 г., т. XVIII, стр. 207 — «О сознании духовного начала».

3 Глава XV в повести «Хаджи Мурат» посвящена изображению имп. Николая I. Толстой действительно «бился» над этой главой. Среди рукописей повести «Хаджи Мурат», хранящихся в библиотеке им. В. И. Ленина, имеется 16 вариантов текста этой главы, показывающих упорную работу автора над характеристикой Николая.

4 Из письма Марии Львовны к Толстому от 10 апреля 1903 г.: «Поша была у нас... он привозил нам показывать начало своей работы (биографии) и советоваться, как утилизировать твою работу. Он понимает, что то, что ты ему прислал, прислано только на погляденье, но ему очень было полезно это видеть, чтобы сообразить, как согласовать свою работу с твоей. Он очень ею увлечен, и у него много уже сделано. Спрашивал, работаешь ли ты теперь над воспоминаниями, и очень надеется, что да».

5 Эти «Записки», которые Толстой писал в 1903—1905 гг., были опубликованы отдельными кусками в «Биографии Л. Н. Толстого», составленной П. И. Бирюковым, полностью — в «Полном собрании сочинений» Толстого, под ред. Бирюкова, изд. Сытина, М., 1913, т. I, стр. 253—294, под заглавием «Воспоминания детства». Указание Толстого служит ответом на письмо Бирюкова от 2 июня 1903 г., где он пишет: «Доставила ли вам [Татьяна] Львовна] рукопись первых глав моей работы со вставками из ваших воспоминаний? Что вы скажете на это? Жду самой строгой критики». И далее ставит ряд вопросов, на которые следуют ответы в письме Толстого.

6 3 января 1852 г. Толстой держал экзамен на звание юнкера, после чего был зачислен фейерверкером с предписанием ехать к своей батарее.

7 Толстой пробыл в Ясной Поляне с 2 февраля по 3 марта 1854 г.

8 9 января 1854 г. Толстой произведен в прапорщики за отличие в делах против горцев.

1 В письме от 14 августа 1903 г. Бирюков спрашивал: «Я просил [Марию]

Л[ьвовну] справиться, нет ли ошибки в ваших воспоминаниях о годе смерти нашего деда кн. Волконского. Вы пишете, что он умер в 11 году, а по родословной книге князей Волконских его смерть значится в 21-м году. Книга эта составлена очень подробно и добросовестно». Бирюков имел в виду книгу кн. Е. Г. Волконской «Род князей Волконских», Спб. 1900. Мать Толстого Мария Николаевна, рожд. кн. Волконская, вышла замуж за Н. И. Толстого 9 июля 1822 г.

1 В письме от 26 ноября (и. ст.) 1903 г. Бирюков сообщал Толстому, что пригласил к себе в семью «помощницу» («так как «нистатут прислуги» у нас уничтожен»), швейцарку m-lle Marie Droz, которая прежде жила у Толстых «при Саше» (Алексаандре Львовне).

2 В том же письме Бирюков сообщал: «В № 7 «Свободного Слова» помещена моя статья [об отказе от военной службы] в Швейцарии; очень хорошо бы знать ваше мнение. Анархическое движение в Европе усиливается и очищается».

Повод для статьи изложен Бирюковым в предыдущем письме к Толстому, от 25 сентября 1903 г.: «...Посылаю несколько вырезок по поводу отказа от военной службы этой осенью адвоката Нана в Неаполе. Интересный случай искреннего анархизма... Быть может, этот факт вызовет у Вас некоторые мысли, которые вы изложите».

3 Николай Николаевич Ге (1831—1894) — художник, друг Толстого. Толстой ценил яркий реализм живописи Ге.

Эти строки письма Толстого служат ответом на вопрос Бирюкова в его письме от 26 ноября 1903 г. «Из рассказов... Ге я знаю, что вы познакомились с ним в первый раз в Риме. Не помните ли, когда это было: в первую вашу поездку за границу, т. е. в 1857 году, или в последнюю, после смерти брата, в 1860 году?»

Толстой был в Риме в январе 1861 г. Если и произошло знакомство Толстого с Н. Н. Ге в это время, то оно было настолько мимоходом, что не оставило никакого впечатления у Толстого.

У Н. Н. Гусева в «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого» на стр. 286 значится под 8—11(?) марта 1882 г.: «Художник Н. Н. Ге приходит познакомиться с Толстым (письмо С. А. Толстой к Кузминской 18 марта)».

4 Софья Павловна Колошина (1828—1911), дочь декабриста П. И. Колошина.

изображена в «Детстве» под именем Со-
нечки Валадиной.

⁵ Зинаида Модестовна Молоцова
(1828—1897) — дочь спасского уездного
предводителя дворянства. Увлечение Тол-
стого ею относится к весне 1851 г. в Ка-
зани. В 1852 г. вышла замуж за Тиле.

⁶ Прасковья Сергеевна Щербатова
(1840—1926) — дочь помещика, князя.
В дневнике за январь — март 1858 г. Тол-
стой записал о своем увлечении ею. Была
замужем за археологом графом А. С. Ува-
ровым и после его смерти (1884 г.) про-
должала его занятия археологией, была
председательницей Археологического обще-
ства.

⁷ Валерия Владимировна Арсеньева.
См. прим. 3 к письму Толстого к М. Н.
Толстой от 1856 г., стр. 28.

⁸ Толстой имел в виду свои педагоги-
ческие занятия с крестьянскими детьми в
1858—1862 гг.

⁹ Статья Толстого «О Шекспире и о
драме».

4

¹¹ 11 мая 1856 г. Толстой был у това-
рища министра внутренних дел А. И. Лев-
шина с докладной запиской об освобожде-
нии своих крестьян (Н. Н. Гусев, «Лето-
пись жизни и творчества Л. Н. Толстого»).

² Ответ на вопрос Бирюкова. В письме
от 20 декабря 1905 г. Бирюков спрашивал

о том, мог ли Николай I читать «Севасто-
поль в декабре» Толстого, и приходил к
выводу, что нет, потому что рассказ был
напечатан уже после смерти Николая.
Предположение Бирюкова правильно: смерть
Николая I произошла 18 февраля 1855 г.,
а «Севастополь в декабре» (первый из
«Севастопольских рассказов») был напеча-
тан в «Современнике», № 6, вышедшем в
начале июня 1855 г.

³ Тетка и воспитательница Толстого
Т. А. Ергольская.

⁴ В письме от 22 декабря 1905 г. Би-
рюков спрашивал о возможности получения
Толстым георгиевского креста, ссылаясь на
«одно из писем» его к тетке Т. А. Ерголь-
ской. Речь идет о письме Толстого от
26 июня 1852 г. из Питтсбургса; в этом
письме Толстой объясняет свое служебное
положение. (См. Юбилейное изд. соч. Тол-
стого, том 59, письмо № 62, стр. 191.)

⁵ Приказ об аресте Толстого был дан
«по приказанию г. начальника артиллерии
чеченского отряда» и подписан 7 марта
1853 г. Текст его см. док. № 4 на стр. 49.

⁶ Переезд семьи Толстых в Казань к их
опекушке и тетке Пелагее Ильиничне Юш-
ковой состоялся в сентябре 1841 г. «Три
брата студенты»: Сергей, Дмитрий и Лев-
жиан в доме Петонди весной 1847 г.
Старший брат — Николай. Сестра Толсто-
го — Мария Николаевна.

Ф. Буслев

ПИСЬМА Л. Н. ТОЛСТОГО К С. А. ТОЛСТОЙ

В 1913 г. Софья Андреевна Толстая вы-
пустила в свет том писем к ней Льва Ни-
колаевича за 1862—1910 гг., содержащий
всего 663 письма. В 1915 г. вышло второе
издание этой книги, дополненное семью
письмами Толстого преимущественно 1910 г.
Однако и в это издание не вошел (большую
частью по совершенно случайным причи-
нам) целый ряд писем Толстого к жене
различных годов.

Мы печатаем восемнадцать писем
Л. Н. Толстого к С. А. Толстой, относя-
щихся к посл. десятилетью (1902—
1910 гг.) его жизни. Из них №№ 1—3,
6—18 составляют часть всей коллекции
писем Толстого к жене, переданной
С. А. Толстой еще при ее жизни в Руко-
писное отделение Всесоюзной библио-
теки имени В. И. Ленина (тогда —
Московский Публичный Румянцевский му-
зей). Письма №№ 4 и 5 приобретены Ру-
кописным отделением в 1938 г. у частного
лица.

Письма №№ 1—11 написаны из Ясной
Поляны, №№ 12—18 из Кочетов, имения
М. С. Сухотина.

2

[1902 г. Ноября 18].

Очень жаль, что твои пальцы так
разболелись. Я думаю, что это вре-
менно. Что ты пробудешь дольше, это
очень хорошо, п[отому] ч[то] действи-
тельно у нас все хорошо, и беспок-
ойство тебе не о чем. Маше совсем
лучше, и мне хорошо.

Прощай. Целую тебя. А. Т.

3

[1905 г. Апреля 28].

Хочется написать тебе несколько
слов, милая Соня. От тебя получены
два успокоительных письма¹, но не
могу не тревожиться за твоё здоро-
вье, так оно б[ыло] нехорошо послед-
нее время. У нас вс[е] хорошо, все здо-
ровы. Посетители не прекращаются.
Уехала Таня², приехала г-жа Моло-
цова³. Она уехала, приехал Амери-
канец⁴. Потом уехал Мих[аил] Сер-
г[еевич], приехали Семенов⁵, Горб[у-
нов]⁶ и Страхов⁷. И нынче, 28, уез-
жает Страхов, к[оторый] мне всегда
приятен. Андр[юша]⁸ ездил смотреть
имение к Мише⁹. Миша хотел нынче
приехать, но не приезжал. Андр[юша]
получил укоризненное письмо от Чер-
т[кова]¹⁰ и Ольги¹¹, к[оторые] про-
сят его не приезжать¹². Саша¹³ за-
нята посадкой. Я живу как заведен-
ные часы. На душе хорошо. О тебе
беспокоюсь. О разъединении с Ле-
вой¹⁴ (не с моей стороны) жалею.
Целую его и Дору¹⁵ и тебя люблю.

А. Т.

На конверте: Петербург. Спас-
ская 17. Ее превосходительству Г-же
Кузьминской. Для передачи Графине
С. А. Толстой.

4

1907 г. Апреля 4.

Очень рад писать тебе, милая Со-
ня, т[ак] к[ак] ты говоришь, что те-
бе это приятно. У нас все хорошо. Я
совсем оправился от своего нездо-
ровья; сегодня ходил к Лесничему¹
говорить по телефону с Андрюшей²,
но его не б[ыло] дома. Я хотел спро-
сить его, может ли приходившая ко
мне женщина, мужа кот[орой] убили
жандармы в Житове³, там, где таска-

ли товар из разбитых вагонов⁴, мо-
жет ли она надеяться получить вспо-
могательство. Мы обедали нынче у
Тани⁵. От Саши бодрое письмо⁶. Я
по обыкновению учил ребят⁷ и все
надеюсь, что будет какойнибудь толк
из этого⁸. Вызывает же это обще-
ные самые хорошие мысли и чувства.
Ждем известий от тебя. До сих пор
ничего не знаем. Получил нынче по-
жертвование из Америки⁹. Пожалуй-
ста пошл[и] артельщика получить эти
деньги и привези. Я решил оставить
их у себя и раздать бедным. Про-
щай. Целую тебя и Сер[ежу]¹⁰ и
М[ашу]¹¹.

5

[1907 г. Июля 16].

Пишу нынче, понедельник, после
обеда, милая Соня, и надеюсь, что
письмо дойдет, т[ак] к[ак] посылаю
его сейчас на Козловку¹ с одолевшей
меня очень тяжелой А. Н. Шарапо-
вой², belle soeur³ Бирюкова⁴. Она
занята Esperanto'm и говорит, го-
ворит не переставая. Надо надеять-
ся, что она уедет. Вообще нынче день
очень тяжелый от посетителей. Кро-
ме прохожих, б[ыло] человек 6 таких,
с к[оторыми] надо говорить⁵. А я
еще на беду и на пользу, надеюсь,
очень много писал свою статью о «Не
убий»⁶. Утром получила Танички
большой⁷ письмо⁸, с барометром,
фотографи[ями] и ее милым мне ду-
хом. У нас все здоровы. Саша прови-
дит состояние моего желудка и зака-
зывает идеальные обеды. Вчера вече-
ром был Голд[енвейзер], и мы игра-
ли в винт. Он не приехал 3-го дня
и вчера не играл п[отому], ч[то] у
него болит палец (я сам видел за-
платку). Черткова⁹ не видал вчера,
но нынче он у нас обедал и сейчас
здесь. Целую тебя, Таню, Таничку, ее
родителя¹⁰ и дружески кланяюсь На-
т[алье] Мих[айловне]¹¹, Дашкевичу¹²,
Яне и last but not least¹³ Наташе¹⁴.

6

Вечер 13-го [1907 г. Декабрь].

Хотел и так писать тебе, милая
С[оня], чтоб самому о себе известить
и о тебе узнать, а теперь еще малень-
кая просьба, скорей к Сереже¹. Есть
немецкая книга: Die Grundlagen
des XIX Jahrhunderts Cham-

berlin'a². Если она есть в библиотеке, то нельзя ли ее мне прислать для прочтения. У меня есть 1-й том, нет 2-го.

Покупать отнюдь не надо, п[отому] ч[то] я написал об этой книге в два места³. — Мороз жестокий. В зале только холодно. У меня тепло. Я здоров. Хожу степенно два раза в день гулять. Et je m'en trouve très bien⁴. — Посетителей нет. М[арья] А[лександровна]⁵ нынче уехала. Как-то ты? Я думаю, что что бы ты ни делала в Москве, все будет легче твоего стояния⁶ последнее время. Целую тебя, Сер[ежу], М[ашу]⁷.

Л. Т.

7

[1908 г. Марта 25].

Нынче, 25-го, часа в 3 приехал Давыдов¹ и, как всегда, был очень мил, и я прошу его передать тебе эту записку. Я совсем здоров. Сережа очень приятен был и вообще, и тем, что помогал занимать Давыдова. Он, кажется, также, как и я, скорее отрицательно относится к юбилею². Целую тебя и чувствую, что недостает чего-то, когда тебя нет. Это я говорю, чтобы сказать тебе то, что испытываю, но прошу, чтобы это не заставило тебя ускорить свой приезд и отказаться от исполнения твоих намерений.

Л. Т.

Обедаем в половине шестого, чтобы Ник[олай] Вас[ильевич] успел с нами пообедать.

На обороте: Софье Андреевне.

8

[1908 г. Марта 30].

Милая Соня, посылаю тебе письмо Пракудина¹ с его предложением приехать снимать цветную фотогр[афию]². Если ты найдешь удобным, то вызови его на 1-е или 2-е апреля телеграммой, а нет, то телеграммой же откажи ему, отложив до июня³. Прости, что не сам решил, а утруждаю тебя. Рад знать, что ты хорошо работаешь⁴. Я здоров, пью присланный кумыс. Саша также хороша. Целую тебя и наших⁵. Если вспомнишь *Rauvres Gens V. Hugo*⁶.

38

Я просил Ив[ана] Ив[ановича]⁷, Машу⁸, кажется, тебя (боюсь, что нет) и не получил, а мне нужно для корректур Кр[уга] Чт[ения]⁹.

Так до свиданья. С радостью жду тебя.

Л. Т.

Раннее утро 30. М[арья] А[лександровна]¹⁰ уезжает к себе и берет это письмо.

9

[1908 г. Мая 16].

Пишу эти строки утром 16-го только затем, чтобы просить тебя не отдавать моего письма Кони¹, а разбавить его. Мне невозможно, неприлично и стыдно просить, c'est une contradiction criante². Все таки рад случаю, милая Соня, подумать о тебе и сообщить о нас, хотя и после только одной ночи. Теперь 9 часов, сажусь за радостную работу³. Вообще мне на душе так хорошо, что даже совестно.

Целую тебя.

Л. Т.

Скажи Кони, ч[то] мне очень понравились его Воспоминания, особенно рассказ о Писемском⁴.

10

18. 7 часов вечера [1908 г. Май].

На всякий случай, пишу тебе, милая Соня, чтоб известить про нас. У нас все хорошо, только посетителей много.

Первый приехал Молочников¹, к[оторый] отказывается от кассации и ходатайства². Я писал тебе³ уничтожить письмо Кони, п[отому] ч[то] не хотел, неудобно нашел, просить об Андрюше, а теперь и о Мол[очникове] не нужно. Потом из Самары пришли два крестьянина Добролюбовцы⁴, потом нынче Наташа Сух[отина]⁵, Коля Оболен[ский]⁶, Гриша Фохт⁷ и Андр[юша]. Андр[юша] уехал, а остальные у нас. Завтра ждем Стаховичей⁸. Потом был Плюсин⁹, он уезжает в Хабаровск к больному отцу, 9 000 верст. — Приехали Николаевы¹⁰, на деревне, но у нас не были. Я б[ыл] у них. Я здоров, Саша хороша, и вообще все прекрасно от

того, что у меня на душе хорошо. Целую тебя и Таню¹¹ и Сашу¹², и, главное, Леву и Дору и внуков¹³. От Левы оч[ень] хорошее письмо¹⁴, на к[оторое] буду отвечать¹⁵.

Л. Т.

На обороте: Петербург. Ее Превосходительству Татьяне Андреевне Кузминской. Для передачи С. А. Толстой.

11

[1909 г. Марта 15].

Пишу тебе, милая Соня, в 11 часов вечера, не скрою, что и нынче был жар от 5-го часа до 10-го¹, но теперь сижу с градусником (Никитин скажет, сколько) и чувствую себя очень бодро. Никит[ин] все расскажет. Чертков б[ыл] нынче. Ему гораздо лучше². Как ты? Главное — твое здоровье. Пожалуйста, не беспокойся обо мне — мне кажется, завтра должно пройти. — Нога же совсем хороша³.

Л. Т.

На конверте без почтовых знаков: Софье Андреевне.

12

[1909 г. Июня 17].

Вот и пишу тебе, милая Соня, чтоб ты не беспокоилась. Вчерашнюю ночь с 16 на 17 оч[ень] болела голова, но нынче, 17, лучше, и лучше и гулял и ел, а главное, работал хорошо¹. Получил письмо Саши² и от Ольги к Тане³. Пишите мне чаще. Сюда приехала Левина жена⁴ с сестрой⁵. Оне скромные. Мне понравились. Жаль, что Лева наш не приезжает и что я с ним мало вижусь. Надеюсь, что он поживет еще у нас и я застаю его и послужу ему моделью⁶.

Сейчас 10 часов, я посидел с ними, смотрел, как едят ягоды и простокваши без всякой зависти. Ты меня упрекаешь, что я не берегусь, а я je suis pauvre pour⁷ беречься, п[отому] ч[то] только при береженьи могу работать. А думаю, что не оч[ень] заблуждаюсь, предполагая, ч[то] то, что пишу, может быть нужно людям, главное же то, что это моя обязанность перед богом⁸ — высказать то, что⁹ мне дает

спокойствие и радость, как можно понятнее и яснее.

Целую тебя, Сашу, Леву. Жду писем. У Танички¹⁰ Танюша¹¹ и очень ей рада.

Л. Т.

13

[1909 г. Июня 19].

От вас нет известий, милая Соня, а я пишу, чтоб сказать вам, что я здоров, только голова все еще немного болит. Но ездил нынче оч[ень] приятно верхом по прекрасным местам — Камушки¹ и прелестном Кочетке². А еще заехал в деревню к 100-летию старику и беседовал с ним³. Вчера кроме молодых Сухотинных⁴ и ее сестры⁵, б[ыло] пропасть народа: Матвеева⁶, жена того, с к[оторым] я ехал⁷, с своим племянником консулом⁸ — он б[ыл] в Индии и Персии и рассказывал интересное; и Свербеева⁹, и доктор незнакомый Голлицына¹⁰. Нынче я почти нич[его] не рабстал, не хотелось. От Ч[ерткова] жду известий тоже. Целую всех.

14

[1909 г. Июня 21].

Получил нынче твое письмо¹, милая Соня, и нынче же отвечаю. Живется мне здесь оч[ень] хорошо. Здоровье не дурно. Головная боль прошла. Занятия подвигаются. Кончил статью об Единой Заповеди, но за новое, худож[ественное] не берусь. Поглощают время письма, дневник... Ну да что о себе. Не могу не советовать тебе как можно меньше приписывать важности хозяйству. Само дело такое, что вызывает дурные, недобрые чувства. А добрые чувства к людям несравненно важнее всех дел². Вчера ездил верх[ом] много, нынче с тремя Таничкам[и]³ ездил на дрожках за грибами. Они нашли огромные белые, а я серьезно и приятно говорил с косяками, мужиками всей деревни⁴. Рад, что Лева не уезжает, постараюсь пораньше приехать. А что Саша не собирается сюда? Как всегда, я нежности думаю о ней и целую ее. Привет В[арваре] М[ихайловне]⁵. Целую тебя и с любовью помню тебя.

Л. Т.

39

[1909 г. Июня 23].

Получили нынче твое письмо Таня¹, милая Соня. Мне здесь оч[ень] хорошо, но хочется и домой и для тебя, и для Лёвы, и для Саши, т[ак] к[ак] она не приезжает сюда, и для самого себя. Определять времени вперед не люблю, но думаю, что скоро. Нынче получил письмо от Черткова² со вложением копии письма тебе³. Он предлагает отдать рассказ Дьявол⁴ в литературный фонд⁵, к[оторый] просит об этом. Я еще не решу. Рассказ мне не нравится. Надо будет перечитать его⁶. У нас теперь довольно тихо, гораздо тише, чем в Ясной, в смысле посетителей. Нынче приехал сын М[ихаила] С[ергеевича] и Миша⁷. Я себя чувствую хорошо. Кое что работаю⁸, и хочется столь многого, ч[то] ясно, ч[то] это обычные старческие неосуществимые мечты. Хочется только не даром провести оставшиеся месяцы, дни, часы, когда так много, непонятно[ое] и скрытое прежде, стало ясно. Вчера б[ыла] Наташа Абрикосова⁹. Повторяю совет не придавать важность хозяйству, а тому, как ты верно пишешь¹⁰, чтоб быть доброй. Только одно это нужно. И доказательство, ч[то] это одно нужно, то, что это одно всегда можно. Целую тебя, Сашу, Лёву, привет В[арваре] М[ихайлов]не.

[1909 г. Июня 28].

Хотел писать тебе отдельно, милая Соня, но Таня принесла свое письмо, предлагая вписать. Я здоров, и хотя и совестно быть довольным и счастливым, не могу не быть им. Нынче ходил по прелестному парку (у меня сделалась одна обычная чудная прогулка) и все благодарил бога за все то, что он дал мне — не вещественное, — а духовное, к[оторое] одно дает истинное благо. Всею душой сочувствую твоим тревогам¹ и огорчениям и рад бы помочь, да не знаю, чем¹. Мои планы неопределенны, п[отому] ч[то] не знаю, где придется увидиться с Ч[ертковым], чего я оч[ень] желаю, также и он, бедный. Мы было думали, что он придет сюда, в Орл[овскую] губернию за

3 версты², но не знаю его решения на этот план и ожидаю решения. Если ему этого нельзя, о чем, вероятно, узнаю с нынешней почтой — теперь утро, 11 часов — то через день или два приеду. Разумеется, телеграфирую. До свиданья, целую тебя.

Л. Т.

[1909 г. Июня 28].

Прежде чем наше с Таней письмо¹ пошло к тебе, получил от Ч[ерткова] известие, ч[то] он готов приехать в наше соседство за 4 версты в Орл[овскую] губ. Во всяком случае думаю около четверга, 3-го, выехать². Получил твое письмо и оч[ень] жалею о Лёве³.

Л. Т.

На обороте: Софье Андреевне Толстой. Почтовая станция Ясенки. Тульской губернии.

[1910 г. Мая 3].

Пишу тебе, милая Соня, чтобы самолично известить о себе. Доехали прекрасно, а здесь не верю действительности: что можно выйти на крыльцо, не встретив человек 8 всякого рода просителей, перед к[оторыми] больно и совестно, и человек двух, трех посетителей, хотя и оч[ень] хороших, но требующих усилия мысли и внимания, и потом можно пойти в чудный парк и, вернувшись, опять никого не встретить, кроме милых Танчик¹ и милого Мих[аила] Серг[еевича]². Точно волшебный сон. Здоровье хорошо. 2-ой день нет изжоги. Как ты, отдохнула ли? ³ С кем приедешь? Скажи Анд[реюше] и Кат[е]⁴, ч[то] жалею, что они меня не застали. Сейчас ложусь спать. Таня так заботлива, что хочется только удерживать ее. Гуляю по парку, ничего серьезного не писал.

Л. Т.

На обороте: Моск. Курс. Козловка-Засека. Графине Софье Андреевне Толстой.

Датируется числом приезда в Ясную Поляну (на один день) А. Б. Гольденвейзера (см. А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», т. I, М. 1922, стр. 99). С. А. Толстая уехала в Москву 11 ноября 1902 г., вернулась в Ясную Поляну 18 ноября. Письмо было послано с уезжавшим из Ясной Поляны в Москву А. Б. Гольденвейзером.

¹ Александр Борисович Гольденвейзер (р. 1875 г.) — пианист, профессор Московской консерватории, друг Толстого, автор дневника «Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет)», ныне народный артист РСФСР, орденносец.

² Дмитрий Васильевич Никитин (р. 1874 г.) — врач. В 1902—1904 гг. жил в качестве домашнего врача в Ясной Поляне.

³ Вторая дочь Толстого, Мария Львовна Оболенская (1871—1906).

⁴ Сестра С. А. Толстой, Т. А. Кузминская (1846—1925).

⁵ В письме от 10 ноября 1902 г. Т. А. Кузминская сообщила С. А. Толстой, что ее сын Михаил Александрович Кузминский 6 ноября женился на дочери председателя Нижне-Ломовской уездной земской управы Ягодниковой.

⁶ Кн. Дмитрий Дмитриевич Оболенский (р. 1844 г.), старый знакомый Толстого.

Открытое письмо. Датируется на основании почтовых штемпелей: «Почтовый вагон. 19.XI.1902»; «Москва. 19.XI.1902», — днем, предшествующим дате почтового штемпеля.

Датируется на основании слов письма: «нынче 28». Год и месяц определяются по содержанию: приезд в Ясную Поляну Е. В. Молоствовой, И. И. Горбунова-Посадова и С. Т. Семенова.

25 апреля 1905 г. С. А. Толстая уехала в Москву, откуда 27 апреля проехала в Петербург — навестить сестру Т. А. Кузминскую, сына Льва и знакомых. Вернулась в Ясную Поляну 1 мая.

¹ В Толстовском кабинете Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина имеется лишь одно письмо, относящееся к данной последке С. А. Толстой, — от 27 апреля 1905 г. (см. С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому» изд. «Academia», М.—Л. 1936, стр. 761—762).

² Дочь Толстого Татьяна Львовна Сухотина (р. 1864 г.).

³ Елизавета Владимировна Молостова (1875—1936) — жена тетюшского уездного председателя дворянства, член имп. географического общества, исследовательница сектанства. Состояла в переписке с Толстым с 1904 г. и бывала в Ясной Поляне неоднократно и позднее.

⁴ 28 апреля к Толстому приезжал американец Франк Ремонт Робертсон из Вальдена.

⁵ Сергей Терентьевич Семенов (1868—1922) — крестьянин-писатель. Толстой высоко ценил его «Крестьянские рассказы» и написал к ним предисловие (1894).

⁶ Иван Иванович Горбунов-Посадов (р. 1864 г.) — друг и единомышленник Толстого, руководитель основанного Толстым и Чертковым книгоиздательства «Посредник».

⁷ Федор Алексеевич Страхов (1861—1923) — единомышленник Толстого, писатель.

⁸ Сын Толстого Андрей Львович (1877—1916).

⁹ Младший сын Толстого Михаил Львович (р. 1879 г.).

¹⁰ Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) — старейший друг и единомышленник Толстого.

¹¹ Ольга Константиновна Толстая, рожд. Дитерихс (р. 1872 г.) — первая жена А. А. Толстого, с которой он разошелся в 1903 г.

¹² О. К. Толстая жила тогда в Англии у своей сестры А. К. Чертковой. Предполагался приезд к ней А. А. Толстого. Письма, упоминаемые Толстым, неизвестны.

¹³ Младшая дочь Толстого Александра Львовна (р. 1884 г.).

¹⁴ Сын Толстого Лев Львович (р. 1869 г.). В последние годы жизни отца А. А. Толстой относился к нему неприязненно и нередко выступал в печати против его взглядов.

¹⁵ Жена А. А. Толстого Дора Федоровна, рожд. Вестерлууд (1879—1933).

Дата проставлена сбоку первого листа письма рукою Т. А. Сухотиной. Письмо писано в Москву, куда С. А. Толстая уехала 3 апреля 1907 г. Вернулась в Ясную Поляну 10 апреля.

¹ Квартира казенного лесничего находилась в полуверсте от Ясной Поляны. Там был телефон с Тулой.

² Андрей Львович Толстой служил тогда чиновником особых поручений при тульском губернаторе.

³ Житово — деревня Крапивинского уезда, в пятнадцати верстах от Ясной Поляны.

⁴ В неопубликованных «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого под 19 февраля 1907 г. записано: «На днях было крушение поездов между Ясенками и Житовым. Товарные вагоны оставались несколько дней без присмотра. Из них стали растрескивать муку, зерно, апельсини, медь. Через несколько дней к вагонам приставили жандармов, которые стреляли и убили двоих».

⁵ Татьяна Львовна Сухотина гостила тогда в Ясной Поляне.

⁶ А. Л. Толстая, у которой врачи подозревали туберкулез, уехала в Ялту для поправления здоровья. Письмо ее к отцу от 3 апреля 1907 г. касалось ее жизни и внешних впечатлений в Ялте.

⁷ Со второй половины декабря 1906 г. Толстой по вечерам начал заниматься с яснополянскими крестьянскими мальчиками, беседуя с ними по нравственным вопросам. Дав шесть уроков, Толстой по нездоровью прекратил их и возобновил лишь 12 февраля 1907 г.

⁸ Толстой записывал для себя то, что имел в виду сказать детям. Эти «уроки для детей» были оставлены в черновом виде и не получили окончательной обработки. Из них вырос «Детский круг чтения», который, в свою очередь, вошел в состав большой работы Толстого «На каждый день».

⁹ Канадские духоборы прислали Толстому 5000 долларов для голодающих.

¹⁰ Старший сын Толстого Сергей Львович (р. 1863 г.).

¹¹ Жена Сергея Львовича Толстого, Мария Николаевна (р. 1867 г.), рождалась в Ясной Поляне.

5

Датируется на основании слов письма: «пишу нынче, понедельник» и почтового штампа получения: «18.7.07. Благодарное. Тул.» Понедельник приходился на 16 июля 1907 г.

С. А. Толстая 15 июля 1907 г. уехала к дочери Т. А. Сухотинной в имение ее мужа Кочеты, Тульской губернии; вернулась в Ясную Поляну 19 июля.

¹ «Козловка» (правильнее — Козлова Засека) — ближайшая к Ясной Поляне станция Московско-Курской железной дороги. Ныне станция Ясная Поляна.

² Анна Николаевна Шарапова (1863—

1923) — сестра жены П. И. Бирюкова, психически неуравновешенная, знаток и пропагандист международного языка эсперанто, на который она перевела ряд сочинений Толстого.

³ [свояченица].

⁴ Павел Иванович Бирюков (1860—1931) — друг, единомышленник и биограф Толстого.

⁵ По записи Толстого в «Карманном ежедневнике на 1907 год», 16 июля 1907 г. у него были: купец-поэт, учитель, ветеринар, «юноша саратовский» С. Е. Суворов, которому предстоял призв на военную службу, и «пропасть народа» (А. Н. Толстой, «Полное собрание сочинений», т. 56, Гослитиздат, 1937 г., стр. 203).

⁶ Толстой писал тогда статью «Не убий никого». Статья была начата 9 июля и закончена 15 августа 1907 г.

⁷ «Танюшки большой» — дочери Толстого Т. А. Сухотинной. Толстой называл ее так в отличие от ее дочери — «Танюшки маленькой».

⁸ Письмо Т. А. Сухотинной от 14 июля 1907 г., посвященное главным образом ее семейным делам, хранится в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея.

⁹ В. Г. Чертков с семьей лето 1907 г. проживал на даче в Ясенках, в пяти верстах от Ясной Поляны.

¹⁰ Муж Т. А. Толстой Михаил Сергеевич Сухотин (1850—1914).

¹¹ Кто это — сведений не имеем.

¹² Петр Григорьевич Дашкевич (р. 1860 г.) — земский врач, был членом партии «Народная воля». В 1884 г. был приговорен к ссылке на поселение, откуда бежал в 1887 г. До 1905 г. жил в Болгарии и Швейцарии, где окончил университет и получил звание врача. Вернувшись в Россию после 1905 г., был земским врачом в том участке, к которому относился Кочеты.

¹³ [последней в перечне, но не последней по значению].

¹⁴ Наталья Михайловна Сухотина (1882—1925) — дочь М. С. Сухотина от первого брака, подруга А. Л. Толстой, с 1908 г. вторая жена Н. А. Оболенского.

6

Закрытое письмо. Месяц и год письма определяются, кроме содержания, почтовыми штампами: «Харьков — Москва, 17.XII.1907»; «Москва 18.XII.1907».

С. А. Толстая уехала в Москву 11 декабря 1907 г., вернулась в Ясную Поляну 17 декабря.

¹ С. А. Толстой.

² Houston Stewart Chamberlain, «Die Grundlagen des 19-ten Jahrhunderts», 8-te Aufl., Volksausgabe, I. u. II. Hälften, München, Verlaganstalt v. Bruckmann A.-G., 1907. Эта книга имеется в Яснополянской библиотеке; в ней много пометок Толстого. Книжку прислала Толстому его знакомая Э. Р. Стамо. 13 декабря Толстой говорил, что это — «превосходная книга», которую следует перевести по-русски (неопубликованные «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого).

³ О присылке ему второй части книги Чамберлена Толстой в письме от 14 декабря просил Э. Р. Стамо. Второе письмо его по этому поводу неизвестно.

⁴ [мне это здорово].

⁵ Мария Александровна Шмидт (1844—1911) — друг и единомышленница Толстого, бывшая классная дама в Николаевском сиротском училище в Москве. Жила физическим трудом в усадьбе Овсянниково, в пяти верстах от Ясной Поляны.

⁶ Быть может, описка и следует читать «состояния».

В неопубликованном Ежедневнике С. А. Толстой на 1907 г. под 2 декабря записано: «Весь день до изнеможения писала портреты, нога болит очень сильно, это что-нибудь, не рак ли». Затем 5 декабря: «Мучаюсь с портретом». 9 декабря: «Свой портрет лихорадочно писала даже с лампой и испортила».

⁷ М. Н. Толстая.

7

Печатается по рукописной копии, хранящейся в Толстовском кабинете Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, сверенной с автографом, хранящимся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея в Москве. Месяц и год определяются по содержанию: приезд Н. В. Давыдова в Ясную Поляну и 80-летний юбилей Толстого.

¹ Николай Васильевич Давыдов (1848—1920) — старый знакомый Толстого, друг семьи Толстых, ранее прокурор и затем председатель Тульского окружного суда, в 1908 г. — председатель Московского окружного суда.

² 28 августа 1908 г. Толстому исполнилось восемьдесят лет. Для ознаменования этой годовщины в Петербурге в январе 1908 г. образовался «Комитет почина», ставивший своей задачей разработку мероприятий по чествованию Толстого. Отделение Комитета образовалось в Москве. Толстому был неприятен шум вокруг его имени, и он воспользовался приездом в Ясную Поляну Н. В. Давыдова, бывшего одним из чле-

нов «Комитета почина», чтобы послать с ним письмо в редакцию «Русских ведомостей» с просьбой прекратить всякие приготовления к его чествованию. Письмо это было прочтано на заседании московского отдела «Комитета почина», после чего Комитет прекратил свою деятельность.

8

Месяц и год письма определяются на основании содержания: получения письма С. М. Прокудина-Горского и пометы С. А. Толстой: «март 1908 г.».

¹ Сергей Михайлович Прокудин-Горский (р. 1863 г.) — профессор химии Технологического института в Петербурге, в то время единственный русский ученый, занимавшийся научной разработкой вопросов цветной фотографии.

² В письме от 23 марта 1908 г. (Рукописное отделение Гос. Толстовского музея) Прокудин-Горский просил разрешения приехать в Ясную Поляну на один-два дня, чтобы сделать несколько цветных снимков с Льва Николаевича и Софии Андреевны.

³ С. М. Прокудин-Горский приехал в Ясную Поляну 22 мая 1908 г. и произвел несколько снимков.

⁴ В открытом письме от 29 марта 1908 г. С. А. Толстая кратко сообщала о своих занятиях в Историческом музее над сданными ею в этот Музей толстовскими материалами.

⁵ Под словом «наших» Толстой разумел сына Сергея Львовича с семьей, живших в Москве.

⁶ «Les pauvres gens», стихотворение В. Гюго из цикла «Légendes de XIX-го siècle».

⁷ Иван Иванович Горбунов-Посадов.

⁸ М. Н. Толстая.

⁹ Перевод «Les pauvres gens», сделанный В. Микулич, озаглавленный «Бедные люди», был помещен Толстым в составленный им сборник «Круг чтения», вышедший в свет в 1906—1907 гг. Толстой не был удовлетворен переводом Микулич и читая корректуры второго издания «Круга чтения», желал исправить его, для чего ему и нужен был оригинал. Вновь исправленный Толстым перевод «Бедных людей» помещен в первом томе второго издания «Круга чтения» (1908 г.). «Les pauvres gens» принадлежало к числу любимых стихов произведений Толстого. В 1907 г. он сам изложил его для «Детского круга чтения» (см. «Неизданные тексты А. Н. Толстого», редакция Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева,

9

Датируется на основании слов: «пишу... утром 16-го», причем месяц и год дополняются по содержанию — датой не переданного письма Толстого к А. Ф. Кони.

С. А. Толстая уехала в Москву 15 мая 1908 г., откуда 17 мая проехала в Петербург; вернулась в Ясную Поляну 21 мая.

1 В письме к А. Ф. Кони, написанном 15 мая 1908 г., Толстой просил его содействовать прискаанию места для его сына Андрея и содействовать успеху кассационной жалобы В. А. Молочникова в Сенате (см. следующее письмо).

2 [Это — кричащее противоречие].

3 Толстой работал тогда над статьей «Не могу молчать» (о смертных казнях). Статья в выдержках появилась в московских и петербургских газетах 3 июля 1908 г.; полностью — в нелегальной типографии в Тулу и в заграничных изданиях.

4 В № 5 «Вестника Европы» за 1908 г. были напечатаны «Отрывки из воспоминаний» А. Ф. Кони — о Тургеневе, Достоевском, Некрасове, Апухтине и Писемском. Впоследствии были перепечатаны в его книге «На жизненном пути», т. II, М. 1916, стр. 82—142.

10

Год и месяц дополняются по содержанию: приезд В. А. Молочникова в Ясную Поляну, а также на основании почтовых штемпелей: «Москва. 19. V. 08 г.»; «С. Петербург. 20.5.1908».

1 Владимир Айфалович Молочников (1871—1936) — единомышленник Толстого, слесарь, житель гор. Новгорода. 7 мая 1908 г. приговором С.-Петербургской судебной палаты был присужден к 1 году заключения в крепость за распространение запрещенных статей Толстого. Перед заключением в крепость Молочников 7 мая приехал повидаться с Толстым. Свое посещение Ясной Поляны он описал в статье «Свет и тени. Воспоминания о моем приближении к Толстому» — «Толстой и о Толстом», вып. 2, изд. Толстовского музея, М. 1926, стр. 81—98.

2 В письме к А. Ф. Кони Толстой просил его содействовать смягчению приговора над Молочниковым в случае подачи им кассационной жалобы в Сенат. Но Молочников отказался от кассации, чем Толстой был очень доволен.

3 См. предыдущие письма и дневник Н. Н. Гусева «Два года с Л. Н. Толстым», изд. Толстовского музея, М. 1928, стр. 158—159.

4 «Добролюбовцы» — последователи учения Александра Михайловича Добролюбова (р. 1876 г.). Жили преимущественно в Бузулукском уезде, Самарской губернии. 16 мая к Толстому пришли два «добролюбовца» — «брат Сергей» и «брат Данила», крестьяне селений Патровка и Гавриловка Бузулукского уезда. Разговор с ними Толстого записан в вышеназванной статье В. А. Молочникова, стр. 82—87, и в дневнике Н. Н. Гусева «Два года с Л. Н. Толстым», изд. Толстовского музея, М. 1928, стр. 158—159. На Толстого «добролюбовцы» произвели «не совсем хорошее» впечатление. «В них, — написал он в дневнике 20 мая 1908 г., — отсутствует драгоценное для меня свойство простоты. Их добрая жизнь деланная, и я чувствую, что пахнет и клеес и лаком» («Полное собрание сочинений», т. 56, стр. 129).

5 Наталья Михайловна Сухотина.

6 Николай Леонидович Оболенский (1872—1934) — внучатный племянник Толстого, муж его дочери Марии Львовны.

7 Григорий Николаевич Фохт (1871?—1909?) — племянник М. С. Сухотина, сын его сестры.

8 Друзья семьи Толстых: Михаил Александрович Стахович (1861—1923), орловский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета, один из основателей Толстовского музея в Петербурге, и его сестра София Александровна Стахович (р. 1862 г.), ныне сотрудница Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, выпускаемого Гослитиздатом.

9 Василий Васильевич Плюсини (р. 1877 г.) — единомышленник Толстого, сын богатого хабаровского купца. В 1903 г. отказался от крупного наследства, вышел с 4 курса Московского высшего технического училища и, отправившись пешком на юг, вблизи Ясной Поляны встретил Толстого на прогулке и познакомился с ним.

В январе — феврале 1908 г. жил в Ясной Поляне, вместе с Н. Н. Гусевым помогая Толстому в его работах.

10 Сергей Дмитриевич Николаев (1861—1920) — друг Толстого, переводчик сочинений американского экономиста Генри Джорджа, жена его Лариса Дмитриевна, рожд. Нечёва (р. 1875 г.) и их дети: Валентин, Роман и Татьяна.

11 Татьяна Андреевна Кузминская.

12 Александр Михайлович Кузминский

(1845—1917) — муж Т. А. Кузминской, сенатор.

13 Дети Льва Львовича и Доры Федоровны Толстых: Павел Львович (р. 1900 г.), Никита Львович (р. 1902 г.), Петр Львович (р. 1905 г.) и Ника Львовна (р. 1906 г.).

14 В письме из Петербурга от 13 мая 1908 г. Л. А. Толстой писал о том, «как дорого» ему было его последнее свидание с отцом (в апреле 1908 г.) и о происходящей в нем «большой внутренней перестройке».

15 Толстой отвечал сыну Льву Львовичу 6 июня 1908 г. обширным письмом о смысле жизни.

11

Датируется на основании пометы С. А. Толстой на конверте: «Март 1909 г.» и дня приезда из Ясной Поляны в Москву Д. В. Никитина, приехавшего, по «Ежедневнику» С. А. Толстой, 16 марта 1909 г., с которым и было послано это письмо, С. А. Толстая уехала в Москву 13 марта 1909 г., вернулась в Ясную Поляну 17 марта.

1 Толстой заболел 12 марта — температура была 37,6.

2 В. Г. Чертков тогда болел гриппом.

3 4 марта Толстой заболел затяжным воспалением вен на левой ноге.

12

Датируется на основании слов письма: «ныне 17». Месяц и год определяются по содержанию: пребыванием Толстого у дочери Т. А. Сухотиной в Кочетах, Толстой 8 июня 1909 г. уехал из Ясной Поляны в Кочеты. С. А. Толстая поехала с ним, но вернулась в Ясную Поляну 17 июня.

1 Толстой в то время работал над статьей «Единая заповедь». Была напечатана с цензурными пропусками в книге: «Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859—1909», СПб. 1909. Полностью — в изд. «Посредник», М. 1917 г.

2 Это письмо А. А. Толстой неизвестно.

3 В письме от 15 июня О. К. Толстая сообщала Т. А. Сухотиной о здоровье А. К. Чертковой, о слабых надеждах на отмену высылки В. Г. Черткова из Тульской губернии и о своих семейных делах.

4 Жена сына М. С. Сухотина от первого брака, Льва Михайловича Сухотина (р. 1879 г.), Елена Петровна, рожд. Базилевская (р. 1879 г.).

5 Вера Петровна Базилевская (1892—1914).

6 Л. А. Толстой в то время лежал бюст отца.

7 [дорого поплатился за то, что не берется]

8 Зачеркнуто: говорить

9 Зачеркнуто: думаю

10 Внучка Толстого Татьяна Михайловна Сухотина (р. 1905 г.)

11 Татьяна Алексеевна Фохт (р. 1902 г.) — внучатная племянница М. С. Сухотина, впоследствии артистка.

13

Закрытое письмо. Датируется на основании почтовых штемпелей: «Благодатное. 20.6.09»; «Ясенки. 21.6.09».

1 Камушки — лесок на расстоянии полутора верст от Кочетов.

2 Кочетки — часть кочетовского парка, в полуверсте от дома.

3 О старике, с которым беседовал Толстой, сведений не имеется.

4 См. предыдущее письмо.

5 См. предыдущее письмо.

6 Варвара Владимировна Матвеева, соседка Сухотиных по имению.

7 В пути из Ясной Поляны в Кочеты Толстой ехал в одном вагоне с мценским предводителем дворянства Матвеевым, с которым говорил об уничтожении частной собственности на землю. См. Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 291.

8 Владимир Николаевич Матвеев был драгоманом в Персии.

9 Любовь Дмитриевна Свербеева (р. 1879 г.), двоюродная племянница М. С. Сухотина.

10 По «Яснополяским запискам» Д. П. Маковидного, фамилия врача, бывшего в Кочетах 18 июня, — Малиновский. О каком Голицыне упоминает Толстой, сказать не можем, так как в окрестностях Кочетов было несколько помещиков Голицыных.

14

Закрытое письмо. Датируется на основании почтовых штемпелей: «Благодатное. 22.6.09»; «Ясенки. 23.6.09».

1 От 18 июня 1909 г.

2 В письме от 18 июня 1909 г. С. А. Толстая писала: «Принялась я за хозяйство и увидела, что очень многое без меня шло очень дурно. Да и просто, когда вернешься домой после отсутствия, — все виднее, и энергичнее за все берешься... (С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому», стр. 773).

3 Дочь Толстого Т. А. Сухотина, ее

дочь Т. М. Сухотина и сверстница Т. М. Сухотиной Татьяна Алексеевна Фохт.

⁴ Об этом разговоре имеется запись в дневнике Н. Н. Гусева «Два года с Л. Н. Толстым», изд. «Посредник», М. 1912, стр. 294.

⁵ Варвара Михайловна Феокритова (р. 1875 г.) в 1908 г., по приглашению С. А. Толстой, приехала в Ясную Поляну перепишницей ее автобиографии «Моя жизнь». В 1908—1910 гг. много переписывала и для Толстого. Была в то время (и позднее) ближайшим другом А. А. Толстой.

15

Датируется на основании почтовых штемпелей: «Благодатное. 24.6.09»; «Ясенки. 25.6.09».

¹ В письме к Т. А. Сухотиной от 22 июня С. А. Толстая писала о своем времяпровождении и о семейных делах.

² От 18 июня 1909 г.

³ В письме к С. А. Толстой от 18 июня В. Г. Чертков сообщал ей, по ее просьбе, сведения о том, когда была написана Толстым повесть «Дьявол».

⁴ Рассказ «Дьявол» был написан Толстым в 1889 г. Появился впервые в I томе «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого» в 1911 г.

⁵ То-есть в сборнике, посвященный исполнявшемуся в 1909 г. 50-летию Литературного фонда, как обычно называлось Общество пособия нуждающимся литераторам и ученым.

⁶ Рассказ «Дьявол» сборнику, посвященному 50-летию Литературного фонда, предоставлен не был.

⁷ Михаил Михайлович Сухотин (1884—1921) кончил училище правоведения, был офицером; затем, выйдя в отставку, служил в гражданской службе. Участвовал в европейской войне 1914—1918 гг. При советской власти служил в Красной армии.

⁸ Толстой в то время кончал статью «Единая заповедь».

⁹ Наталья Леонидовна Абрикосова, рожд. Оболенская (р. 1881 г.) — жена Х. Н. Абрикосова, дочь племянницы Толстого Е. В. Оболенской.

¹⁰ В письме от 22 июня С. А. Толстая писала: «Сегодня вспомнила Танюшку, что «уж и тоже жить хотят», и при этом вспомнила и Эмерсона, который говорит, что бог посылает на землю детей, чтобы напоминать людям о любви. И только дети и умеют любить по-настоящему». (Не опубликовано.)

16

Датируется датой письма Т. А. Сухотиной, к которому письмо Толстого является припиской.

¹ В письме от 24 июня С. А. Толстая писала о неприятностях по хозяйству, о приезде сына Андрея, просившего для уплаты долгов 8000 рублей, о приходе бабы с больным ребенком, об отказе В. Г. Черткову в разрешении вернуться в Тульскую губернию и заканчивала письмо словами: «Ты уехал, живешь, наслаждаешься; а я давно забыла, что такое радость жизни, все от чего-нибудь сердце болит, и все давит мои навьюченные жизнью плечи» (С. А. Толстая, «Письма к Л. Н. Толстому», стр. 778).

² Так как В. Г. Чертков был запрещен въезд в Тульскую губернию, а именно Кочеты находилось на границе Орловской и Тульской губерний, то Чертков для свиданья с Толстым приехал в одну из деревень Орловской губернии, расположенную в трех-четыре верстах от Кочетов.

17

Открытое письмо. Датируется на основании почтовых штемпелей: «Благодатное. 28.6.1909 г.»; «Ясенки. 29.6.1909 г.»

¹ См. предыдущее письмо.

² «Радостное», как записал Толстой в Дневнике, свидание с Чертковым произошло 30 июня в деревне Суворове, в трех с половиною верстах от Кочетов. Второе свидание было 1 июля.

³ В письме от 25 июня С. А. Толстая писала, что Л. А. Толстой в этот день сломала начатый им бюст отца и решила в тот же день уехать в Швецию, где жили родители его жены.

18

Закрытое письмо. Датируется на основании записи Дневника Толстого от 3 мая 1910 г.: «Написал... Соне», 2 мая 1910 г. Толстой в сопровождении секретаря В. Ф. Булгакова и врача Д. П. Маковицкого выехал к своей дочери Т. А. Сухотиной в имение ее мужа Кочеты. Настоящее письмо написано на второй день по приезде в Кочеты.

¹ Дочь и внучка.

² М. С. Сухотин.

³ С. А. Толстая 1 мая вернулась из Москвы, куда уехала 27 апреля.

⁴ Екатерина Васильевна Толстая, рожд. Горянинова (р. 1876 г.).

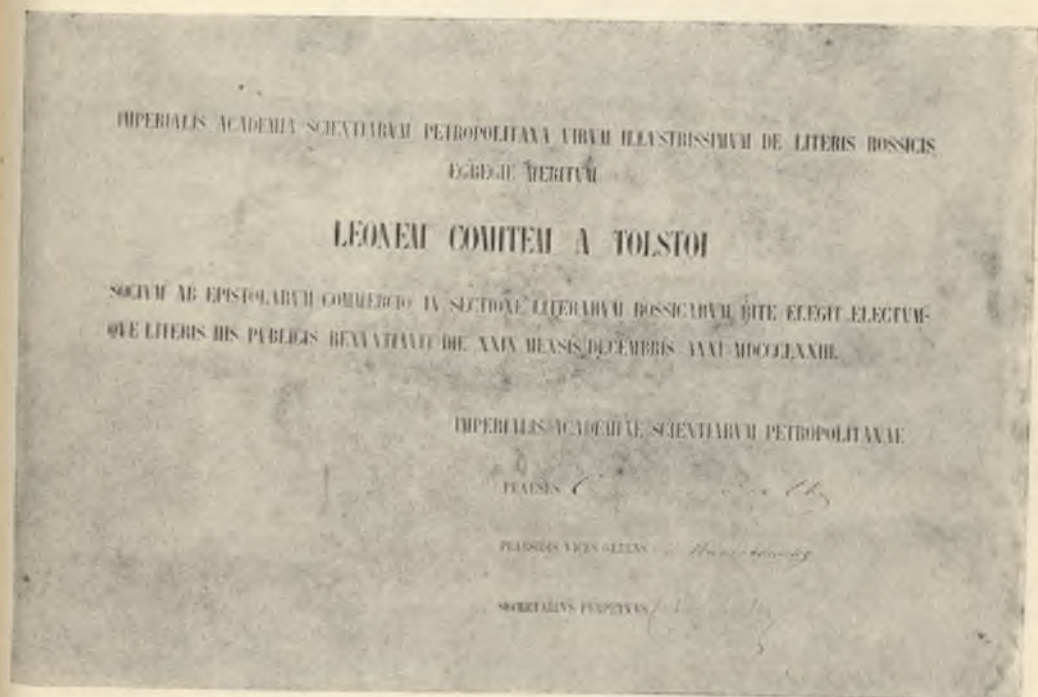
Грамота И. А. Толстого 1792 г.

Подорожная Л. Н. Толстого 1854 г.

Грамота Л. Н. Толстого 1854 г.

Диплом Л. Н. Толстого на звание члена-корреспондента Академии наук 1873 г.

ГРАМОТЫ и ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ,

относящиеся к Л. Н. Толстому, его деду — И. А. Толстому и отцу — Н. И. Толстому

1

Божиею милостию мы, Екатерина вторая, императрица и самодержица всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Графа Илью Толстого, который нам Лейб-Гвардии в Преображенском полку Капитан-Порутчиком служил, для оказанной ево к службе нашей ревности и прилежности в тот же полк в Капитаны, сего тысяща семь сот девяносто второго года Генваря в первый день всемилостивейше пожаловали и учредили; повелевая всем нашим помянутого графа Толстого за нашего Гвардии Капитана надлежащим образом признавать и почитать: напротив чего и мы надеемся, что он в сем ему всемилостивейше пожалованном от нас чине, так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит. Во свидетельство того мы сие собственною нашею рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге, лета 1792, Июня в шестый день.

Екатерина

Пример Майор
(М. П.) (подпись)

2

Формулярный список о службе Н. И. Толстого см. на стр. 48.

3

По Указу его величества государя императора Александра Павловича самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Предъявитель сего подполковник граф Николай Ильич сын Толстой

3-й, который как значит из формулярного его списка: двадцати восьми лет имеет орден св. Владимира 4-й степени с бантом, из дворян, крестьян не имеет; в службу его императорского величества вступил из Губернских секретарей корнетом 812-го Июня 11-го, в 3-й украинской Казачий регулярный полк, из коего переведен в Иркутской Гусарской полк 812-го Августа 18-го; произведен за отличие порутчиком 813-го Апреля 27-го. В том же полку, Штабс Ротмистром 813-го Октября 7-го, переведен за отличие же в Кавалергардской полк тем же чином 814-го Августа 8-го, из оного переведен в Гусарской принца Оранского полк маиором 817-го Декабря 11-го, уволен по болезни в отставку с награждением Подполковника 819-го Марта 14-го; — в Московское военно-сиротское отделение Смотрительским Помощником 821-го Декабря 15-го; в походах был 1813-го года Апреля со 2-го в княжестве Варшавском, Селезии и Саксонии, оттуда при отступлении Армии до города Люцына; с 21-го Апреля в Ариергардных делах 26-го и 27-го числ при удержании неприятеля под Городом Дрезденом и при переправе через реку Эльбу за оказанное в сих делах отличие награжден чином Порутчика; Мая 8-го и 9-го числ в генеральном сражении при Городе Бауцыне и приступлении к крепости Швейднеец в сражении же и перестрелках находился; по окончании перемирия был при преследовании до Города Теплиц, Августа 14-го при сильной рекогносцировке и города Дрездена, оттоль до крепости Кенигштейна и при блокаде оной, за ока-

Формулярный список о службе и достоинствах кавалерийского полка штабс-ротмистра графа Толстого.

Сентября 22-го дня 1816-го года

Чин, Имя, Отчество и прозвание	Сколько лет	На какого состоит	Имя в которых губерниях и уездных и в которых княжествах и княжеских полах и в крестьян	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда			В течении службы в которых имяно полках и батальонах по переводам и произвожденным находилась		
				Годы	М-цы	Чины	Годы	М-цы	Имя
Штабс-ротмистр Граф Николай Ильич Толстой	22			Губернским регистратором	апреля 800	2	800	Полки и Батальоны	Имя
Кавалер св. равноапостольного князя Владимира 4-й степени с бантом				Колегским регистратором	августа 810	7	в Кремлевской Экспедиции.		Июня 11
				Губернским секретарем	марта 811	10			
				Перемещенный корнетом	июня 812	11	в 3-й Украинской казачьей регулярной полк. Из оного переведен тем же чином в Иркутской гусарский полк.	812	августа 18
				Поручиком	апреля 813	27			
				Штабе ротмистром	октября 813	7	Из оного полка переведен за отличие в кавалергардский полк тем же чином.	814	августа 21
				Манором	декабря 817	11			
								По высочайшему приказу переведен в гусарской прииска Оранского полка майором	декабря 11

Подлинной подписал генерал лейтенант князь

С подлинным серно. За полкового адъютанта

званное в сих делах отличие награжден орденом св. Владимира 4 степени с бантом; Октября 2-го, 4-го, 6-го и 7-го числ в генеральном сражении под Городом Лейпцигом, за отличие в оном награжден чином Штабс-Ротмистра, оттоль в преследовании неприятеля до города Ефурта и при блокаде оного до 17-го числа Октября, от оного в походе до Города Геттингена, оттуда отправлен был Генералом от кавалерии графом Витгенштейном курьером с нужными депешами к военному Министру в Город Санкт-Петербург и возвращаясь обратно к армии захвачен был неприятелем при местечке Сент-Оби в плен, из коего по взятии города Парижа освобожден.—По-Российски, по-французски, по-немецки читать, писать умеет, Математику, Географию знает, в штрафах не бывал; находился в отпуску 1817-го Ноября с 30-го на четыре м-ца и на срок явился; женат на Марье Николаевне урожденной княжны Волконской; состоял в Комплекте при отделении Смотрительским Помощником налицо, к повышению чина аттестовался достойным, а прошлого Тысяча восемь сот двадцать четвертого года в 8-й день Января за № 1-м по приказу по отделениям военных кантонистов от должности Смотрительского Помощника по прошению по домашним обстоятельствам уволен; в свидетельстве чего сей за подписанием моим и с приложением казенной комендантской печати дан в Москве Января двадцать девятого дня тысяча восемьсот двадцать пятого года.

Его императорского величества все-милостивейшего государя моего от Армии Генерал Манор Московский Комендант и Кавалер (подпись)
(М. П.)

Московский плац-адъютант Моисеев.

4

По приказанию г. Начальника Артиллерии Чеченского Отряда арестовывается командующий батареейным взводом фейерверкер 4-го класса граф Толстой. Почему покорно прошу ваше благородие отправить фейерверкера графа Толстого, с дежурным по дивизиону, в 5 батальон князя Чернышева полка, где по распоряжению

начальства он и должен содержаться под арестом впредь до приказаания.

Командующий 6-ю орудиями штабс-Капитан Олифер.

7 марта 1835 г.

Командующему дивизионом батареейной № 4 батареи 20 артиллерийской бригады Господину Поручику и Кавалеру Агалину.

5

Божиею милостию мы, Николай первый, император и самодержец все-российский, и прочая, и прочая, и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы графа Льва Толстого, который нам фейерверкером служил, за оказанную его в службе нашей ревность и прилежность, в наши Артиллерии Прапорщики тысяща восемьсот пятьдесят четвертого года Января девятого дня со старшинством тысяща восемьсот пятьдесят третьего года Февраля с седьмого-надесять дня всемилостивейше пожаловали и учредили; яко же мы сим жалует и учреждаем, повелевая всем нашим поданным оного Графа Льва Толстого за нашего Артиллерии Прапорщика надлежащим образом признавать и почитать; и мы надеемся, что он в сем ему от нас всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельстве чего мы сие Инспекторскому Департаменту Военного Министерства подписать и Государственною нашею печатью укрепить повелели. Дан в Санктпетербурге, лета 1854 января 25 дня.

Дежурный генерал Главного Штаба его императорского величества,

Генерал-Адъютант Катенин.

Исправляющий должность Вице-Директора,

Флигель-Адъютант полковник

Анненков.

(М. П.)

В Инспекторском Департаменте Военного Министерства записан под № 26.

При запечатании в Министерстве Иностранных Дел—под № 863.

Батарейной № 3 батареи Господину Прапорщику Графу Толстому.

Уволив ваше сиятельство в Г. Букарест на три дня, и не имея права увольнять без разрешения Командира Бригады тем более, что в настоящее время служба трудна и Офицеры должны быть при своих местах, я делаю Вам строгий выговор за самовольное пробывание в Букаресте сверх определенного срока, предписываю с получения сего немедленно прибыть к батарее.

Командир Батарей
Полковник Шейдемани.

№ 648.

7 апреля 1854 г.

С. Ольтеница.

7

По указу его величества государя императора Николая Павловича, самодержца всероссийского и прочая, и прочая.

От г. Букареста до разных мест Российской империи и обратно командированному с весьма нужными бумагами, состоящему по особым поручениям при Начальнике Артиллерии войск 3, 4 и 5 пехотных Корпусов Прапорщику Графу Толстому из курьерских давать по три лошади с проводником, за указные прогоны, без задержания. Дана в Букаресте Апреля 25 1854 года.

За болезнью исправляющего должность Новороссийского и Бессарабского Генерал-губернатора, Генерал-Лейтенант (подпись).

Одесский Военный Губернатор, Генерал-Лейтенант (подпись). (М. П.)

№ 585. По сей подорожии Прапорщик Граф Толстой с рядовым Петром Гайдуком чрез пост Леовского Частного Карантина из-за границы в Россию пропущен 28 Апреля 1854 года. Управляющий карантинном (подпись).

№ 409. По сей подорожии Г-и Прапорщик Граф Толстой чрез пост Леовской Таможенной Заставы из-за границы в Россию с рядовым Петром Гайдуком — Апреля 28 дня 1854 года. Управляющий Сенковский.

№ 378. Бланком В Штаб 3, 4 и 5 пехотных корпусов, по отзыву № 4264.

№ 319. По сей подорожии Г-и Прапорщик Граф Толстой чрез пост Леовской Таможенной Заставы обратно за границу в Молдавию пропущен 30 Апреля 1854 года. Управляющий Сенковский.

№ 589. По сем прапорщик Г. Граф Толстой чрез пост Леовского карантин в Леово пропущен 30 Апреля 1854 года. Управляющий карантинном (подпись).

№ 413. По сей подорожии Прапорщик Граф Толстой чрез пост Леовской Таможенной Заставы из Молдавии в Россию пропущен Апреля 30 дня 1854 года. Помощник Управляющего Яновский.

№ 704. По сей подорожии Г. Прапорщик Граф Толстой через пост Ренинской Таможенной Заставы за границу пропущен 1 мая 1854 года. Управляющий (подпись).

№ 1110. По сему прапорщик граф Толстой пропущен чрез Ренийский карантин за границу 1 мая 1854 года. Комиссар Радзишевский.

8

Божиею милостию мы, Александр второй, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Известно и ведомо да будет каждому, что мы Графа Льва Толстого, который нам Артиллерии Подпоручиком служил, за оказанную его в службе нашей ревность и прилежность, в наши Поручики тысяща восемь-сот пятьдесят шестого года Марта двадцать шестого дня всемилоостивейше пожаловали и учредили; яко же мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим подданным оного Графа Льва Толстого за нашего Артиллерии Поручика надлежащим образом признавать и почитать; и мы надеемся, что он в сем ему от нас всемилоостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму офицеру надлежит. Во свидетельство чего мы сие Инспекторскому Департаменту Военного Министерства подписать и Государственной нашей печатию укрепить повелели. Дан в

Санктпетербурге, лета 1857 Февраля 6 дня.

Исправляющий должность Дежурного Генерала Главного Штаба его императорского величества, свиты его величества Генерал-Мажор (подпись).

Исправляющий должность Вице-Директора, Полковник (подпись).

(М. П.)

В Инспекторском Департаменте Военного Министерства записан под № 338.

При запечатании в Министерстве Иностранных Дел под № 3958.

9

По указу его величества государя императора Александра Николаевича, самодержца всероссийского и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляется чрез сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего, Поручик 12-ой Артиллерийской бригады Граф Лев

Николаевич Толстой, отправляется за границу к Мариенбадским минеральным водам для излечения болезни. —

Того ради все высокие Области приглашаются по состоянию чина и достоинства, кому сие предявится, нашим же Воинским и Гражданским Управителям поставляется в обязанность Графа Толстого как ныне из России едущего так и потом в Россию возвращающегося не токмо свободно и без задержания везде пропускать, но и всякое благоволение и вспоможение оказывать. Во свидетельство того и свободного проезда дан сей паспорт, от С. Петербургского Военного Генерал-Губернатора с приложением его императорского величества печати. В С. Петербурге — Января 9 дня 1857 года.

(М. П.)

С. Петербургский Генерал-губернатор Игнатъев.

10

IMPERIALIS ACADEMIA SCIENTIARUM PETROPOLITANA VIRUM
ILLUSTRISSIMUM DE LITERIS ROSSICIS
EGREGIE MERITUM

LEONEM COMITEM A TOLSTOI
SOCIUM AB EPISTOLARUM COMMERCIO IN SECTIONE LITERARUM ROSSICARUM
RITE ELEGIT ELECTUMQUE LITERIS HIS PUBLICIS RENUNTIAVIT DIE XXIX MENSIS
DECEMBRIS ANNI MDCCCLXXXIII.

IMPERIALIS ACADEMIAE SCIENTIARUM PETROPOLITANAE
PRAESES Comes Fr. Lutke
PRAESIDIS VICES GERENS V. Buniakowsky.
SECRETARIUS PERPETUUS C. Vesselovski.

(М. П.)
№ 779.

Примечания

1. Грамота, выданная графу Льву Толстому от 6 июня 1792 г., за подлинной подписью Екатерины, о пожаловании его в капитаны лейб-гвардии Преображенского полка. Печатается впервые. Илья Андреевич Толстой (1757—1820) — бригадир и тайный советник, был казанским губернатором; дед Л. Н. Толстого.

2. «Формулярный список о службе и достоинстве Кавалергардского полка штабс-ротмистра Толстова», от 22 сентября 1816 г., на одном листе, без конца. Полностью печатается впервые. Николай Ильич Толстой (1794—1837) служил в ка-

зачьем регулярном, Иркутском гусарском и в гусарском призе Оранского полках; участник многих сражений. В 1814 г. после Люценского сражения был отправлен курьером из Германии в Петербург и на обратном пути при местечке Сент-Оби был взят в плен французами. Вышел в отставку в 1819 г. и поселился в имении своей жены Марии Николаевны, урожденной княжны Волконской, Ясной Поляне; отец Л. Н. Толстого.

3. Документ о службе Николая Ильича Толстого, выданный 29 января 1825 г. Печатается впервые.

4. Приказ начальника артиллерии Чесменского отряда от 7 марта 1853 г. командирующему дивизионом батареей № 4 батареи 20 артиллерийской бригады поручику Агалину об аресте «фейерверкера 4-го класса графа Толстого» за неявку на караул.

Впервые был опубликован в Юбилейном издании сочинений Л. Н. Толстого, т. 59, примечание к № 79. Л. Н. Толстой был принят на службу фейерверкером 13 февраля 1852 г. По поводу ареста Толстого в дневнике его под 10 марта 1853 г. записано: «Креста не получила, а на пикете сидел по милости Олифера» (командир штаба-капитан. — И. Ф.), см. Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, т. 46, стр. 158.

5. Грамота, от имени Николая I от 17 февраля 1854 г., за подписью дежурного генерала штаба, ген.-адъютанта Катенина, о производстве Л. Н. Толстого из фейерверкеров в прапорщики артиллерии. Печатается впервые.

6. Выговор командиру батареи от 7 апреля 1854 г. «батареей № 3 батареи г. прапорщику графу Толстому» «за самовольное пробытие в Бухаресте сверх определенного срока». Печатается впервые.

7. Подорожная от 25 апреля 1854 г., выданная в Бухаресте «командированному с весьма нужными бумагами» прапорщику графу Толстому. Печатается впервые. В «Летописи жизни и творчества Л. Н. Толстого» Н. Н. Гусева (стр. 43) имеется лишь общее указание: «неделя в разъездах по Молдавии, Валахии и Бессарабии» — «1854 г. апрель, конец — май до 24 (?)», подорожная же позволяет уточнить время и местности, которые посетил Л. Н. Толстой, благодаря отметкам различных постов карантина, где он получал пропуск, на обратной стороне документа. По поводу жизни в Бухаресте и своей командировки Л. Н. Толстой писал Т. А. Ергольской 24 мая 1854 г.: «...Мне известно, что вы думаете, что я подвергался всем опасностям войны, а я еще и не нюхал турецкого пороха, а преспокойно живу в Бухаресте, прогуливаюсь, занимаюсь музыкой и ем мороженое. Кроме двух недель, которые я провел в Ольteniце, прикомандированный к батарее, и одной недели, проведенной в проездах по Молдавии, Валахии и Бессарабии по приказу генерала Сержпутовского (начальник артиллерии Дунайской армии. — И. Ф.), я состою

при нем по особым поручениям, и жил в Бухаресте: откровенно сознаюсь, что этот несколько рассеянный образ жизни, совершенно праздный и дорого стоящий, мне страшно не по душе. Сначала меня задерживала служба, теперь же я пробыла в нем около 3 недель из-за лихорадки, которую я захватил во время своих поездок»... (Полное собрание сочинений Л. Н. Толстого, т. 59, № 86).

8. Грамота, от 6 февраля 1857 г., о производстве Л. Н. Толстого 26 марта 1856 г. из подпоручиков в поручики за участие в деле 4 августа у Черной реки. Печатается впервые.

9. Заграничный паспорт, выданный 9 января 1857 г. за подписью С.-Петербургского ген.-губернатора Игнатьева поручику 12-й артиллерийской бригады графу Льву Николаевичу Толстому на Мариенбадские минеральные воды для излечения. Печатается впервые. Текст на первом листе — русский, на втором — немецкий. На оборотной стороне первого листа отметки, когда получен паспорт, когда являлся в Варшаву, в таможенные и даты дальнейшего визиирования паспорта различными консульствами на Францию и Мариенбад; на оборотной стороне второго листа — тоже даты визиирования; кроме того, имеются отметки прописки Л. Н. Толстого по этому же паспорту в Петербурге 24 октября 1857 г., в Москве 2 ноября 1857 г. и в Петербурге 14 марта 1858 г. Строки, набранные курсивом в тексте, вписаны чернилами; весь остальной текст — печатный.

10. Диплом Петербургской Академии Наук от 29 декабря 1873 г. на имя графа Льва Толстого об избрании его членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности, на латинском языке. Печатается впервые. Перевод: «Императорская Петербургская Академия Наук закономерно избрала славнейшего и весьма заслуженного в российской литературе графа Льва Толстого членом-корреспондентом Отделения русского языка и словесности и об избрании известила этим актом 29 декабря 1873 года.

Президент Императорской Петербургской Академии Наук Ф. Литке.

Вице-Президент В. Буяковский.
Непременный секретарь К. Веселовский».

И. Федоров

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ РУКОПИСЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО

Рукописный отдел Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в 1938 г. приобрел ряд новых автографов Л. Н. Толстого. Выше мы опубликовали: отрывок «Вечерние повести», письма к М. Н. Толстой 1855—1857 гг. и письма к С. А. Толстой от 4 апреля и 16 июля 1907 г. Даем краткий обзор прочих поступлений Рукописного отдела по Толстому за последнее время.

1. Черновой отрывок, относящийся к первой главе восьмой части «Анны Карениной». 1 л. в четвертку, заполненный с одной стороны рукою Толстого. В отрывке изложено отрицательное отношение автора к увлечению известной части русского общества того времени славянским вопросом и движением в пользу Сербии. Имеются отличия по сравнению с соответствующим печатным текстом.

На обороте рукою Толстого написан черновой текст телеграммы:

Москва, Редакция Русского Вестника.
«Прошу <немедленно> обратно выслать оригинал внялога. С Русским Вестником впредь дела иметь <не желаю и> никогда никакого не буду.

Толстой».

Телеграмма вызвана отказом Каткова печатать без изменений последнюю часть («Эпизод») «Анны Карениной» и относится к концу мая 1877 г. Текст ее до сих пор оставался неизвестным.

2. 13 листов черновых рукописей трактата «Так что же нам делать?», из которых 3 л. — автографы Толстого и 10 л. — копии с его поправками. Рукопись содержит разрозненные части глав VI, VII, VIII, XX, XXI и XXIX окончательной редакции произведения, заключающие некоторые интересные места, вычеркнутые автором здесь же или в одной из следую-

щих редакций и не вошедшие в окончательный текст. Так, в описании своего посещения в 1882 г. во время московской переписи одного из домов в Проточном переулке, представлявшего собой, по словам Толстого, «притон самой страшной нищеты и разврата», автором вычеркнуто следующее место:

«Мне было, например, гораздо приятнее здесь, чем быть в гостиниой благотворительной дамы».

Далее вычеркнуто:

«Там, где были женщины прачки, стиравшие в корытах, там около них всегда были любезники точно так же, как в гостиниой, и точно так же шутили и смеялись — грубее, чем в гостиниой, но гораздо веселее и добродушнее».

Слово «проститутка» заменяется автором словами: «женщина, жившая распутством» — очевидно, по свойственному Толстому стремлению избегать иностранных слов.

Далее в черновой рукописи имеется следующее место, интересное в бытовом отношении:

«Я спросил женщину в блузе, кто она. Она московская. — Чем занимаетесь? — Она как будто не поняла вопроса и засмеялась. — Я ничем не занимаюсь. — Но что же вы делаете? — В трактире сижу. — Пока мы говорили, хозяин квартиры, молодой мещанин, с студентом подошел к нам. Студент, самаша мой вопрос, как бы отвечая за женщину, сказал: — Подешной работой? — И дневной и ночной, — отозвался из-за перегородки той каморки, в которой мы еще не были, женский голос и смех нескольких женщин».

В окончательной редакции весь текст — со слов: «Пока мы говорили», кончая: «смех нескольких женщин» — заменен короткой фразой: «Из четвертой каморки, в которой мы еще не были, тоже засмеялись женские голоса». Несомненно, что данное

изменение текста вызвано было со стороны Толстого характерным для всей его литературной деятельности стремлением избегать всяких нескромных подробностей и ставить себе в этих случаях определенную черту, за которую он не позволял себе переступить.

В тексте главы XX (по окончательной редакции — XXI), говорящей о причинах бедственного положения трудящихся, имеется большой кусок, не вошедший в печатный текст.

3. 8 листов автографов произведений, написанных для яснополянского «почтового ящика».

В летние месяцы 1882—1885 гг. в Ясной Поляне процветал особый вид развлечения, носивший название «почтовый ящик». Он состоял в следующем. В передней яснополянского дома был повешен большой почтовый ящик, запертый на ключ, куда обитатели дома и их гости опускали написанные ими всякого рода заметки, стихи, вопросы и т. п. Раз в неделю, по воскресеньям, вечером ящик отпирался, все собиравшееся в ящик, и содержимое ящика прочитывалось вслух Толстым, или его женой, или ее сестрой Т. А. Кузминской. Толстой пользовался «почтовым ящиком» для того, чтобы в шуточной форме, не задая самолюбия, высказывать своим семейным и гостям такие суждения о них, которые, по его мнению, могли быть для них полезны.

Из описываемых нами материалов отрывки, озаглавленные «Кто чем хочет казаться и что он в душе и что для других людей» и «Когда кто бывает мил?», а также отрывок, начинающийся словами: «Вот что: живем мы...», повидному, остались в черновом виде и в «почтовый ящик» не были опущены. В печати они не появлялись.

Написанные для «почтового ящика» заметки, начинающиеся словами: 1) «Почему Устюша, Маша...» 2) «Дьявол — не главный дьявол...», 3) «Старый хрен продолжает спрашивать...» уже были опубликованы по копиям в «Мои воспоминаниях» И. А. Толстого, а затем в 25 томе академического издания сочинений Толстого, причем в печатном тексте двух первых заметок имеются пропуски отдельных слов, не имеющие существенного значения; в последней же заметке, кроме излишнего изобилия точек и абзацев, в печатавшемся до сих пор тексте находим ряд неточностей и пропусков, нарушающих смысл. Так, абзац, начинающийся в печатном тексте словами: «И почему все эти прекрасные правила

считаются обязательными к другим, тогда как всякий день приходят люди, и мы не только не велики» и т. д., — в оригинале читается так: «И почему эти столь прекрасные правила считаются обязательными только по отношению к некоторым людям и необязательными к другим, так как каждый день к нам приходят люди, которых мы не только не велики» и т. д.

В заметках, шуточно озаглавленных «Скорбный лист душевнобольных яснополянского госпиталя» (текст их см. в т. 25 «Полного собрания сочинений» Л. Н. Толстого, стр. 514—519), Толстой описывал своих семейных и яснополянских гостей с их главными психическими особенностями, в то же время указывая на те недостатки, избавиться от которых он считал для них желательным. В неопубликованных заметках под № 26 описана старшая дочь Толстого Татьяна Львовна, под № 27 — старшая дочь Кузминских Марья Александровна (р. 1869 г., ум. ок. 1923 г.). Лицо, описанное под № 26 bis, для нас неясно.

Кроме того, имеются написанные рукою Толстого варианты уже опубликованных № 1 и 9 «Скорбного листа», в первом из которых Толстой описывал самого себя, а во втором — Л. Д. Урусова. Характерно для Толстого, что в этом варианте Урусову в виде «лечения» рекомендуется прежде всего «оставление службы» (он был тульским вице-губернатором).

4. Визитная карточка, без фамилии, с следующим текстом, написанным рукою Толстого:

«Жены нет, а я и Ал. Мих. будем очень рады, как всегда, вас видеть с вашим знакомым. Л. Т.»

На обороте написан карандашом также рукою Толстого петербургский адрес «Алекс. Модест.» — несомненно, литератора А. М. Хирьякова, хорошего знакомого Лескова и В. Г. Черткова, бывшего в переписке с Толстым и лично его знавшего с 1893 г. Однако текст визитной карточки не может относиться к нему, а относится к какому-то более близкому знакомому Толстым. Упоминаемый в записке «Ал. Мих.» — несомненно, свояк Толстого А. М. Кузминский. На обратной стороне записки рукою Толстого сбоку чернилами перечислены фамилии лиц, которым ему предстояло писать письма: «1) Леонтьеву, 2) Гроту, 3) Shroeder». Судя по перечню, записка относится к 1893 г., так как письмо Толстого к французскому писателю Феликсу Шредеру, автору книги «Le tolstoïsme», было написано в августе 1893 г.

На той же стороне карточки, где написан текст записки, поперек этого текста рукою Толстого карандашом написаны следующие наброски мыслей, отделенные друг от друга чертой:

«Только непонимающие искусство проводят славу quasi-художникам подражателям: Шекспир, Вагнер, Рафаэль, в которых не видать главного: души творца.

Письма американцев.

Медицина — 1/1000 из причин (?) извести, и против не действ[у]ет?».

5. Черновые рукописи, относящиеся к составленному Толстым сборнику мыслей мудрецов, под названием «На каждый день». 2 листа в восьмую долю, содержащие изложение содержания всего сборника в виде двадцати одного пункта (на первом листе рукою С. А. Толстой проставлена дата: «Август 23. 1907»), и 1 лист в четвертку, содержащий написанные рукою Толстого мысли о богатстве.

6. «Правила для педагогических курсов, учреждаемых графом Л. Н. Толстым в сельце Ясная Поляна, Крапивненского уезда, Тульской губернии, для приготовления народных учителей».

В половине 1870-х годов Толстой был очень увлечен мыслью об открытии в Ясной Поляне учительской семинарии, в которой получали бы дальнейшее образование наиболее способные крестьянские дети, желавшие стать учителями народных школ. Эти учителя, вышедшие из среды самого народа, по мнению Толстого, были бы более близки народу, так как хорошо знали его жизнь. В 1876 г. Толстой подал министру народного просвещения прошение о разрешении открытия в Ясной Поляне постоянных педагогических курсов в виде частного учебного заведения. Он отводил для курсов весь верх принадлежавшего ему каменного флигеля. Разрешение было дано, открытие курсов было предположено на сентябрь 1877 г., но проект Толстого осуществления не получал, так как большинство учащих советов и уездных земских управ Тульской губернии не отозвалось на сделанное им предложение о присылке учащихся. (Подробнее см. в книге Н. Н. Гусева «Толстой в расцвете художественного гения», М. 1927, стр. 196—198.)

Мы имеем одну из ранних редакций проекта, переписанную писарской рукою на 5 листах in folio и отличающуюся от окончательной главным образом тем, что в ней указано, что курсы «содержатся на иждивении гр. Л. Н. Толстого», тогда как по окончательному проекту предполагалась

плата за слушание курсов по 5 рублей в месяц в течение 6 зимних месяцев, причем в этих расходах должны были принять участие и земства Тульской губернии.

Характерный для Толстого-педагога пункт находим в § 20 проекта, где сказано, что на приемных экзаменах учеников «обрабатывается преимущественное внимание не на механическую бойкость ответов, но на понимание и способность соображения».

7. «Согласие против пьянства». 1 лист in folio, содержащий текст, составленный Толстым и переписанный рукою Т. А. Толстой, с подписями под ним 14 лиц.

В 1887 г. Толстой основал общество трезвости, которое он назвал «Согласие против пьянства». Весь устав этого своеобразного общества был формулирован в нескольких строках, содержавших обещание его членов не пить ничего хмельного, не угощать других алкогольными напитками и внушать всем, особенно детям и молодежи, вред пьянства. Окончательный текст этого обещания написан в переплетенной тетради, хранящейся в Рукописном отделении Толстовского музея; под текстом имеется 728 подписей, собранных за несколько лет, в числе которых первая подпись — самого Толстого.

Текст обещания вместе со всеми подписями был напечатан в «Известиях Общества Толстовского музея» 1911, № 3—5, стр. 6—20. В данном случае мы имеем предварительный текст, отличающийся от окончательного лишь некоторыми отдельными выражениями. Все 14 подписей, имеющиеся под текстом (самого Толстого, его дочерей, племянниц, единомышленников и знакомых), повторены и под окончательным текстом «Согласия против пьянства».

8. Неотправленное письмо Толстого в редакцию «Нового Времени» и черновые тексты двух писем С. А. Толстой в редакцию той же газеты, с конвертом, написанным ее же рукою.

Последняя, восьмая часть «Анны Карениной» не появилась в «Русском Вестнике» Каткова вследствие его несогласия с тем отрицательным отношением к движению русских добровольцев на сербский фронт, которое было высказано Толстым в этой части романа. Катков предлагал Толстому смягчить некоторые места; Толстой не согласился и потребовал окончания романа обратно.

В майской книжке «Русского вестника» 1877 г. появилась очень краткая заметка «от редакции», в которой были скрыты действительные причины появления в

журнале окончания романа и было сказано, что «со смертью героини, собственно, роман кончился». Далее следовало в нескольких строках изложение всей непечатанной части.

Эта заметка возмутила Толстого. Гостивший в то время в Ясной Поляне его друг Н. Н. Страхов написал по поводу нее ядовитое письмо в редакцию «Нового времени». Толстой это письмо исправил, исправленное письмо было переписано его женой и им подписано, но затем Толстой раздумал его печатать. Софья Андреевна, с своей стороны, написала письмо в редакцию «Нового времени» вместе с сопроводительным письмом редактору этой газеты.

Об этом эпизоде Т. А. Кузминская писала своему мужу А. М. Кузминскому из Ясной Поляны 11 июня 1877 г. (письмо не опубликовано, хранится в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея): «Я писала тебе, что Левочка отвечал в газете, а представь себе, он позанился три дня, не отсылая ответа, а потом решил, что смиренномудрое — главное, и разорвал, а Соля, не будь глупа, написала от себя объяснение, почему не печатается в «Русском вестнике», и очень обстоятельно заметила им о бестактности и бесчестности рассказать сюжет прежде времени, подписавшись: «одна из читательниц» и отправила в одну из петербургских газет. Мы все одобряли, и Левочка остался доволен».

Письмо С. А. Толстой было напечатано в № 462 «Нового времени» от 14 июня 1877 г. Текст его почти буквально совпадает с черновиком. Дата — 11 июня; подпись — Г. С. *** (графиня София ***).

Вместе с письмом для напечатания в газете С. А. Толстой было написано следующее письмо лично редактору «Нового времени» (письмо это в печати не появлялось):

«Милостивый Государь,

Возмущенная несправдливостью заметки, напечатанной в «Русском вестнике», о причинах появления «Анны Карениной», я не могу удержаться от желания восстановить истину, и хотя и против желания моего мужа, который ненавидит всякую полемику, я решаюсь написать опровержение и просить вас дать место моему письму в вашей газете.

Примите уверение в совершенном уважении.

Графиня С. Толстая»

Что касается упомянутого выше письма в редакцию, подписанного Толстым, то, вопреки сообщению Т. А. Кузминской, текст

этого письма не был разорван Толстым, а сохранился в бумагах С. А. Толстой, недавно приобретенных Всесоюзной библиотекой имени В. И. Ленина. Текст его почти тождествен с черновым текстом, написанным рукою Н. Н. Страхова и проредактированным Толстым, напечатанным Б. Л. Модзалевским в книге: «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», изд. Общества Толстовского музея, СПб. 1914, стр. 120—121. Письмо переписано рукою С. А. Толстой; рукою Толстого сделана приписка: «Имею честь быть ваш покорный слуга Граф Лев Толстой». Рукою С. А. Толстой проставлено: «Ясная Поляна. Июня 10 дня».

9. «Рассказ старухи. (Бмаь)» Т. А. Кузминской.

Т. А. Кузминская не была лишена дара художественного изложения. Ее небольшие рассказы «Бабья доля» и «Бешеный волк» были исправлены Толстым и появились в печати еще при его жизни. В 1891 г. появился сделанный ею перевод драмы Бьёрнсона «Перчатка». Небольшой «Рассказ старухи», переписанный рукою самой Т. А. Кузминской на 4 листах почтового формата, содержит, повидимому, запись рассказа, действительно слышанного ею от местной крестьянки и представляющего несомненный бытовой интерес.

10. 17 рисунков Толстого к роману Жюль Верна «Путешествие вокруг света в 80 дней». Рисунки делались Толстым для его детей и относятся к середине 1870-х годов. О происхождении этих рисунков И. А. Толстой в своей книге «Мои воспоминания» (изд. 2, стр. 74—75) сообщает:

«В этот же период нашего детства мы увлекались чтением Жюль Верна. Папа привозил эти книги из Москвы, и каждый вечер мы собирались, и он читал нам вслух... Этот последний роман («Путешествие вокруг света в 80 дней») был без иллюстраций. Тогда папа начал нам иллюстрировать его сам. Каждый день он приготавливал к вечеру подходящие рисунки пером, и они были настолько интересны, что нравились нам гораздо больше, чем те иллюстрации, которые были в остальных книгах. Я как сейчас помню один из рисунков, где изображена какая-то буддийская богиня с несколькими головами, украшенными змеями, фантастичная и страшная. Отец совсем не умел рисовать, а все-таки выходило хорошо, и мы все были страшно довольны. Мы с нетерпением ждали вечера, и все кучей лезли к нему через круглый стол, когда, дойдя до места, которое

Mes souliers s'écrasèrent

Рисунки Л. Н. Толстого к роману Ж. Верна «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней»

Me voyez Messieurs, bidart-il

Рисунки Л. Н. Толстого к роману Ж. Верна «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней»

Рисунки Л. Н. Толстого к роману Ж. Верна «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней»

*Si Frix peut Devenement
n'est reçu le coup a
sa place.*

Рисунки Л. Н. Толстого к роману Ж. Верна «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней»

он иллюстрировал, он прерывал чтение и вытаскивал из-под книги свою картинку».

Рисунки сделаны на клочках бумаги, почти все пером, черными чернилами; только два рисунка сделаны карандашом. Большинство рисунков снабжены написанным рукою Толстого крупными буквами французским текстом, иллюстрацией к которому служит данный рисунок, с указанием соответствующих страниц книги. В двух случаях текст выписан рукою С. А. Толстой. Для иллюстрирования выбирались главным образом комические сцены. Большинство фигур дано в профиль. Очень удачным на одном из рисунков фигуры волков — виден зоркий глаз опытного охотника.

Мы имеем и собственное воспоминание Толстого об его рисунках для детей. В дневнике А. Б. Гольденвейзера «Вблизи Толстого» (т. I, стр. 91) под 25 июля 1902 г. записаны следующие слова Толстого: «Для народа надо писать не так сложно и значительно, короче, вот как рисует Софья Андреевна: всё в профиль и всё на одной плоскости; а между тем детям никакие покупные картинки не доставляют такого удовольствия».

Таковы и описываемые рисунки Толстого, шесть из которых воспроизведены в нашем сборнике.

Н. Гусев

КОРРЕСПОНДЕНТЫ А. Н. ТОЛСТОГО

1

После составления каталога и описания рукописей А. Н. Толстого, находящихся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина, Отдел поставил своей задачей приготовить для печати каталог корреспондентов А. Н. Толстого.

В Толстовском собрании Библиотеки им. Ленина имеется около 25 000 писем, охватывающих приблизительно 9 000 русских корреспондентов Толстого. Однако далеко не все это огромное количество писем в равной степени заслуживает внимания. Из общего количества 25 000 писем несомненный интерес имеют приблизительно 6 000. Это письма друзей, единомышленников и последователей Толстого, а также письма писателей, художников, ученых и общественных деятелей. Среди этих лиц основным корреспондентом является Чертков, от которого имеется около 500 писем, от Бирюкова — 250, по 100 и более писем насчитывается от Горбунова-Посадова, Грегубова, Булаиже, Попова и других лиц, близких к Толстому по мировоззрению.

Письма этих лиц представляют значительный интерес, как материал для характеристики эпохи 80—90-х гг. прошлого столетия и первого десятилетия настоящего века.

Критическое отношение к существующему общественно-политическому строю и к официальной церкви, с одной стороны, и мучительные поиски нового мировоззрения и новых принципов социальных отношений, — характерные для этой эпохи и нашедшие свое оригинальное выражение в писаниях Толстого, — с другой, отразились и в письмах близких к нему лиц.

Среди писателей основными корреспондентами Толстого являются Фет, Тургенев, Лесков; менее значительным количеством писем представлены: Гончаров, Некрасов, Полонский, Златовратский, Эртель, и ряд других лиц.

Видными корреспондентами Толстого были художники Ге и Репин.

Среди ученых и общественных деятелей дружескую оживленную переписку с Толстым вели юрист Кони, профессор философии Н. Я. Грот, критик и философ Страхов, искусствовед Стасов.

Видное место среди корреспондентов Толстого занимают издатели и редакторы журналов, в которых Толстой помещал свои произведения. Таковы редакторы «Русской мысли», сначала Юрьев, потом Гольцев, редактор «Русского богатства» Оболенский, издатель «Нивы» Маркс и многие другие.

Письма всех этих лиц к Толстому или всецело находятся в Библиотеке им. Ленина или представлены в ней основной своей массой.

Наконец, самая многочисленная масса писем корреспондентов Толстого может быть названа «просительными» письмами в широком смысле этого слова. В этой категории объединяются совершенно различные люди: с одной стороны, люди, забитые тяжелыми условиями жизни и ищущие нравственной поддержки; люди, желающие уяснить себе вопросы текущей общественной жизни; люди, мучительно переживающие нравственные страдания и ищущие ответа на запросы совести, а с другой стороны, люди, ищущие простой материальной помощи.

Ко всем этим лицам Толстой относился

с должным вниманием; на конверте обычно находится резолюция Толстого: «отв.» или «послать книг». Если же смысл и тон письма не казались ему серьезными и искренними, мы видим надпись: «б. о.» [без ответа].

С 80-х годов прошлого века резко увеличивается количество корреспондентов Толстого, и это количество все более и более растет вплоть до 1908 г. — восьмидесятилетнего юбилея великого писателя.

В письмах крупных корреспондентов, особенно друзей и последователей Толстого, часто можно встретить такие высказывания: «Живите дольше, — вы нужны людям, вы — чуткая совесть человечества, без вас было бы слишком тяжело жить».

В 1938 г. Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина приступил к описанию указанных выше выдающихся корреспондентов Толстого. Каждое письмо будет описано и содержание его аннотировано, что даст возможность исследователю быстро найти интересующий его рукописный материал.

Что касается всей массы остальных корреспондентов Л. Н. Толстого, то письма их, выражая дань благоговения и удивления перед великим писателем, обнаруживают лишь его великую популярность. Для этих корреспондентов Отдел предполагает ограничиться лишь составлением списка их с указанием хронологических дат и количества писем.

Ф. Буслев

2

Собрание иностранной корреспонденции Л. Н. Толстого по своему объему представляет обширный архивный фонд, содержащий около десяти тысяч писем, примерно шести тысяч корреспондентов.

Корреспондентами Толстого являются люди всевозможных национальностей — индусы, японцы, жители Северной и Южной Америки и Европа, разнообразных профессий и возрастов.

Этот обширный и разнообразный материал можно разделить на следующие группы: 1) письма писателей и переводчиков, 2) письма издательствам, 3) письма идейных единомышленников, 4) разных лиц.

К первой группе относятся письма следующих писателей: Ромви Роллан, 6 писем (на конверте письма от 16 апреля 1887 г. рукой С. А. Толстой помечено: «это письмо прелестно»; это первое письмо Р. Роллан писал к Толстому, будучи еще студентом Ecole Normale, в возрасте 21 года); Райнер Мария Рильке, 2 п. 1899 г.;

Б. Ауэрбах, 1 п. 1861 г.; Бьернстjerne-Бьерсон, 1908 г., поздравительная телеграмма к юбилею; Марсель Прёво, 2 п. 1897 г.; Октав Мирбо, 2 п. от 12 сентября 1903 г.; Кармен Сальва, 2 п. 1901—1903 гг.; Герман Бар, 1 п. 1893 г.; Мари Беккер Эдди, 1 п. 1901 г.; Берта Зуттнер, 2 п. 1896—1898 гг.; Даниель Лесюер, 1 п. 1898 г.; Бернштейн, 6 п.; Грация Деледда, 1 п. от 22 апреля 1897 г.; Антонио Фоганцаро, 1 п. 1896 г.; А. Баллу, 3 п. 1890 г.; Поль Сабатье, 3 п. 1893 и 1906 гг.; Ж. Кларети, 1 п. 1898 г.; Болтон Голл, 1 п. 1902, и др. Основной темой этих писем являются вопросы творчества и просьбы дать отзыв о произведениях корреспондента.

Из переводчиков следует указать: Э. Моода, 156 п. 1895—1907 гг.; Изабель Гапгуд, 58 п. 1886—1903 гг.; Шарля Саломона, 37 п. 1894—1906; Гальперин Каминского, 6 п. 1899—1903. Письма Э. Моода касаются не только переводов, их исправлений, разъяснений некоторых особенностей русского языка, а являются также дружеской перепиской. То же можно сказать о письмах Ш. Саломон. Ш. Саломон присылал Толстому газетные вырезки, сообщал литературные новости, присылал книги. В общем же основная тема писем переводчиков — сообщение о ходе работы по переводам и о публикации переводов.

Ко второй группе корреспондентов Толстого относятся издательства и издатели, которые публикуют переводы его произведений или просят разрешить им публикацию, посылают проспекты своих изданий, просят написать заметку на ту или иную злободневную тему. Приводим перечень некоторых издательств:

Art et Critique, Arena, Académie littéraire et artistique, Figaro, Revue bleue, Revue des deux mondes, Courrier de la presse;

Asiatic Quarterly Review, Daily Chronicle express, Daily News, Open Court;

Freie Bühne, Neue freie Presse, Aus fremden Zungen, Ethische Kultur, Esperantist и т. д.

В особую группу — третью — можно выделить идейных единомышленников Л. Н. Толстого. К ним относятся: Эрнест Кросби, 31 п. 1891—1906; Г. Баттерби, 3 п. 1893—1894; Луи Валер, 1 п. 1893 г., 1 п. 1897 г.; Джон Беллоус, 8 п. 1892—1901 гг.; Джон Кенворт, 37 п. 1894—1904 гг.; Эжен Генрих Шиндт, 49 п. 1895—1905 гг.; Ван дер Веер, 11 п.; Ван Дюйль, 34 п. 1895 г.

Темы этих писем — вопросы религии и этики, обсуждение религиозно-философских сочинений Толстого, критика догматического богословия и служителей церкви, осуждение воинской повинности, заботы о духоборах.

К последней — четвертой — группе могут быть отнесены письма разных лиц на разные темы. Среди них преобладают письма протестные, главным образом о моральной поддержке и материальной помощи, об устройстве личных и семейных дел. Например Г. Деблин (Германия, 6 сентября 1891) просит одолжить ей шестьдесят тысяч марок, для устройства личной жизни; Бенгерель (Франция, 1903) просит прислать ему денег на лечение; Бергер (Германия, 1901) посылает проспект с описанием изобретенной им лупы и с просьбой рекламировать его изобретение; М. Агирре (Буэнос-Айрес, 1903) не знает, как воспитывать своего ребенка; Бэр (Англия, 1904) интересуется мнением

Толстого о феминизме; М. Болге (Германия) не знает, какую избрать профессию; аббат Дени (Франция, 1903) советует Толстому глубже ознакомиться с догматами католической церкви; Боннес (Германия, 1901) утверждает, что только протестантизм — истинная религия.

К этой же группе могут быть причислены письма приветственные, поздравительные и письма, заключающие просьбу прислать автограф.

Такова в общих чертах характеристика писем иностранных корреспондентов Л. Н. Толстого. Надо также отметить, что чрезвычайно интересной темой писем являются суждения корреспондентов о произведениях Толстого. Не менее половины писем содержит их краткую оценку.

В настоящее время Отдел рукописей подготавливает к печати каталог иностранных корреспондентов Л. Н. Толстого.

Е. Рунич

ВОКРУГ ТОЛСТОГО

Отдел рукописей Всесоюзной Библиотеки имени В. И. Ленина обладает большим количеством рукописных и иных материалов, которые, не будучи автографами Льва Николаевича Толстого, имеют, однако, несомненное значение для исследователей, изучающих его жизнь и творчество. Оставляя в стороне многотысячное собрание писем, адресованных к Толстому, о которых см. выше, мы дадим обзор документов официального и частного порядка, так или иначе связанных с именем Л. Н. Толстого и именами близких ему лиц: С. А. Толстой, Т. А. и А. Л. Толстых, М. П. Берс, В. Г. Черткова и Т. А. Ергольской.

1

Прежде всего отметим наличие официальных и деловых бумаг Л. Н. Толстого. Выше опубликованы полностью наиболее интересные документы (грамоты, диплом, подорожная, заграничный паспорт); кроме них, имеются билет, выданный Л. Н. Толстому Тульским депутатским собранием от 13 марта 1851 г., а также деловые бумаги, полученные им от Общества любителей российской словесности, от кассы взаимопомощи литераторов и ученых, от Литературно-художественного кружка имени Я. П. Полонского, от Ассоциации молодежи имени Л. Н. Толстого в Нью-Йорке, приглашение на Конгресс

мира в Стокгольме (XVIII Congrès Universel de la Paix Stockholm, 1909 г.), с приложением копии ответа Л. Н. Толстого, считавшего вопрос о мире «вопросом большой важности, уже десятки лет его занимающим» и обещавшего либо быть лично, либо прислать то, что «имеет сказать, надеясь, что члены Конгресса захотят выслушать мое мнение».

Ряд рецептов и писем от врачей, лечивших Л. Н. Толстого в 1901—1902 годы, дают понятие о характере его болезни и способах их лечения.

Из материалов по поводу отлучения Л. Н. Толстого от церкви наибольший интерес представляют: письмо отставного капитана русской армии И. К. Дитерихса к обер-прокурору синода К. П. Победоносцеву с обличением последнего во лжи перед всей Европой, письма о выражении протеста в Петербурге по поводу постановления Синода, анонимные басни «Голуби-победители» и «Лев и ослы» (первая навечата на за границей в «Листках свободного слова» под редакцией В. Г. Черткова), переписанные рукой С. А. Толстой, с карандашными исправлениями и вставками рукой самого Толстого в басне «Лев и ослы».

Среди других документов имеется много приветствий и адресов, особенно по случаю 80-летия Л. Н. Толстого: от Общества деятелей периодической печати и

литературы за подписью Юлия Бунина с выражением «горячей любви и глубокой признательности» за сделанное им для русской литературы и пожеланием, чтобы его «правдивое и авторитетное слово, проникнутое стремлением к высшей правде и благу человечества, мы могли слышать еще многие годы»; от Московского литературно-художественного кружка, за подписью А. И. Сумбатова; от Общества любителей российской словесности, за подписью А. Грузинского; от Совета С. Петербургского университета, за подписью И. Борзмана, от русских врачей-исхристов; от английских, польских и китайских читателей; тут же японский перевод начала 35-й главы первой части «Войны и мира» и др.

Ряд материалов относится к организации помощи голодающим и роли Льва Николаевича в этом деле: приходо-расходные записи, счета и расписки, приходо-расходные книжки с чернильными и карандашными записями рукою Марии Львовны и Татьяны Львовны Толстых, Т. А. Кузминской и других лиц; среди этих материалов встречаются и автографы самого Л. Н. Толстого — тетрадь с черновыми заметками рукою Толстого о пожертвованиях в голодные годы (1891 г.), черновики его писем по тому же вопросу в редакцию газеты «Русские ведомости». В тех же материалах находится в виде надписи на конверте автограф К. А. Тимирязева: «Выручка от продажи брошюры «Основы разумного удобрения» К. Тимирязев. 200 рублей».

Из материалов общественно-политического характера находим значительное количество прокламаций, воззваний, протестов. Среди них имеются: прокламация Исполнительного комитета студенчества по поводу студенческих беспорядков и настроения профессуры в Москве, Варшаве и Петербурге; воззвание «К учащейся молодежи» 1899 г., адресованное на имя Л. Н. Толстого с пометкой «от Немова», прокламация социал-демократической революционной организации «Воля», письмо, напечатанное в Петербургской Вольной типографии, под названием «Казнь Крапоткина 9 февраля 1879 года», в связи с убийством харьковского губернатора Крапоткина; Балмашов С. П., «Последнее слово в заседании военно-полевого суда в СПб.» 26 апреля 1902 г. (рукописная копия); материал к характеристике событий в Петербурге 4 марта 1901 г. и 9 января 1905 г.; письмо литераторов и общественных деятелей с протестом про-

тив избития демонстрантов в Петербурге 4 марта 1901 г., подписанное Анненским, М. Горьким и др. (копия рукою С. А. Толстой). Тут же гектографированное письмо Л. Н. Толстого на грузинском языке к И. П. Накашидзе от 1 февраля 1905 г. по поводу революционного движения в Грузии, написанное под впечатлением посещения его в Ясной Поляне грузинском-революционером Кипиани.

К многочисленным корреспонденциям, полученным на имя Л. Н. Толстого в связи с движением духоборов, примыкают материалы к характеристике духоборов (1898—1899 гг.): значительная переписка духоборов с Л. Н. Толстым, В. Г. Чертковым, И. М. Трегубовым и другими. Здесь же письма заключенных духоборов к Л. Н. Толстому из Тифлиса 1896 г., из с. Новоторского 1898 г. с пометкою рукою Льва Николаевича: «Из Якутской области», письмо общины «Всемирное братство» с фотопортретами духоборов (1900 г.). Яркое описание встречи с духоборами, их жизни, поведения и настроения, отношения к ним местного населения и фермеров дают письма Е. П. Накашидзе, И. М. Трегубова, С. А. Толстого и особенно письма В. М. Величкиной, совершившей поездку в Южную и Северную колонии и объездившей вместе с Л. А. Сулержицким ряд деревень.

Помимо документов о духоборах, имеются брошюры и листки вероучительного характера. Таковы: печатная брошюра «Ответ Иоанна Кронштадтского Льву Толстому», издание «Миссионерского обозрения», СПб., 1903, ответ на «Обращение к духовенству» Л. Толстого; «Слово-исповедь» того же И. Кронштадтского (1903 г.) по поводу «ужасного богохульства Толстого», «фальшивого словозвержения» и «совершенной бессмыслицы» его выводов; любопытна при этом характеристика, данная Толстому И. Кронштадтским: «Кто Лев Толстой? Это — лев, рыкающий, ищущий кого поглотить. И сколько он поглотит через свои льстивые листки. Берегитесь его!»... Среди этих документов находим также Евангелие, печатное издание Синодальной типографии, СПб., 1894, с автографическими пометками Л. Н. Толстого карандашом (подчеркнуты отдельные слова и выражения, некоторые строки зачеркнуты). На титульном листе книги рукою С. А. Толстой надпись: «Места, отмеченные Львом Николаевичем, признаются им самыми важными в Евангелии».

Содержание архивных материалов Софьи Андреевны Толстой касается как Л. Н.

Толстого, так и ее самой. Значительное место среди них занимают письма С. А. Толстой к ее сестре Т. А. Кузминской (1862—1867 и 1871—1906 гг.), в копиях машинописью; оригиналом писем находятся в Толстовском музее. Письма лишь частично были использованы в комментариях к собранию сочинений Л. Н. Толстого, а также в его биографиях; полностью опубликованы не были. В письмах много личного, интимного, но много и материалов для характеристики образа жизни Толстых, их времяпрепровождения, занятий и развлечений, социального окружения и пр. Не мало страниц этих писем связано с именем Л. Н. Толстого, его творческими замыслами и работами.

— «Левочка очень спокоен, работает, пишет какие-то статьи, иногда прорываются речи против городской и барской жизни. Мне это больно бышает, но я знаю, что он иначе не может» (30 января 1883 г.).

— «Никогда Левочка не был так упрям и упорен в безумствах, как нынешний год. Только смотришь, и душа болит» (6 мая 1888 г.).

— «Левочка здоров, но спит очень мало, отчего не может писать, а задумывает большое сочинение, как «Война и мир» (7 февраля 1891 г.).

Среди материалов С. А. Толстой много писем на русском и французском языках, полученных ею от разных лиц: П. И. Бирюкова, А. Бобринского, Н. Бутенева, П. Ф. Вимпфера, С. Горяинова, Т. Кузмина, М. Раевской, А. И. Урусова, К. Н. Устиновича, А. К. Чертковой и др. Наибольший интерес представляют письма 1901 г. по поводу постановления синода об отлучении Л. Н. Толстого от церкви как сочувственные, так и обличительные и даже ругательные. Из сочувственных писем отметим письма А. И. Урусова, П. И. Бирюкова; из писем противоположного характера письма митрополита Антония, М. Раевской и др.

Из личных материалов С. А. Толстой выделим лекции m-r Rivetault'a, ее учителя французского языка, с надписью на конверте рукою Софьи Андреевны: «Я слушала их в Москве, когда мне было 15 лет»; неоконченный перевод книги «Общественные задачи» Генри Джорджа на французский язык, отчетную ведомость о пожертвованиях в голодные годы (1892 г.), бюллетени о состоянии здоровья Л. Н. Толстого в 1901 г., а также «Ход болезни Л. Н. Толстого в 1902 году», подробное описание рукою С. А. Толстой.

Материалы Татьяны Львовны Тол-

стой alkalozdot в себе, главным образом, письма к ней разных лиц в связи с жертвовавшими в пользу голодающих (1891 г.).

Материалы Александры Львовны Толстой представляют собой небольшое собрание писем, охватывающих период от 1901 до 1926 г. Корреспондентами являются: члены семьи: Толстые Софья Андреевна, Татьяна Львовна (Сухотина), Александра Львовна, Мария Львовна (Оболенская) и др.; друзья и знакомые: Гольденвейзер А. Б., Сулержицкий Л. А., Эртель А. И., Эрденов М. Г., Шмидт М. А., Чертков В. Г., Черткова А. К., Бирюков П. И., Ге Н. Н. и др.; государственные учреждения: Комиссия по организации толстовского юбилея при Пермском рабочем университете, редакция «Защиты человека», Об-во имени Островского, издательство Мириманова, редакция «Русский мыслитель».

Материалы Марии Петровны Берс — несколько тетрадей — представляют собою дневник, веденный ею с 9 марта 1892 г., времени поступления ее сестрой милосердия в тифозные бараки тюремных больниц; в нем описаны впечатления от тюремных больных с характеристикою арестованных политических, мужчин и женщин.

Архивные материалы Владимира Григорьевича Черткова немногочисленны; большая часть их находится, по видимому, в других архивохранилищах (Толстовский музей и Литературный музей). Здесь же имеются письма самого В. Г. Черткова (1885—1892 гг.) к Н. Н. Ге, П. И. Бирюкову, Л. А. Толстому, Н. С. Лескову, Т. А. Толстой, И. Д. Сытину, И. И. Горбунову и др., а также письма разных лиц к В. Г. Черткову: В. В. Алексеева, П. Алексеева, Н. М. Гаршиной, Н. Г. Журавова, А. Залюбовского, Е. Ещенко, И. Кутузова, Е. И. Попова, И. Е. Репина (30 января 1888 г.) и др.

Помимо писем, имеется запись беседы П. И. Бирюкова с извозчиком по поводу легенды Л. Н. Толстого «Чем люди живы».

Изобразительный материал, касающийся Л. Н. Толстого, представлен большим количеством фотоснимков, фототипий, фототипоток с надписями из писаний Толстого, выбранными В. Г. Чертковым; большинство их, особенно фотоснимки К. К. Буллам, Шерер, Набгольд и К^о, В. Г. Черткова, Boissons et Caponier (Paris), прекрасно исполнены и наклеены на картоне.

Фотоснимки воспроизводят яснополянскую усадьбу и ее окрестности, яснополянский дом с его обстановкой и обитателями, а также различные моменты из

жизни самого Л. Н. Толстого: в кругу семьи, друзей и знакомых (М. Н. Толстая, ее дочь Е. В. Оболенская, В. А. Кузминская, Н. Н. Ге, А. Б. Гольденвейзер, В. Г. Чертков и др.) за работой, за чтением, на отдыхе. Среди этих фотоснимков обращают на себя внимание:

1) Л. Н. Толстой (в длинном черном сюртуке), Vraxell, 1861 г.

2) Л. Н. Толстой, фотография Н. Дягаченко, в Москве, 70-х годов.

3) Л. Н. Толстой в кругу родных, друзей и близких; среди них — художник Н. Н. Ге.

4) Л. Н. Толстой в кругу семьи (одни из ранних снимков).

5) Л. Н. Толстой, портрет, гравированный Мерклиним в 1888 г., с надписью-автографом «Искренне-уважаемому Гр. Л. Н. Толстому изд. ред. «Русск. Старина» Мих. Семеновский 1888 год Спб.».

6) Л. Н. Толстой и С. А. Толстая, фотопортреты, с собственными подписями: «Софья Толстая 1862—1907 гг. — Лев Толстой 23 сент. 1907 г.»; на оборотной стороне надпись рукою С. А. Толстой: «23 сентября 1907 г. Гр. Лев Никол. Толстой и жена его Гр. София Андреевна. Свадебный день 45-летнего супружества».

7) Л. Н. Толстой и П. Ф. Самарин за шахматами в присутствии В. А. Кузминской, О. Трубецкой и ее брата Григория; фотография 1891 г., у Самарина в Молодецках.

8) Неоконченный портрет Л. Н. Толстого, оригинал, карандашом, с припискою на нем рукою С. А. Толстой чернилами: «Рисунок Нестерова, для фотографии. Август 1906 год».

9) Рисунок худ. Пастернака, оригинал, пером, с подписью-автографом: «Ге читает свои заметки редактору «Северного Вестника» Л. Гуревич, в Москве, на Долгоруковской».

Среди других материалов отметим также ноты: «Вальс Л. Н. Толстого, записанный С. Таневым в 1906 году», автограф С. И. Танесва.

Весь этот материал представляет собою большую музейную ценность.

И. Федоров

2

Архив Т. А. Ергольской, троюродной тетки Л. Н. Толстого, поступил в Отдел рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина в числе других материалов, пожертвованных С. А. Толстой, владелица его, Т. А. Ергольская (1792—1874), занимала в семье Толстых большое место.

В 1830 г., после смерти Марии Николаевны Толстой, матери Л. Н., Т. А. переселилась в Ясную Поляну и до 1841 г. не расставалась с осиротевшими племянниками, всецело посвятив себя их воспитанию. В 1841 г., провожая их в Казань, куда они отправлялись по настоянию опекуни П. И. Юшковой, Т. А. писала мужу последней, В. И. Юшкову: «Qu'il est cruel, qu'il est barbare de me séparer de ces enfants auxquels j'ai prodigué les soins les plus tendres pendant près de 12 ans».

Позднее Т. А. жила у своей сестры Е. А. Ергольской, но наезжала в Ясную Поляну, и только в 1867 г., уступая просьбам Л. Н. и С. А. Толстых, окончательно переселилась в Ясную Поляну, где и прожила до конца жизни.

Архив Т. А. Ергольской является небольшим собранием писем, дневников и документов. Письма, представляющие наибольший интерес, автографы Л. Н. Толстого, опубликованы в «Записках Отдела рукописей», вып. I, стр. 25—32; опубликованы также письма М. Н. Толстой (ур. Волконской) к Т. А. Ергольской и одно ее письмо к мужу, Н. И. Толстому (С. Л. Толстой. «Мать и дед Л. Н. Толстого» изд. «Федерация», Москва, стр. 128—151).

Материалы архива Т. А. Ергольской сохраняются в трех картонах. Расположены они в следующем порядке:

В картоне I — письма (черновики) Т. А. к Толстым — Ник. Ник. — 2 п. 1845—1846 гг., Серг. Ник. — 1 п. 1857 г. и В. И. Юшкову — 1 п. 1841 г. и письма к ней разных корреспондентов: Н. Н. Толстого — 24 п., С. Н. Толстого — 34 п., М. Н. Толстой (племянницы) — 55 п., А. И. Остен-Сакен — 50 п., П. И. Юшковой — 45 п. и др. Все они относятся к первой половине XIX века и являются чисто семейной перепиской.

В картоне II сохраняются дневники Т. А. Ергольской, ее записки на листках и обрывках бумаги, напр.: «души сильно закаленные равно скрывают печаль и радость и не обнаруживают следов ни того, ни другого», или «le monde qu'est-ce le monde? C'est une prison plus vaste qu'une autre». Есть выписки, характеризующие ее отношения к людям; так, на обрывке почтовой бумаги Т. А. пишет: «Il y a des blessures qui ne se ferment jamais, je ne parle pas des chagrins qui dans ma jeunesse vinrent m'assaillir. Le plus vif, le plus cuisant, le plus sensible fut la perte de N. Elle me déchira le coeur et je ne connus bien que de ce moment que je l'avais tendrement aimé». (Надо думать, что N. — Н. И. Толстой,

отец писателя, которого, по свидетельству Л. Н. Толстого, Т. А. любила, но за которого не вышла, чтобы не препятствовать его браку с богатой девушкой, М. Н. Волконской.)

Вместе с дневниками сохраняются выписки из книг на листках и в отдельных тетрадах: стихотворения Лермонтова, Мятлева, Огарева, отрывки из Руссо, Вольтера и др.

В том же картоне помещаются письма разных корреспондентов, адресованные не к Т. А.: письма М. Н. Толстой (урожд. Волконской) к Н. И. Толстому — 3 п., 11 писем Н. И. Толстого к ней [1828—1830], Толстых Н. Н., С. Н., Д. Н. друг к другу, губернатора Толстых — Проспера Сен-Тома к ним и др.

В картоне III собраны документы разных лиц, свидетельства, расписки, вырезки из газет и журналов: «Русского инвалида», Journal et conseiller des enfants, Magasin des demoiselles».

На клочках и обрывках бумаги записи молитв, рецептов медицинских и домашних лечебных средств, напр.: «как избавиться от запоя», «средство против чумы у скота» и др.; тут же кулинарные рецепты: «лимонной водички», «бабы короля Станислава» и т. д. В небольшом белом плюшевом портфеле — вышивки бисером, узоры для вышиванья.

В том же картоне (III) ученические тетради Толстых, братьев и сестры Л. Н., диктанты и изложения на французском, русском и немецком языках, напр.: 1) «Приятность сельской жизни, — похоронный венок своей бабушке — С. Толстой», 2) «Как приятно умереть за отчество».

К тетрадям приложены детские рисунки карандашом.

Е. Рунин

3

Собрание материалов и бумаг Константина Семеновича Шохор-Троцкого, одного из редакторов литературного наследия Л. Н. Толстого, включает в себе огромную переписку К. С. Шохор-Троцкого с современными ему писателями, художниками, учеными, переводчиками, общественными деятелями, а также многочисленными последователями Толстого из крестьян.

В числе корреспондентов находятся: Х. Н. Абрикосов, С. А. Адрианов, Е. Бем, А. Белозеров, И. П. Белокозский, С. Д. Балухатый, С. А. Венгеров, В. Викторов, П. Г. Ганзен, Е. М. Гаршин, И. А. Гриневская, И. И. Горбунов-Посадов, А. И. Иконников, А. В. Жиркевич,

Е. В. Молодцова, Д. С. Мережковский, И. К. Пархоменко, А. В. Лебедев, Е. Е. Лансере и много других. Тематика писем касается различных вопросов: воспоминаний о Л. Н. Толстом, судьбы рукописей крестьянина Т. М. Бондарева и его писем к Толстому, сочинения сценария к «Хаджи Мурату», впечатлений от чтений произведений Толстого, иллюстраций к его творчеству и т. п. Очень много писем по поводу отказов от воинской повинности и судебных процессов в связи с этим. Исключительный интерес имеют письма Е. Е. Лансере об иллюстрациях к «Хаджи Мурату» и «Казаням» с описанием поездок художника в поисках оригиналов на места действия рассказа — в Чечню, Дагестан и окрестности Нуши.

К другой группе материалов относятся собственные работы К. С. Шохор-Троцкого — результат его долгих и упорных занятий по редактированию и комментированию отдельных томов сочинений Л. Н. Толстого; составленная Шохор-Троцким *Perzonija* на лиц, связанных с биографией и творчеством Толстого. Подбор материалов и документов об этих лицах имеет несомненную значимость для изучающих жизнь и творчество великого писателя.

Представляют интерес также мемуарные материалы (большую часть машинописные): воспоминания разных лиц о Л. Н. Толстом, как-то: Л. Я. Гуревич — «Рассказ о поездке к Толстому», 24 декабря 1893 г.; Я. Я. Гуревич — «У Л. Н. Толстого», воспоминания, 15 января 1926 г.; А. Л. Волинский — «Ясная Поляна» (из газетного письма), о пятичасовой беседе с Толстым, 1 августа 1897 г.; А. А. Корнилов — «О знакомстве с Толстым (два отрывка из моих воспоминаний)», без даты; Кеннан Георг — «Визит Л. Толстому», без даты; Р. (Рожондовский) Н. И. — «Мое посещение Л. Н. Толстого», без даты; «Рассказ крестьянина о Толстом», без даты, и др.

Наконец, особую группу составляют материалы по поводу движения дураборов, в судьбе которых Л. Н. Толстой принимал большое участие, с характеристикой отдельных участников движения и всего движения в целом.

Означенное собрание материалов и бумаг К. С. Шохор-Троцкого, поступившее в Отдел рукописей в самом конце 1937 г., находится в настоящее время в процессе разбора и систематизации.

И. Федоров

(Январь — июнь 1933 г.)

74*. *Огласительные поучения Феодора Студита*, рукопись писана полууставом в 1418 г. в Кирилловом Белозерском монастыре, повелением игумена Кирилла, основателя монастыря, в лист (28,5×20 см), на 309 лл., в кожаном переплете, современном написанию книги.

Рукопись писана ровным полууставом, в два столбца. Заглавия и заглавные буквы писаны кинноварью. Так как все статьи начинаются одною прописною буквою О, то писец, очевидно, стремился разнообразить ее начертание. Отметим на 201 л. изображение буквы в форме круглой рамки, внутри которой нарисовано лицо с густой бородой (Кирилла?).

На обороте 308 и на 309 лл. написаны послесловие и летопись. В летописи приводится точная дата написания рукописи: «В лето 6926, месяца септемвриа в 14, написаны быша сия книги, глаголемые Феодор Студитский, в обители пресвятыя богородицы, повелением господина старца Кирилла игумена, в славу святых троицы, аминь». О себе писец упомянул только в конце молитвы: «спомяни и мене грешного, протягшаго недостойную мою руку».

На бумаге знак — голова единорога.

47. *Лествица*, рукопись писана мелким полууставом в 1436 г. Феодором монахом на 258 лл. (19,5×13 см), в старом кожаном (поврежденном) переплете. На 3 и 11 лл. заставки, составленные из кругов, исполнены синей, красной и желтой красками.

На обороте 254 л. запись: «В лето 5944 о Христе начало и конец бысть рукою многогрешною священнонока Феодора, ростовалянина родом».

* Номера даны по книге поступлений 1938 г.

66. *Пророчества, или Пророки*. Рукопись содержит пророчества шестнадцати малых пророков («Книги шестнадцати пророков»), писана полууставом XV века, в четвертку, 21,5×15,3 см, на 592 лл., в первоначальном (поврежденном) переплете.

На 3 л. заглавие писано в разрисованной заставке из трехцветных крестиков.

На бумаге знак — высокий крест на пирамиде из камней. На обороте 592 л. послесловие: «Конец пророчеству Данилову и прочим. О владыко Христе, превечный боже, слава тебе, аминь».

14. *Мисея служебная, месяц сентябрь*, рукопись писана полууставом XV века, в четвертку, 20×15 см, в старом разбитом переплете. Рукопись повреждена сыростью. Листы начальные и последние обветшавы.

54. *Палея (без начала)*. Рукопись писана полууставом XVI века, в лист, на 946 лл., 25,5×16,5 см, в переплете. Рукопись пострадала от сырости и употребления. Листы в начале и в конце подклеены; переплет подновлен.

На 496 л. послесловие писца: «О, Христе мой, всякому еси делу благу начало и конец, слава тебе. Словеса убо писаннаа придоша в конец, уму же да не будет когда прияти конец в любителях душепитательных словес».

Бумага отличного качества со знаками: лалия и римская цифра VI.

91. *Евангелие* — апракос (без начала), писано полууставом XVII века, в малый лист, 26×18,5 см, на 173 лл., в разбитом переплете.

56. *Предание Нила Сорского*, писано полууставом конца XVII века, в восьмушку, 15,5×10 см, в поповленном переплете, на 149 лл. На обороте 149 л. запись: «Господу богу, давшему усердие начати, ему же слава сподобившему и скончати. Писана рукою недостойною многогрешного старца Антония Рохлецова».

71. *Житие Андрея юродивого царградского*; писано мелким полууставом конца XVII века, в восьмушку, 16,8×10,5 см, на 218 лл., в переплете.

В конце рукописи написана пасхалия.

53. *Сборник житий и сочинений отеческих*; писан мелким полууставом XVII века, в лист, 29×16,5 см, на 177 лл., в новом переплете. Содержит: 3—7 лл. Жития Симеона столпника и Маманта муч.; 8—88 лл. Петра Дамаскина, Воспоминание к своей душе; 89—121 лл. Исаака Сирина, Воспоминание к сидящему в келии; 122—177 лл. Симеона Метафраста, Слово о начале жителства. Письмо западнорусское.

59. *Путник, или указатель расстояния до всех городов русских, до государевых сел и поместий и до столиц зарубешных стран, а также «Указ как писать по городам подорожные и как на них подписывать прогонье»*; без первого листа; писан скорописью XVII века; в четвертку, 20×16,3 см, на 76 лл., в мягком кожаном переплете. Рукопись повреждена сыростью и в корешке и на листах. В конце расписаны московских полков и поддешные летописные записи.

49. *Летописец новый*; писан скорописью XVII века, в лист, 29,5×19,5 см, на 516 лл., в переплете XVIII века.

Начальных листов рукописи не сохранилось: они приписаны в XVIII веке, несомненно, одновременно с переплетом. Последним событием записано рождение царевны Анны Михайловны в 7138 (1620) году.

89. *Правдыки*, на крюковых нотах; писаны мелким полууставом XVII века, в восьмушку, 15,5×10 см, на 219 лл., в переплете. В начале заставка рисована чернилами.

92а. *Обиход (обедица)*, на крюковых нотах, нового полууставного письма, в четвертку, 23×21 см, на 61 лл., в поврежденном переплете. Письмо и украшения поморского мастера.

95. *Обиход*, на крюковых нотах, нового поморского письма, в большую четвертку, 27,5×21,5 см, на 102 лл., в переплете. На обороте 102 л. позднейшая запись о написании рукописи в 1858 г. в Астрахани Иваном Максимовым.

96. *Ирмолой*, на крюковых нотах; рукопись писана новым провинциальным полууставом, в лист, 33,5×21,5 см, на 257 лл., в красном шагреновом переплете, с золотыми тиснениями и золотым обрешом. Для заставок и прописных букв остались пустые места.

90. *Демественик*, на крюковых нотах;

рукопись нового письма, в лист, 36×23 см, в переплете.

Заставки, украшения на полях и прописные буквы расписаны яркими красками с золотом, провинциального мастерства.

92б. *Обедица*, на крюковых нотах; рукопись писана новым полууставом в Петербурге, в 1892 г., в четвертку, 20,8×16 см, на 85 лл., в переплете.

На 74 л. запись: «Написал сию Обедицу певчий Громовского старообрядческого кладбища Емельян Борисович Капустин 1892 года генваря 15-го дня».

Заставка и заглавная буква с золотом и в красках.

64. *Октай*, на крюковых нотах, в четвертку, 21,5×16,7 см, на 162 лл., в переплете. Письмо и украшения слабого мастера.

117. *Лицевой сборник*, содержащий *Страсти и Житие Василия Нового*, в лицах; писан полууставом XVIII века, на синей ярославской бумаге, в лист, 33×20,5 см, на 348 лл., в переплете.

Текст всей рукописи писан одной рукой, как и рисунки исполнены во всей рукописи одним художником. Рисунки исполнены по старым образцам; красок мало, главенствуют три основных (красная, синяя и желтая). Раскрашены рисунки сплошным слоем, почти без теней, как на лубочных картинках.

На бумаге знаки — ярославский герб (медведь) в овальной раме и буквы Я. М. Г.

118. *Апокалипсис лицевой*; писан поморским полууставом в 1787 г., в лист, 37×23 см, на 232 лл., в переплете с золотым обрешом.

Две рамки в начале и первое изображение исполнены с традиционным поморским мастерством, с золотом. Все прочие изображения, как и заглавные буквы, хотя исполнены тоже с золотом, но мастерство близко к лубочному и краски только основных тонов. Краски нередко переходят за пределы своего назначения (с одежды на тело, с бороды на все лицо).

На обороте 232 л. летопись: «Совершена же бысть сия книга Апокалипсис в лето тысяща семь сот осемьдесят седьмого, месяца генваря в 30 день. Писана с переподу архистратига Михаила Чудова монастыря, иже есть посреде царствующего града Москвы. Слава совершителю богу, совершающему всяко начинание благо, во веки, аминь».

116. *Апокалипсис лицевой*; писан полууставом в конце XVIII века, в лист, 34×22 см, на 244 лл., в переплете. И

текст и рисунки исполнены белкискими мастерами. Бумага плотная, сероватая, без знаков.

115. Сборник повестей и житий; писан скорописью XVIII века, в четвертку, 20×17 см, на 159 л., в переплете. Содержит повесть о Савве Грудцыне, жития Евстафия Плакиды, Екатерины, Евфимия, Киприана и Устиния, Андрея Юродивого, Андрея Критского и слово Макария Египетского.

48. Повесть, или «Гистория о храбром воине Кроне»; писана скорописью XVIII века, в четвертку, 20,5×16,5 см, на 164 л., в поврежденном переплете.

69. О беспорочной и приятной жизни, произведение дворянина; писано скорописью XVIII века, в четвертку, 24×16,5 см, на 71 л., в папке. Листы и вся рукопись пети.

45. Журнал марша observationalного корпуса в Пруссии 1758 года, с планами и чертежами; писаны и рисованы в 1759 г., в лист, 31×20 см, на 233 л., в переплете, с украшениями золотом и красками.

Журнал представлен командиром корпуса шефу корпуса графу Петру Ивановичу Шувалову.

60. «Гисторическое описание российских медалей», которые «на российских монетных дворах деланы, от Петра I до Елизаветы, сочинено Иваном Шлатером»; писано скорописью начала XIX века, в четвертку, 20×16 см, на 86 л., в переплете.

65. Пронски и хитрости воинские, переведенные с французского Иваном Шишкиным, в Петербурге в 1759 г.; писаны скорописью конца XVIII века, в четвертку, 20×16,5 см, на 64 л., в переплете.

46. Рассуждение при публичном собрании в казанских гимназиях, читанное ноября 25-го дня 1776 года; писано скорописью конца XVIII века, в четвертку, 20×16,5 см, на 23 л., в папке. На обороте 1 л. запись дарственная Николаю Александровичу Овцыну от фон Каница.

На 1 л. другая запись 1803 года.

35. Окладная книга о дворцовых волостях; писана крупной скорописью в 1789 г., в 6. четвертку, 32,5×23 см, на 106 л., в красном сафьяновом переплете с золотыми тиснениями и с золотым обрезом.

63. Трагедокомедия; писана скорописью XVIII века, в четвертку, 20,5×16 см, на 12 л., без переплета.

67. Московская или Российская история, от начала русской истории до Столбовского мира со Шведами в 1617 году, Тренера, в переводе 1741 г., писана скорописью

XVIII века, в четвертку, 20×15,5 см, на 169 л., в поврежденном переплете.

62. Московский журнал, выпуск II, писан скорописью 1794 г., на синей бумаге 1791 г., в четвертку, 20,5×17 см, на 154 л.; переплет утерян.

На обороте 151 л. запись: «7 июн. 1794 год».

61. Пришествие Карла XII в царство мертвых; писано скорописью XVIII века, в лист, 31×19,5 см, на 214 л., в переплете.

61. О начале и происхождении языка и о изобретении письма, перевели с французского воспитанники университета благородного пансиона князь Григорий Гагарин и Петр Лихачев; писано скорописью конца XVIII века, в четвертку, 23,5×18 см, на 43 л., без переплета.

Экземпляр цензурный, за подписью Антона Прокоповича-Антонского и секретаря цензуры Ивана Карнапелева и записью о подаче в цензуру 20 декабря 1798 г.

58. Песенник (без начала); писан скорописью конца XVIII и начала XIX вв., в продолговатую четвертку, 16,5×21 см, на 74 л., в разбитом переплете. Листы сильно обветшали и вываливаются из корешка.

43. Новые легчайшие и вернейшие способы ставить диоптры и мушки на артиллерийских орудиях, предложены майором Андреем Марквичем в 1799 году; писано скорописью начала XIX века, в четвертку, 21,5×16 см, на 36 л., в переплете. Последние листы с 33-го заняты чертежами.

37. Отчет за 1802 год, представленный от первой экспедиции о государственных доходах государственному казначею Ф. А. Голубцову; писан в 1804 г. писарской скорописью, в лист, 37×23 см, на 91 л., в красном сафьяновом переплете.

40. Генеральный отчет о государственных приходах и расходах 1805 года, представленный Ф. А. Голубцову; писан писарской скорописью в 1807 г., в лист, 40×24,5 см, на 207 л., в красном сафьяновом переплете, с золотыми тиснениями и с золотым обрезом.

38. Генеральный отчет о государственных приходах и расходах 1806-го года; представленный И. А. Вейдемейером Ф. А. Голубцову; писан писарской скорописью 1808 г., в лист, 40×25 см, на 253 л., в сафьяновом красном переплете с золотыми тиснениями и золотым обрезом.

39. Генеральный отчет о государственных приходах и расходах 1808 года;

писарская скоропись в лист, 33,5×21 см, на 460 л., в красном сафьяновом переплете с золотыми тиснениями и золотым обрезом.

34. Роспись о государственных доходах и расходах на 1809 год; писана писарской скорописью, в лист, 32,5×20 см, на 62 л., в красном сафьяновом переплете с золотыми тиснениями.

114. Послания архимандрита Фотия графине Агнне Алексеевне Орловой-Чесменской 1820, 1821 и 1822 гг.; всего 26 посланий; писаны крупной скорописью первой половины XIX века, в лист, 35×21,5 см, на 110 л., в поврежденном переплете красного сафьяна с тиснениями.

138. Альбом рисунков карандашом и акварелью, исполненных в 1818—1819 гг. Содержание рисунков — виды городов и пейзажи южной России (Полтава, Перекоп, Николаев, Крым). Альбом в красном сафьяновом переплете с золотым тиснением и обрезом.

15. Дневники Н. Д. Дурново на француз., в 17 книжках, за 1811—1828 гг., в прекрасных кожаных переплетах с золочеными украшениями и обрезом. (См. о дневниках Дурново публикацию в «Записках отдела рукописей» вып. 3.)

23. Материалы из архива декабриста Коновницына, — четыре документа; портрет М. Н. Волконской, биография П. П. Коновницына и др.

99. Общий тариф для портовых и пограничных таможен 1834 г., — печатный текст с многочисленными рукописными вставками.

148. Материалы по истории Кавказа 1830—1840 гг. Официальные документы о военных действиях на Кавказе в эти годы. Из архива генерала Вельяминова.

122. Бумаги М. А. Зензинова, — этнографические размышления и описания, касающиеся Восточной Сибири. Бумаги относятся к 1-й половине XIX века.

85. Альбом Е. В. Сухово-Кобылиной с записями, начиная с 1839 г., с копиями стихотворений и автографами разных лиц.

87. Дневники Шаховской, веденные ею в 1840-х гг., во время путешествия по Европе, и ее переписка за эти годы. В шести тетрадах.

106. Воспоминания Г. И. Мешкова, пензенского чиновника, относящиеся к 1820—1880 гг. Рукопись каллиграфически написана и украшена орнаментами самим автором.

142. Бумаги А. В. Станкевича; среди них письма Бакунина, Боткина, Кудрявце-

ва, Кульчицкого, Кронеберга, Краевского, Кетчера, Невверова и др.

134. Бумаги М. М. Достоевского; автограф неоконченного романа «Денги», две записные тетради с черновиками литературных произведений и с хозяйственными записями.

103. Письмо Д. В. Григоровича 1892 г. в ред. журнала «Русская мысль».

105. Письмо И. С. Тургенева к П. В. Анненкову от 24 января 1879 г. из Парижа.

109. Письма В. М. Гаршина, — девять писем.

129. Письма К. П. Победоносцева к А. О. Ключареву 1880—1898 гг., — сто тридцать два письма.

135. Собрание писем художников и писателей: Архипова, Гусева-Оренбургского, А. Каменского, Куприна, Пазухина, Потапенко, Репина и др., — всего двести двадцать девять писем.

17. Письма худ. Г. И. Семирадского, — пять писем 1896—1897 г.

137. Автографы А. Н. Толстого (см. выше обзор их, сделанный Н. Н. Гусевым).

149. Письма П. Д. Боборыкина к И. А. Бунину, — 18 писем.

151. Рукописи проф. Н. И. Кареева, — автографы научных трудов, опубликованных и неопубликованных.

81. Дневник Ф. И. Клопова, участника порт-артурских боев в 1904 г., и письмо к нему из Одессы о прибытии броненосца «Потемкин».

2, 5, 16, 150. Автографы писателей: Блока, Брюсова, Бальмонта, А. Белого, Бунина, Гумилевского, Есенина, В. Катаева, Зайцева, Вяч. Иванова, Куприна, Ремизова, Соболя, Сологуба, А. Н. Толстого, Тихонова и др.

78, 123, 127. Материалы по истории русского театра в предреволюционную эпоху: письма театральных деятелей, фотокарточки, афиши и пр.

31. «Слово о полку Игореве» — список, сделанный в начале XX в. Блиновым, со многими миниатюрами.

Рукописи на национальных и иностранных языках.

1. Novum testamentum, кодекс библейский книг нового завета, список XIV века на латинском языке. Написан на тонком пергаменте, прекрасно оформлен.

25. Лечебник — рукопись XVI века на армянском языке с семью рисунками.

141. Рукописи на персидском языке:

1) по юриспруденции — шариат, написана в 1656 г.;

2) по астрономии — таблицы Улугбека, внука Тимура, написана в XVII в.

32. Коран — рукопись XVII—XVIII вв. на арабском языке.

139. Лечебник — рукопись 1785 г. на армянском языке.

97. «Шах-наме» Фирдуси — рукопись на персидском языке.

11. Сборник на арабском языке, содержащий труды по математике.

121. Рукопись на сингалезском языке, с

острова Цейлона; написана на листьях пальмы; является буддийским ритуальным манускриптом и относится к началу XIX в.

108. Автографы итальянских деятелей науки, литературы и искусства XVII—XIX вв. — 40 документов.

2. Автографы: Андерсен Нексе, Р. Альберти, А. Барбюс, Лорса, Мазерель, Р. Роллава, Г. Увас, Л. Фейхтвангер, Б. Шоу.

4. «Барсова шкура» — перевод поэмы Шота Руставели «Барсова шкура» на армянский язык, автограф Ваню Мочабели.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- А. П. См. Пушкин А. С.
Абрикосов Х. Н. — 63.
Абрикосова Н. Л. (ур. Оболенская) — 40, 46.
Агирре М. — 59.
Альберти Р. — 68.
Андрей Критский — 66.
Андрей Юродивый — 66.
Адрианов С. А. — 63.
Алексеев В. В. — 61.
Алексеев П. — 61.
Александр I — 47.
Александр II — 50, 51.
Андрюша — см. Толстой А. Л.
Анна Мих., царица — 65.
Аншенок П. В. — 26, 27, 29, 67.
Анненков, полковник — 49.
Анненский Н. Ф. — 60.
Антоний, митроп. — 61.
Апухтин А. Н. — 44.
Арсеньева В. В. — 24, 28, 33, 36.
Архипов — 67.
Ауврбах Б. — 58.
Баграмян П. И., кн. — 14.
Базилевская В. П. — 39, 45.
Бакуни М. А. — 67.
Балу А. — 58.
Балашов С. П. — 60.
Балахатый С. Д. — 63.
Бальмонт К. Д. — 67.
Барбюс А. — 68.
Бар Г. — 58.
Барклай де Толли М. Б., кн. — 13—15.
Барятинский А. И., кн., — 31.
Баттерби Г. — 58.
Беккер Эдди М. — 58.
Белинский В. Г. — 27.
Беллоус Д. — 58.
Белоzerов А. — 63.
Белкин И. П. — 3, 7, 28, 29, 30.
Белокопский И. П. — 63.
Белый А. — 67.
Бем Е. — 63.
Бенгерель — 59.
Бенингсен Л. А., гр. — 10, 13, 14.
Бергер — 59.
Бернштейн А. — 58.
Берс М. П. — 59, 61.
Бишток — 34.
Бирюков П. И. — 3, 31—37, 42, 57.
Блинов — 67.
Блок А. А. — 67.
Боборыкин П. Д. — 67.
Бобринский А., кн. — 61.
Бодеге М. — 59.
Бондарев Т. М. — 63.
Боннес — 59.
Боргман И. — 60.
Боткин В. П. — 26, 67.
Брюсов В. Я. — 67.
Булаше П. А. — 57.
Булла К. К. — 61.
Бунин И. А. — 57.
Бунин Ю. — 60.
Буассон Капонье (Boisson Caponier) — 61.
Буяковский В. (Bouniakovski V.) — 51, 52.
Бутенев Ал. — 61.
Бьеррисон Бьернстьерне — 58.
Балер Л. — 59.
Бар — 59.
Вагнер Р. — 55.
Ван дер Веер Г. — 58.
Ван Дройль Г. — 58.
Вейдемейер И. А. — 66.
Величкин В. М. — 60.
Вельяминов И. А. — 67.
Венгеров С. А. — 63.
Верн Жюль — 56.
Веселовский К. С. — 51, 52.
Виардо П. — 28.
Викторова В. — 63.
Вимпфен П. Ф. — 61.
Витгенштейн П. Х., гр. — 49.
Волконская Е. Г., кн. — 35.
Волконский Н. С., кн. — 32, 35.
Вольтер — 63.
Вольфоген Л. Ю. — 13—16, 18.
Волынский А. Л. — 63.
Вюртембергский Евгений, принц — 10, 14.
Гагарин Г., кн. — 66.
Гайдук Петр — 50.
Гальперин — Каминский Е. — 58.
Ганзен П. Г. — 63.
Гангуд Изавель — 58.
Гардинг — 13.
Гаршин В. М. — 67.
Гаршин Е. М. — 63.
Ге Н. Н. — 32, 35, 57.
Гола Болтон — 58.
Голохвастов П. Д. — 3, 7, 28, 29.
Голохвастова О. А. — 28, 29.
Голубцов Ф. А. — 66.
Гольденвейзер А. Б. — 36, 37, 41, 57.
Гольцев В. А. — 57.
Гончаров И. А. — 24, 25, 27, 57.
Горбунов-Посадов И. И. — 37, 38, 41, 43, 57, 63.
Горчаков А. М., кн. — 24, 27.
Горький А. М. — 60.

Горюхинов — 60.
Григорьевич Д. В. — 24, 27, 67.
Григьевская И. А. — 63.
Грот Н. Я. — 57.
Грудцын Савва — 66.
Грузинский А. Е. — 6, 7, 26, 60.
Гудан Н. — 7.
Гудзий Н. К. — 43.
Гумилевский Л. — 67.
Гуревич Л. Я. — 62, 63.
Гуревич Я. Я. — 63.
Гусев Н. Н. — 8, 29, 30, 35, 36, 43—46.
Гусев-Оренбургский С. П. — 67.
Гюго В. — 38, 43.

Давыдов Н. В. — 38, 43.
Дамаскин П. — 65.
Дашкевич П. Б. — 37, 42.
Деблин Г. — 59.
Делседда Грация — 58.
Дени, аббат — 59.
Джордж Г. — 61.
Дидерихс И. К. — 59.
Добролюбов А. М. — 44.
Добролюбовцы — 38.
Додв А. — 28, 29.
Долгоруков В. А., кн. — 24, 27.
Дора — см. Толстая Д. Ф.
Достоевский М. М. — 67.
Достоевский Ф. М. — 44.
Дроз Г. — 28, 29.
Дружинин А. В. — 24, 25, 27.
Дурново Н. Д. — 67.
Дьягоченко — 62.

Евфимия — 66.
Екатерина — 66.
Екатерина II, имп-ца — 47.
Елизавета Петровна, имп-ца — 66.
Ергольская Т. А. — 33, 36, 59, 62, 63.
Ерошка, дядя (дядя Епипшка — «Казань») — 7.
Есенин С. А. — 67.
Ещенко Е. — 61.

Жиркевич А. В. — 63.
Журавов Н. Г. — 61.

Залибовский А. — 61.
Зайцев Б. — 67.
Зензинов М. А. — 67.
Златовратский Н. И. — 57.
Зуттиер Б. — 58.

Иванов В. И. — 67.
Игнатъев П. Н., гр. — 51, 52.
Иконников А. И. — 60.
Иоани Кронштадтский — 60.

Каменский А. П. — 67.
Каниц фон — 66.
Капустин Е. В. — 65.
Кареев Н. И. — 67.
Карл XII — 66.
Кармен-Сальва — 58.
Карпелен И. — 66.
Катаев В. — 67.
Катенин — 49.
Катков М. Н. — 55.
Катя — см. Толстая Е. В.
Кенворти Дж. — 58.
Кештан Г. — 63.
Кетчер Н. Х. — 67.

Кишани — 60.
Киприан — 66.
Кирилл, игумен — 64.
Кларети Ж. — 58.
Клопков Ф. И. — 67.
Ключарев А. О. — 67.
Колошина С. П. — 32, 35.
Коля — см. Оболенский Н. А.
Кони А. Ф. — 38, 44, 57.
Коновницын П. П. — 67.
Корнилов А. А. — 63.
Краевский А. А. — 67.
Крапоткин Д. Н. — 60.
Кронберг А. И. — 67.
Кросби Э. — 58.
Кудрявцев П. Н. — 67.
Кузмин — 61.
Кузминская В. А. — 62.
Кузминская М. А. — 54.
Кузминская Т. А. — 29, 36, 37, 39, 41, 45, 54, 56, 60, 61.
Кузминский А. М. — 39, 45, 54, 56.
Кузминский М. А. — 36, 41.
Кульчицкий — 67.
Кутайсов А. И. — 10, 11, 17.
Кутузов И. — 61.
Кутузов М. И., кн. — 10, 11, 14—18.

Лансере Е. Е. — 63.
Лебедев А. В. — 63.
Левин Л. Ф. — 33.
Левинский С. Л. — 27.
Лева, Левочка — см. Толстой Л. Н.
Лева — см. Толстой Л. А.
Леонтьев — 54.
Лермонтов М. Ю. — 63.
Лесков Н. С. — 57, 61.
Лесюер Д. — 58.
Лихачев П. — 66.
Люрса — 68.
Лютке Ф. (Lütke F.) — 51, 52.

Мазереель Ф. — 68.
Макарий Египетский — 66.
Маковицкий Д. П. — 29, 42, 43, 45, 46.
Максимов И. — 65.
Малиновский — 45.
Мамвнт, мученик — 65.
Маркевич А. — 66.
Маркс А. Ф. — 21, 57.
Матвеев В. Н. — 39, 49.
Матвеева В. В. — 39, 45.
Маша — см. Оболенская М. А.
Маша — см. Толстая М. Н. (ур. Зубова).
Машинька — см. Толстая М. Н.
Мережковский Д. С. — 63.
Меркин — 62.
Метафраст С. — 65.
Мешков Г. И. — 67.
Миклулич (Веселитская Л. И.) — 43.
Мирбо О. — 58.
Митяша — см. Оболенский Д. А.
Митя — см. Толстой Д. Н.
Миша — см. Толстой М. А.
Могабели В. — 68.
Модзалевский Б. А. — 56.
Моисеев — 49.
Молодцова Е. В. — 37, 41, 63.
Молодцова Э. М. — 32, 36.
Молочников В. А. — 38, 44.
Мюрлат Иоаким — 14.

Накашидзе Е. П. — 60.

Накашидзе И. — 60.
Наполеон I Бонапарт — 11—13, 15.
Наталья Петровна см. Охотницкая Н. П.
Наташа см. Сухотина Н. М.
Невежин П. М. — 57.
Неверов А. — 67.
Некрасов Н. А. — 3, 23—28, 44, 57.
Нексе А. — 68.
Немов — 60.
Нессельроде К. В., гр. — 24, 27.
Нестеров М. В. — 62.
Нестеров (обер-фискал) — 30, 31.
Никитин Д. В. — 36, 39, 41, 45.
Николаев С. Д. — 38, 44, 45.
Николаева Л. Д. — 38, 44, 45.
Николай I — 31, 33, 35, 36, 49, 50, 52.
Николев И. Н. — 30.
Николинька — см. Толстой Н. Н.
Нил Сорский — 64.

Оболенская Е. В. — 25, 62.
Оболенская М. Л. (ур. Толстая) — 31, 34—36, 41.
Оболенский Д. А. — 25, 28.
Оболенский Д. Д. — 36, 41.
Оболенский Н. Л. — 38, 44.
Овцын Н. А. — 66.
Огарев Н. П. — 63.
Оголин А. П. — 49, 51.
Олифер (Алифер) — 49, 52.
Ольга — см. Толстая О. К.
Орлова-Чесменская А. А. — 67.
Остен-Сакен А. И. — 62.
Островский А. Н. — 24, 25, 27.
Охотницкая Н. П. — 24, 27.

Пазухин А. М. — 67.
Панаев И. И. — 33.
Пархоменко И. К. — 63.
Паско (Pascault) — 61.
Пастернак Л. О. — 62.
Петр I — 30, 66.
Писемский А. Ф. — 38, 44.
Плакида Евстафий — 66.
Плюсинн В. В. — 38, 44.
Победоносцев К. П. — 59, 67.
Полонский Я. П. — 57, 59.
Попов Е. И. — 61.
Попов Н. А. — 30.
Попцов Савва — 30, 31.
Потапенко И. Н. — 67.
Поша см. Брюнов П. И.
Презо М. — 58.
Прокопович-Антонский А. А. — 66.
Прокудин-Горский С. М. — 38, 43.
Пушкин А. С. — 3, 7, 27, 29, 30.

Р. (Ржондовский Н. И.) — 63.
Радвишевский С. — 50.
Раевская М. — 61.
Раевский Н. Н. — 15.
Рафэвал — 55.
Ремизов М. Н. — 67.
Ретин И. Е. — 57, 61, 67.
Рильке Р. М. — 58.
Робертсон Р. — 37, 41.
Роллан Ромен — 58, 68.
Рохлецов — 64.
Руссо Ж.-Ж. — 63.
Руствали Шота — 68.

Сабатье П. — 58.
Саломон Ш. — 58.
Самарин П. Ф. — 62.

Саша — см. Толстая Л. А.
Свербеева Л. Д. — 39, 45.
Семевский М. — 62.
Семенов С. Т. — 37, 41.
Семирадский Г. И. — 67.
Сенковский — 50.
Сергеев П. А. — 6, 7.
Серезжа — см. Толстой С. Н.
Серезжа — см. Толстой С. Л.
Сен Тома П. — 62.
Сирин Исаак — 65.
Соболь А. — 67.
Соллогуб Ф. К. (Тетеринков) — 67.
Соловьев С. М. — 3, 30, 31.
Соня — см. Толстая С. А.
Срезневский В. И. — 25.
Стамо Э. Р. — 43.
Станкевич А. В. — 67.
Стасов В. В. — 57.
Стахович М. А. — 38, 44.
Стахович С. А. — 38, 44.
Столпник Симеон — 65.
Страхов Н. Н. — 30, 56.
Страхов Ф. А. — 37, 41.
Студит Федор — 64.
Суворов С. Е. — 42.
Суллержницкий Л. А. — 60.
Сумбатов А. И. — 60.
Сузово-Кобылина Е. В. — 67.
Сухотин А. М. — 39, 45.
Сухотин М. М. — 40, 46.
Сухотин М. С. — 37, 42.
Сухотина Е. П. — 39, 45.
Сухотина Н. М. — 37, 38, 42, 44.
Сухотина Т. Л. — 31, 33—35, 37, 39—42, 45, 46, 54, 55, 59.
Сухотина Т. М. — 39, 45, 46.
Сытин И. Д. — 61.

Танцев С. И. — 62.
«Танчик» — см. Сухотина Т. Л., Сухотина Т. М., Фохт Т. А.
Таня — см. Сухотина Т. Л.
Тимирязев К. А. — 60.
Тимур — 68.
Тихонов В. А. — 67.
Толстая А. Л. — 35, 37—40, 42, 45, 46, 59, 61.
Толстая В. В. — 23, 25, 26.
Толстая Д. Ф. (ур. Вестерлуид) — 37, 39, 41.
Толстая Е. В. (ур. Горюхинова) — 40, 46.
Толстая М. Н. — 23—28, 43, 53, 62.
Толстая М. Н. (ур. Волконская) — 32, 35, 49, 51, 62, 63.
Толстая М. Н. (ур. Зубова) — 37, 38, 42.
Толстая О. К. (ур. Дидерихс) — 37, 39, 41, 45.
Толстая С. А. — 12, 17, 29, 32, 35—46, 53—62.
Толстой А. Л. — 37, 38, 41.
Толстой А. Н. — 67.
Толстой В. П. — 23—27.
Толстой Д. Н. — 23, 26, 63.
Толстой И. Л. — 54, 56.
Толстой Л. А. — 37, 39—41, 45, 46, 61.
Толстые: }
Никита } дети Толстых Л. Л. и Д. Ф. — 39.
Нина }
Павел }
Петр }
Толстой Л. Н. — 3—8, 16, 17, 21, 23, 25—46, 48—57, 59—63, 67.

- Толстой М. А. — 37, 41.
 Толстой Н. В. — 23, 25.
 Толстой Н. И. — 35, 47—49, 51, 62—63.
 Толстой Н. Н. — 23, 24, 26, 27, 35, 63.
 Толстой С. А. — 37, 38, 42.
 Толстой С. Н. — 25, 28, 63.
 Трегубов И. М. — 34, 57, 60.
 Тренер — 66.
 Трубецкая О. — 62.
 Тургенев И. С. — 3, 23—28, 44, 57, 67.
 Тучков П. А. — 10.
- Уваров А. С. — 36.
 Уваров — 12.
 Улугбек — 68.
 Урусов А. И. — 60, 61.
 Урусов Л. Д. — 54.
 Устимович К. Н. — 61.
 Уэлс Г. — 68.
- Федор, монах — 64.
 Фейтвангер А. — 68.
 Феоктистова В. М. — 39, 40, 46.
 Фет А. А. — 27, 57.
 Фирдуси — 68.
 Фогаццаро А. — 58.
 Фотий, арх. — 67.
 Фохт Г. Н. — 38, 44.
 Фохт Т. А. — 34, 45, 46.
- Цявловский М. А. — 26.
 Хирьяков А. М. — 54.
- Чемберлен А. С. (Chamberlain H. S.) —
 37, 43.
 Чернышев А. И., гр. — 49.
 Чернышевский Н. Г. — 25.
 Черткова А. К. — 41, 45, 61.
 Чертков В. Г. — 34, 37, 39—42, 45, 46,
 54, 57, 59, 60.
- Шатилов П. Н. — 28, 29.
 Шарипова А. Н. — 37, 42.
 Шаховская — 67.
 Шейдеман — 50.
 Шекспир В. — 55.
 Шербюлье В. — 28, 29.
 Шерер и Набгольц — 61.
 Шершенев В. В. — 8.
 Шишкин И. — 66.
 Шлатер И. — 66.
 Шмидт М. А. — 38, 43, 44, 61.
 Шмидт Э. Г. — 58.
 Шоу Б. — 68.
 Шохор-Троцкий К. С. — 63.
 Шредер Ф. — 54.
 Шувалов П. И., гр. — 66.
- Щербатова П. С. (Уварова) — 32, 36.
- Эртель А. И. — 57, 61.
- Юрьев С. А. — 57.
 Юшков В. И. — 62.
 Юшкова П. И. — 62.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. А. Н. Толстой — фотография 1870-х гг.
2. Страница черновой рукописи «Война и мир».
3. А. Н. Толстой — рисунок М. В. Нестерова.
4. А. Н. Толстой у П. Ф. Самарина в Молоденках — фотография 1891 г.
5. А. Н. Толстой и С. А. Толстая — фотография 1907 г.
6. Грамота И. А. Толстого 1792 г.
7. Грамота А. Н. Толстого 1854 г.
8. Подорожная А. Н. Толстого 1851 г.
9. Диплом А. Н. Толстого на звание члена-корреспондента Академии Наук 1873 г.
- 10—13. Рисунки А. Н. Толстого к роману Ж. Верна «Путешествие вокруг света в восемьдесят дней», 1870-е гг.

